

В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА

● **ПРОТИВ ЛЖИ И
ФАЛЬСИФИКАЦИЙ**
История Великой
Отечественной
войны:
предотвратить
ее искажение
и фальсификацию

● **НЕИЗВЕСТНОЕ
ИЗ ЖИЗНИ
СПЕЦСЛУЖБ**
Секретная миссия
российских
кораблей
С.И. Плещеева
и А.С. Катасанова
в Швеции
в 1777 году

● **ИЗ ИСТОРИИ
ВООРУЖЕНИЯ
И ТЕХНИКИ**
Вклад военных
разведчиков
в создание
отечественного
атомного оружия.
1941—1949 гг.

● **ВОЕННОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО**
Военные
воздухоплатели
на страже рубежей
Отчизны

● **ВОЕННО-
МЕМОРИАЛЬНАЯ
РАБОТА**
Мемориальный
кабинет-музей
Маршала Победы
Г.К. Жукова

● **ВОСПОМИНАНИЯ
И ОЧЕРКИ**
«Патриотизм
был у нас... в крови»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включен в Перечень ведущих научных изданий Российской Федерации, в которых рекомендовано публиковать результаты научных исследований на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук

И.А. АНФЕРТЬЕВ — главный редактор «Военно-исторического журнала», капитан 1 ранга, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Редакционная коллегия:

С.В. АВЕРЧЕНКО — заместитель главного редактора «Военно-исторического журнала», подполковник (Москва)

В.П. ВОЛОДИН — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военному научной работе, генерал-лейтенант, кандидат технических наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

С.А. ИЛЬЕНКОВ — начальник Архивной службы ВС РФ, полковник (Москва)

В.И. ИСАКОВ — начальник Тыла Вооруженных сил — заместитель министра обороны РФ, генерал армии (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

В.П. КОЗЛОВ — руководитель Федерального архивного агентства России, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Москва)

А.А. КОЛБТЮКОВ — начальник Института военной истории МО РФ, полковник запаса, кандидат военных наук, старший научный сотрудник (Москва)

И.П. МАКАР — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

В.В. МАСОРИН — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал, кандидат педагогических наук (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

Н.И. РЕЗНИК — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-полковник, доктор политических наук, кандидат экономических наук (Москва)

А.С. РУКШИН — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат военных наук (Москва)

С.Е. РЫБАКОВ — начальник Управления информации и общественных связей МО РФ — заместитель начальника Аппарата министра обороны РФ, генерал-майор, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.С. СКВОРЦОВ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, кандидат политических наук, доцент (Москва)

Н.Е. СОЛОВЦОВ — командующий Ракетными войсками стратегического назначения, генерал-полковник, доктор военных наук, профессор (Москва)

В.И. ТЕРЕЩЕНКО — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск, полковник (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

С.И. ЧУВАШИН — начальник Центрального архива МО РФ, полковник, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Редакционный совет:

К.М. АНДЕРСОН — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук, доцент (Москва)

И.И. БАСИК — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.В. ГРАДОСЕЛЬСКИЙ — председатель Комитета ветеранов военных комиссариатов г. Москвы, генерал-майор в отставке (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — начальник Научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

Л.П. ЗАПРЯГАЕВА — директор Российского государственного архива кинофотодокументов, заслуженный работник культуры РФ (г. Красногорск Московской области)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, кандидат исторических наук (Москва)

С.Н. КОВАЛЕВ — начальник научно-исследовательского отдела Института военной истории МО РФ, полковник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЕВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооруженных сил, полковник запаса (Москва)

Р.Б. РЫБАКОВ — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

А.А. ЧУРИЛИН — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Румынии (Бухарест)

РЕДАКЦИЯ:

научные редакторы:

Е.В. ДОБЫЧИНА, кандидат исторических наук;
В.Т. ИМИНОВ, генерал-лейтенант в отставке, кандидат исторических наук, профессор;
В.Г. КИКНАДЗЕ, капитан 3 ранга, кандидат военных наук;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ, полковник запаса, кандидат философских наук, старший научный сотрудник;
Ю.Л. КУШЕР, полковник запаса, кандидат исторических наук;

В.Г. ОППОКОВ, капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЕНОВ, лейтенант;
А.А. ПИМЕНОВ, полковник в отставке;
А.Н. ЧАБАНОВА

секретариат:
Ю.В. СНЕГОВА
(заместитель ответственного секретаря);
К.Н. АГАФОНОВА;
М.В. ЗАБРОДИНА;
Е.В. КРИГЕР

литературная редакция:

О.К. ГРАЧЕВА, заслуженный работник культуры РФ;
А.М. ПЕТРОВ, полковник запаса;
А.С. ФИЛИППОВА

художественные редакторы:

Л.П. ДЕМАХИНА;
Т.Г. ПИМЕНОВА

заведующая редакцией:

М.П. МОИСЕЕВА

ВОЕННЫЕ ТЕОРЕТИКИ — ИЗВЕСТНЫЕ И ЗАБЫТЫЕ

из истории становления теории военной стратегии

«Практика стратегии, бесспорно, не представляет отрасли научной деятельности, а образует область приложения искусства. Теория же стратегии должна представлять систематизированные знания, облегчающие нам понимание явлений войны».

А.А. Свечин. Стратегия. 1927.

СЧИТАЕТСЯ, что как область практической деятельности стратегия* существует с древнейших времен, а точнее, с тех пор, когда военные действия, по выражению авторов и составителей российских военно-энциклопедических изданий XIX века, «начали вести методически», то есть «согласно основным принципам искусства», или, иначе говоря, с момента, когда успех в вооруженной борьбе стал зависеть «не от перевеса грубой силы, а от основательного и сообразного с обстоятельствами употребления средств, состоящих в распоряжении полководца»¹. Задачей стратегического искусства изначально было «победить врага и вообще достигнуть цели войны... с наименьшими расходами, усилиями и потерями»².

Теоретически как особая отрасль военной науки стратегия складывалась постепенно на основе обобщения опыта войн и начала оформляться лишь во второй половине XVIII столетия, причем одновременно, как отмечал известный отечественный теоретик и историк профессор А.А. Свечин, «с научным приступом к разработке политической экономии»³. И это, писал он, «не каприз новейшей истории, а явление, предпосылками которого были глубокие изменения в характере ведения войны»⁴.

В самом деле, в конце XVII и особенно в XVIII веке в ряде стран Западной Европы утвердился капитализм, значительно расширилась материальная база ведения войны, возросла численность населения. Это позволило некоторым наиболее развитым в экономическом отношении государствам создавать значительные по составу постоянные армии с централизованным управлением и снабжением (как правило, они были наемными с большим числом иностранцев), оснащать их артиллерией и более совершенным ручным огнестрельным оружием, ставшими важнейшим фактором вооруженной борьбы. Одновременно с этим войны получили больший, чем раньше, размах, изменились формы и способы их подготовки и ведения.

Бурный рост экономики, противоречия между нарождавшейся новой буржуазной военной си-

стемой и отживавшей свой век старой — феодально-абсолютистской, быстрое развитие естественных и общественных наук и все более усиливавшаяся их дифференциация, совершенствование вооружения, накопление опыта многочисленных войн — все это способствовало активизации военно-теоретической мысли, возникновению и становлению военной науки. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на некоторое оживление, военная теория вплоть до последней четверти XVIII столетия все же продолжала оставаться на исключительно низком уровне и значительно отставала от требований военной практики. Она была представлена сравнительно немногими работами, преимущественно военно-исторического и мемуарного характера, в которых еще отсутствовал широкий философско-политический взгляд на войну, армию, военное дело в целом.

Такое положение было, на наш взгляд, обусловлено тем, что вплоть до окончания Семилетней войны (1756—1763) в военном искусстве царил «гений» полководца, а характер так называемых кабинетных войн выводил их в разряд особых явлений, связь которых с политической, экономикой, общественной жизнью про-

ЗАДАЧЕЙ стратегического искусства изначально было «победить врага и вообще достигнуть цели войны... с наименьшими расходами, усилиями и потерями»

слеживалась лишь в деятельности военно-управленческих органов и правительств. Объекты действий в этих войнах были чисто военные — армия противника или неприятельская крепость. Наемные армии имели мало связи с населением как своей страны, так и той, на территории которой им приходилось вести военные действия; они располагались на отдых бивуаками, сражались только в поле, снабжались из собственных магазинов (складов). По сути, противоборствовали между собой военные ведомства, народ же в этой борьбе практически не принимал участия, а поэтому ход «дуэли» враждующих армий мог регулироваться чисто «боевыми» (тактическими) соображениями, что давало военным исследователям сравнительно немного материала, необходимого для глубоких теоретических обобщений. Он появился, когда указанный выше «военный сепаратизм», по выражению А.А. Свечина, постепенно отошел в прошлое, и войны, в которых отражались уже все политические, экономические, социальные и другие интересы государств, стали вестись не только армиями, но и народами⁵.

Как утверждает, «впервые вехи для научной разработки стратегии» (в современном при-

* Слово «стратегия», или «стратегика», греческого происхождения. Оно означало сперва все действия, происходившие на войне по непосредственному распоряжению полководца («стратига»), или военное искусство его самого.

близительно пониманию) наметил, исходя, правда, из анализа сочинений древнегреческих военных писателей, офицер сардинского генерального штаба маркиз де Сильва**. В трактате «Размышления о тактике и стратегии, или истинные принципы военной науки» (Турин, 1762) он сделал попытку определить предмет (задачи) военной стратегии как теории. К таковому маркиз, в частности, относил: составление планов военных действий, выработку общих идей (принципов) военного искусства, умение извлекать наибольшую пользу из имеющихся средств (и сил), а также сочетать их наилучшим образом»⁶.

В последней четверти XVIII века вышли в свет капитальные труды валлийца (Великобритания) Г. Ллойда «История Семилетней войны» (1776, 1783)⁷ и прусского военного теоретика А. Бюлова «Дух новейшей военной системы» (1799), которые военной историографией, в том числе и российской, расцениваются как первооснова теории стратегии⁸. Вот почему в предлагаемой вниманию читателей статье процесс становления и развития теории военной стратегии рассматривается (в очень сжатой, разумеется, форме) начиная именно с рубежа XVIII—XIX столетий, при этом главное внимание уделяется эволюции отечественной военно-стратегической мысли.

Г. Ллойд (ок. 1720—1783) не употребляет еще в своих трудах слова «стратегия», но в его лице западноевропейская военная мысль, по словам А.А. Свечина, «первый раз поднялась в стратегический этаж военного искусства». Он уже ясно видит, пишет Свечин, «помимо узкотактической области обширную область широких вопросов, связанных с ведением войны, и приступает к ее научному изучению»⁹. В работе «Военные и политические мемуары» Ллойд очертил пределы и определил направления, в которых должны разрабатываться вопросы стратегии как науки, выдвинул учение об операционной линии (эта линия не являлась еще для Г. Ллойда основной идеей операции*** по цели и направлению действий, как позже определил данный термин Г.А. Леер, а представляла собой путь, по которому осуществлялось снабжение армии, т.е., проще говоря, маршрут от базисного магазина к цели операции), придавая ему приоритетное значение в стратегии, показал важность принципа сосредоточения сил и т.п. Он являлся теоретиком-философом (кстати, Ллойд первым употребил выражение «философия войны») ¹⁰ господствовавшей в XVIII веке стратегии, основанной на магазинном снабжении, или стратегии так называемой пятипереходной системы, суть которой заключалась в том, что армия, ведя военные действия, не мо-

** По мнению авторов «Военного энциклопедического лексикона», в Средние века, когда военное искусство находилось «в самом жалком состоянии», не было и понятия «о правилах стратегических»: стратегия существовала в виде искусства и проявлялась лишь в действиях великих полководцев. См.: Военный энциклопедический лексикон... СПб., 1848. Ч. 12. С. 386.

*** Термин «операция» в рассматриваемый период использовался для обозначения некоей совокупности (системы) повторяющихся и связанных между собой этапов военных действий, направленных на решение определенных промежуточных задач (достижение целей) кампании или войны. К ним относились: сосредоточение войск, марш-маневр, бой или создание угрозы сообщениям противника.

жет удаляться более чем на 5 переходов конного транспорта от базисных магазинов из-за опасности нарушения коммуникаций. Военные действия, по Г. Ллойд, должны сводиться к искусному маневрированию сосредоточенными силами и нападению на операционную линию противника, с тем чтобы лишить его магазинов, оберегая в то же время свои.

Говоря о творчестве барона А. Бюлова (1757—1807), необходимо подчеркнуть, что он являлся представителем, но более ярким, того же направления в военной теории, какого придерживался и Г. Ллойд. В названном выше главном своем труде Бюлов с прусской педантичностью излагал разработанную им стратегическую концепцию маневрирования на сообщениях противника, основанную на отрицании роли решающего сражения в достижении победы. И в наступлении, и в обороне, утверждал этот теоретик, «духу новейшей военной системы войны более свойственно выдвигать целью военных операций**** неприятельские магазины и линии подвоза, соединяющие их с армией, чем саму неприятельскую армию»¹¹. Так же, как и Г. Ллойд, Бюлов признавал существование военной науки, деля ее на стратегию и тактику. К стратегии он относил науку «о передвижениях, в которых противник является целью, но не предметом». Тактика же — «наука о боевых передвижениях, имеющих своим предметом неприятеля». Стратегическими являются все военные передвижения вне пределов пушечного выстрела и поля зрения противника, тактически — все боевые передвижения в пределах этих границ. «Где обмениваются ударами, — дает сжатое определение А. Бюлов (как он выразился, «для совершенно узких лбов»), — там тактика; где не дерутся — там стратегия»¹². Последняя, по Бюлову, состоит из двух главных частей: марша и лагеря (т.е. движения и расположения на месте. — В.И.), а тактика — из развертывания и боя, или атаки и обороны. Тактика, считал он, «является дополнением к стратегии. Первая заканчивает то, что подготавливает вторая»¹³.

Таким образом, с именем Бюлова правомерно связать первое достаточно четкое разделение стратегии и тактики в теории военного искусства. Ему, по мнению А.А. Свечина, «мы обязаны самим термином “стратегия” ... всем учением и самим термином об операционном базисе*****, а также понятием о стратегическом развертывании»¹⁴. А. Бюлов первый, писал Свечин, «понял тесное соотношение, существующее между политикой и стратегией: “политическая стратегия относится так же к военной стратегии, как последняя — к тактике”; в сущности, это полное выражение наиболее знаме-

**** Под военной операцией Бюлов понимал всякое движение армии, конечной целью которого является противник. В свою очередь целью подобных операций он считал нанесение какого-либо ущерба неприятелю. «Тот или иной особенный вред, — писал Бюлов, — который намечается причинить противнику, и является целью данной операции». См.: Бюлов А. Дух новейшей военной системы // Стратегия в трудах военных классиков. М.: Госвоениздат, 1926. Т. 2. С. 32.

***** По определению Бюлова, операционный базис, или основание операции, — линия, которой можно мысленно соединить несколько расположенных друг подле друга магазинов, служащих для снабжения армии.

**С ИМЕНЕМ Бюлова правомерно
связать первое достаточно
четкое разделение стратегии
и тактики в теории военного
искусства**

нитого положения Клаузевица¹⁵, что война есть продолжение политики¹⁶.

Стратегическая система А. Бюлова была порождена кабинетными расчетами, и в этом смысле ее автор является как бы предтечей «кабинетных» теоретиков XIX века (ярким представителем этой категории мыслителей в России был, в частности, Г.А. Леер). В то же время она навеяна победами, которые одерживал на полях сражений Наполеон Бонапарт, продиктована стремлением противопоставить наполеоновской «стратегии сокрушения» (стратегии «генерального сражения»), направленной прежде всего на разгром армии противника, свою систему действий на вражеских сообщениях, стратегию выигрыша войны одним искусным маневрированием без решающего сражения. А. Бюлов, как и Г. Ллойд, излагал свою стратегическую систему в форме геометрических теорем (так называемая геометрическая стратегия), что свидетельствует о попытках этих военных теоретиков рассматривать военное искусство (науку), в частности стратегию, не как область стихийного развития (под влиянием «гения» полководцев), а как явление, поддающееся научному предвидению и анализу закономерностей (принципов) войны и в целом военного дела.

Идеи Г. Ллойда и А. Бюлова нашли отражение и в более поздних военно-теоретических исследованиях, в частности в трудах австрийского фельдмаршала эрцгерцога Карла (1771—1847) «Основы стратегии» (1803) и «Наставление, составленное для австрийских генералов» (1806). Изложенная в этих трудах стратегическая система занимает как бы промежуточное место между «стратегией устойчивых сообщений» А. Бюлова и «стратегией сокрушения», или «ударной стратегией» Наполеона.

Одним из первых эрцгерцог предпринял попытку теоретически обобщить и применить на практике рожденную Великой французской буржуазной революцией 1789—1799 гг. новую систему ведения войны, ограничивая, правда, любое проявление этой решительной системы рамками чрезмерной осторожности (так называемая стратегия с оглядкой)¹⁷. В его работах неоправданно много места отводилось географическому фактору, то есть местности, на которой он искал стратегические «ключи», ведущие к победе.

Подлинной наукой полководца эрцгерцог Карл считал «науку о войне», которую он именовал, в отличие от военного искусства, или тактики, стратегией. Последняя, по мнению Карла, намечает план, обнимает и определяет ход операций. Тактика же учит методом осуществления стратегических предположений и является непременным искусством каждого строевого военачальника.

Решающая роль в завершении процесса превращения разрозненных военных знаний, в том числе и в области стратегии, в относительно самостоятельную науку принадлежит уже упоминавшейся выше Французской бур-

жуазной революции, которая привела к глубоким преобразованиям в военном деле и дала мощный импульс для развития всех его отраслей. После нее в Западной Европе появилась целая плеяда крупных военных практиков (полководцев), теоретиков и историков: Наполеон Бонапарт, А. Жomini, К. Клаузевиц, В. Виллизен, позже Х. Мольтке-старший, З. Шлихтинг, А. Шлиффен, Ф. Фош и многие другие. Их труды по своему содержанию и научному уровню стояли существенно выше военно-теоретических сочинений предшествующих десятилетий, что объясняется значительно большей глубиной теоретического и философского осмысления в них природы и явлений войны, военных действий стратегического масштаба. Изложенные в этих трудах взгляды длительное время оказывали заметное влияние на большинство зарубежных исследователей XIX — начала XX века. Не оставались в стороне и многие представители отечественной военно-теоретической мысли.

Особенно сильное воздействие на воззрения военных ученых имели работы и высказанные в них идеи А. Жomini¹⁸. Основной его заслугой, как принято считать, являются обобщение и анализ опыта войн, которые вела французская буржуазная массовая армия, прежде всего под руководством Наполеона. Размышляя над этими войнами, генерал Жomini пришел к выводу, что поражение противнику необходимо наносить не посредством маневрирования на его коммуникациях, а только путем решительных наступательных действий («наступательного сражения»), длительно сохраняя инициативу (в этом смысле он являлся олицетворением школы «стратегии сокрушения»). Последнее было возможно, по его мнению, лишь при опоре на ряд общих принципов, основной из которых — принцип ударности, или «частной победы». Его А. Жomini формулировал как сосредоточение возможно большей части своих сил на решающем пункте театра войны (поля сражения) в решительный момент.

**ПОДЛИННОЙ наукой
полководца эрцгерцог Карл
считал «науку о войне»,
которую он именовал,
в отличие от военного
искусства, или тактики,
стратегией**

Наукой ведения войны этот теоретик считал стратегию, а тактику рассматривал как науку о сражении и бое. С его именем связано появление таких понятий, как «театр войны», «театр военных действий (ТВД)», «операционная зона», а также возникновение идеи об абсолютных, неизменных законах и принципах военного искусства, получившей в дальнейшем широкое распространение. А. Жomini признавал взаимосвязь политики и стратегии, однако считал, что политика оказывает воздействие на стратегию лишь в начале войны, влияние же политики на военные действия в ходе ее ведения он недооценивал. В целом многие идеи генерала Жomini сохраняли актуальность вплоть до Первой мировой войны¹⁹.

В конце XVIII — начале XIX столетия в России, равно как и в крупнейших государствах Западной Европы, стратегия не выделялась еще как особая, относительно самостоятельная область военных знаний. Изучалась и освещалась она в общих трудах о военном искусстве и в военно-исторических работах. Монографических исследований, дающих систематизированное изложение стратегии, создано еще не было, а определения этого понятия, его содержания в военно-теоретических трактатах того времени были чрезвычайно разнообразными и довольно-таки общими. Под стратегией (по-бюловски) понималось руководство передвижениями армии на театре войны до момента вывода войск на поле сражения вне досягаемости огня артиллерии, а за теорию стратегии принимались определенные принципы, правила, которыми военачальники должны были при этом руководствоваться.

**МНОГИЕ идеи генерала
Жомини сохраняли
актуальность вплоть до Первой
мировой войны**

Наиболее дальновидные отечественные военные деятели и теоретики, в первую очередь представители так называемой русской военной школы²⁰, понимая, что условия исторического развития России резко отличаются от тех, на которые опирались при разработке вопросов стратегии их западноевропейские коллеги, не могли механически перенимать появившиеся за рубежом стратегические идеи, правила и приемы. Анализ богатого и многообразного национального опыта, нашедшего свое яркое отражение в практической и теоретической деятельности выдающихся русских полководцев — Петра I, П.С. Салтыкова, П.А. Румянцева, А.В. Суворова, позже М.И. Кутузова и их сподвижников, глубоких изменений, происходивших в конце XVIII — начале XIX века во всех областях военного дела, показывал, что идеи эти, приемы и правила не только зачастую не соответствовали выдвигаемым боевой практикой требованиям, но и во многом находились в резком противоречии с ними. Все это вынуждало передовых военных мыслителей России отойти от постулатов так называемой классической (читай: западноевропейской) военной теории и практики и пытаться, опираясь на собственные силы, раскрыть содержание, специфику стратегии как науки, определить круг решаемых ею проблем, вывести правила, виды, формы и способы стратегических действий, которые бы отвечали реалиям жизни, многообразию национального опыта, выявить факторы, оказывающие воздействие на их изменения, основные направления этих изменений и т.д.

О том, что вопрос ставился именно в такой плоскости, свидетельствует записка, поданная в вышестоящие военные инстанции в сентябре 1807 года офицером Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части русской армии Я. Гавердовским, в которой он не только предложил приступить к систематическому изучению стратегии как науки, но и высказал свое понимание содержания стратегии, ее места в военном искусстве. Стратегия, говорилось в

записке, «заключает в себе общие правила ведения войны и составляет необходимейшую и главнейшую часть военного искусства, ибо все прочее науки суть только ее ветви»²¹. Такое определение, несомненно, нацеливало отечественных военных деятелей и исследователей на разработку стратегии как относительно самостоятельной теории и практики ведения войны в целом.

Одними из первых в России, кто попытался в военно-теоретическом плане проанализировать некоторые из выдвинутых жизнью, боевой практикой вопросов, были генерал-майор А.И. Хатов и подполковник (в последующем полковник) А. де-Романо. В своих работах, относящихся к 1802—1810 гг.²², они стремились раскрыть объективные истоки и внутренний механизм развития военной теории в целом, показать отличие стратегии от тактики как отдельных ее отраслей в соответствии со стоящими перед ними задачами, определить причины изменения способов ведения войны и боя (сражения) и др.

Значительное и в целом позитивное влияние на развитие отечественной военной стратегии как в прикладном, так и в теоретическом плане оказали подготовка России к отражению агрессии наполеоновской Франции, а также непосредственные события их вооруженного противостояния. Противопоставленная Наполеону Бонапарту в Отечественной войне 1812 года стратегия, основанная на идее достижения победы не одним генеральным сражением, к чему стремился выдающийся французский полководец, а целым рядом боев, «частных» сражений и подготавливавших их маневров, растянутых во времени и пространстве, но объединенных общим замыслом, различные виды действий, применявшиеся в ходе вооруженной борьбы и преследовавшие стратегические цели (отступательный маневр, контрнаступление, так называемое концентрическое наступление²³, преследование и др.), а также заблаговременные расчет и планирование всех необходимых мероприятий, предшествовавших решительному разгрому противника (генеральному сражению), влияние театра войны (ТВД) на успех в решении стратегических задач и т.п. стали предметом пристального теоретического изучения и осмысления. Одним из результатов этой работы стало понимание отдельными исследователями²⁴ того факта, что в войнах первой четверти XIX века и, в частности, в действиях русской армии в 1812 году возникли элементы нового в военном деле явления — операции как такой формы вооруженной борьбы, в которой главным было предусмотренное планом объединение усилий нескольких крупных группировок войск (частных армий или корпусов) для достижения общей цели, которую уже нельзя было считать тактической.

И действительно, военные действия в этих войнах приобрели иной, чем раньше, характер. Они стали вестись одновременно на нескольких направлениях относительно самостоятельными, значительными по составу воинскими формированиями, нередко по единому плану и под руководством главнокомандующего на театре войны, на большую глубину и в течение длительного времени. Развертываясь сначала в виде ряда различного масштаба боев, сражений и маневров, рассредоточенных на обширном пространстве, боевые действия сливались в конечном итоге в одно общее (как правило,

генеральное) сражение, чем, собственно, в большинстве случаев и заканчивались. Результат такого рода действий, в которых участвовали почти все или значительная часть военно-сухопутных сил государства, обычно оказывался решающим для исхода отдельного этапа военной кампании, а то и всей кампании и даже войны.

Некоторые наиболее прогрессивные представители военно-теоретической мысли России отдавали себе отчет в том, что вопросы подготовки и ведения военных действий подобного масштаба и значения относятся к области стратегии. Однако сколько-нибудь аргументированно объяснить объективные причины возникновения столь нового в военном деле явления — операции как категории, выходящей за рамки тактики, дать ей научное определение, показать место такой операции в теории и практике вооруженной борьбы военные мыслители того периода не смогли: им недоставало еще для этого конкретного военно-исторического материала²⁵.

свои теоретики, способные исследовать законы развития военного дела в целом и военного искусства в частности на основе отечественного опыта.

В целом можно сказать, что в первой четверти XIX столетия русским военным исследователям не удалось в полной мере теоретически обобщить и систематизировать накопленный в войнах России огромный опыт. Обстоятельства требовали монографической разработки теории стратегии, однако в те годы ни одного такого рода труда создано не было.

В 1832 году в России была основана Императорская военная академия (с 1855 г. Николаевская академия Генерального штаба), в которой образована кафедра стратегии, истории военных походов и военной литературы (с 1833 г. кафедра военной истории и стратегии). В лекциях и пособиях по истории военной литературы слушателям давались сведения о взглядах на стратегию, ее принципы и правила, высказанных различными выдающимися деятелями и мыслителями прошлого. Это в целом оказывало пози-

И. Г. БУРЦОВ отмечал маловажность мыслей, тщетность и пустоту рассуждений в опубликованных за рубежом военно-теоретических работах (за исключением трудов эрцгерцога Карла и А. Жомини) и полагал, что России нужны свои теоретики, способные исследовать законы развития военного дела в целом и военного искусства в частности на основе отечественного опыта

Главной же причиной подобного положения являлось, на наш взгляд, слабое развитие общих проблем (основ) военной науки, отсутствие их в целостном, систематизированном виде, без чего, как показывал опыт, невозможно было четко определить круг вопросов, решаемых в целом военной теорией, а также теориями двух важнейших отраслей военного искусства — стратегией и тактикой, хотя попытки разделить их и предпринимались. Так, например, полковник (впоследствии генерал) И. Г. Бурцов в работе «Мысли о теории военных знаний» называл стратегией «наукой замыслов», а тактику — «наукой боев»²⁶. Один из руководителей движения декабристов полковник П. И. Пестель понимал под стратегией науку о войне в целом, считал, что она определяет способы достижения главной цели войны, тактика же является наукой о бое²⁷. Показательно, что в рассматриваемый период российскими теоретиками были предприняты также попытки осмыслить отличие научного знания от практического опыта, в результате чего утвердился взгляд на военную теорию (науку) как на одно из действенных средств решения задач боевой практики. И если в XVIII веке такой взгляд разделяли только выдающиеся военные деятели, то теперь он становился достоянием все более широких кругов командного состава.

Следует подчеркнуть, что сторонники национальной военной школы в большинстве своем довольно негативно относились к работам многих западноевропейских писателей. Так, И. Г. Бурцов отмечал маловажность мыслей, тщетность и пустоту рассуждений в опубликованных за рубежом военно-теоретических работах (за исключением трудов эрцгерцога Карла и А. Жомини) и полагал, что России нужны

твное влияние на развитие отечественной военно-стратегической мысли, однако подлинным «умственным центром армии», в котором бы не только изучались, но и разрабатывались общие проблемы военной науки, а также теория стратегии, академии еще только предстояло стать.

Первые профессора кафедры стратегии генерал от артиллерии Н. В. Медем и генерал-лейтенант М. И. Богданович ограничивались в основном изучением истории предмета. Они являлись представителями так называемой исторической школы, стремившейся в разработке основ теории стратегии опираться прежде всего на факты и события военной истории. Так, например, вышедший в 1836 году в академии труд Медема «Обзорение известнейших правил и систем стратегии» и являвшийся, как считается, первым академическим учебником стратегии, по собственному выражению автора, принял «неприметно вид краткого очерка истории стратегической литературы, заключающий в себе отчасти и главнейшие перевороты стратегии на самых театрах войны»²⁸. В нем были подвергнуты подробному критическому анализу все наиболее известные работы по вопросам стратегии военных писателей Западной

Н. В. МЕДЕМ указывал на связь между войной, политикой и стратегией, подчеркивая, что политика влияет не только на общий план войны, но и на частные стратегические соображения

П.А. ЯЗЫКОВУ удалось уточнить и развить взгляды своих предшественников на соотношение теории и практики применительно к стратегии, выделив в ее содержании две стороны — теоретическую и прикладную

Европы XVIII и начала XIX века, показаны (с точки зрения автора) односторонность и ограниченность выдвинутых ими стратегических теорий, несогласие их между собой и с практикой, ошибочность взглядов на принципы и правила ведения войны, военных действий как на раз и навсегда данные, неизменные и вечные.

Н.В. Медем указывал на связь между войной, политикой и стратегией, подчеркивая, что политика влияет не только на общий план войны, но и на частные стратегические соображения. Он рассматривал стратегию как часть военной науки, имеющую свою специфику. К числу ее задач Медем относил: определение целей войны, расчет сил и средств вооруженной борьбы, необходимых для их достижения; выбор способа военных действий (сюда он включал и выбор направления сосредоточения основных усилий); выработку и осуществление мер по материальному обеспечению войск и повышению их нравственного состояния²⁹. В то же время автор считал, что никакая теория не может научить искусству вести войну и делал вывод: главная задача военной науки — изучение опыта полководцев. «Данные, опытом дознанные, — писал он, — должны служить ей***** основанием»³⁰. Сам же боевой опыт, утверждал теоретик, постоянно изменяется под влиянием развития прежде всего военной техники, средств вооруженной борьбы, и соответственно этому должны изменяться способы и формы ведения военных действий (войны), то есть стратегия.

В целом Н.В. Медем, как, впрочем, и его последователь М.И. Богданович, взявший за главное в своем труде (учебнике) «Записки стратегии»³¹ основные идеи первого (невозможность постоянных и общих правил для ведения военных действий, соответствующее определение объема и содержания теории стратегии и др.), противопоставлял стратегию как науку стратегии как искусству, преувеличивал значение опыта полководцев, их роли в развитии военного дела, отказывал военному искусству в наличии каких-либо закономерностей.

Из более широкого понимания задач и содержания стратегии при разработке своего труда³² исходил другой профессор Императорской военной академии — полковник П.А. Языков. «Стратегия, — отмечал он, — даже в неполном своем объеме, как она существует ныне, заслуживает особенного внимания людей просвещенных, ибо по важности практических действий, к которым эта теория прилагается, она должна занимать важное место в области познаний человеческих». При определении предмета исследования Языков указывал, что «стратегия есть искусство наивыгоднейшего

употребления вооруженных сил на театре войны для достижения определенной политической цели»³³. Анализируя же связь ее с политикой, он писал: «Цель войны составляет политическую идею, определяется политическими обстоятельствами, следовательно, политика дает главное направление военным действиям»³⁴, то есть стратегии.

П.А. Языкову удалось уточнить и развить взгляды своих предшественников на соотношение теории и практики применительно к стратегии, выделив в ее содержании две стороны — теоретическую и прикладную. Стратегия как теория, по его мнению, должна заниматься исследованием и систематизацией принципов и правил подготовки к войне и ее ведения, а как искусство она является практическим их применением для достижения определенных политических и военно-стратегических целей. Языков утверждал, что «исследование вопроса: каким образом употребить вооруженные силы на театре войны так, чтобы они произвели наивыгоднейшее действие для достижения главной цели войны? — составляет самую высшую отрасль наук военных, которая называется стратегией»³⁵.

Он сделал попытку выделить и в возможно большей для своего времени степени проанализировать факторы, или, по его терминологии, элементы, оказывающие влияние на стратегию («на соображения стратегические»). Исходя из представления, что в «стратегических действиях принимается в соображение вся сложность способов, заключающихся в государстве для ведения войны»*****³⁶, Языков различал две группы («отдела») таких факторов (элементов): нравственные и физические. К первой группе он относил факторы политический и собственно нравственный, ко второй — материальные, географические³⁶, топографические и статистические (набор, пополнение, вооружение и содержание армии, ее состав, численность, относительное к противнику расположение на театре войны, характеристика последнего) факторы. Основываясь на таком разделении элементов (факторов), полковник П.А. Языков «по самому естественному ходу понятий» делил на две главные части и теорию стратегии: высшую, или материальную, часть, в основе которой лежат политический и нравственный элементы, и низшую, или механическую часть, основанную на всех остальных элементах, то есть, по его выражению, «на элементах физических». В теории, считал Языков, эти части должны быть разделены «для ясности исследования». В практике же они обнаруживают совокупное влияние на весь ход войны, и потому обе очень важны³⁷.

В целом разработанные в Императорской военной академии учебные курсы по стратегии, в которых самым неожиданным образом переплетались понятия, положения и принципы ее истории с понятиями и положениями, составлявшими современное содержание стратегии как науки, были оторваны от практических военно-политических задач, стоявших перед страной и руководством ее вооруженных сил. Они не давали ответов на многочисленные злободневные вопросы, интересовавшие российских военных деятелей того времени.

***** Под этими способами автор понимал все средства государства, используемые в войне.

***** Имеется в виду военной теории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. ген.-л-та Г.А. Леера. СПб., 1895. Т. VII. С. 313; Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом воен. и литераторов: В 14 ч. СПб.: Типогр. Н. Греча и Типогр. Академии наук, 1837—1852. 1848. Ч. 12. С. 383.

² Энциклопедия военных и морских наук. Т. VII. С. 313.

³ *Свечин А.А.* Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. С. 16.

⁴ Стратегия в трудах военных классиков. М.: Высший военный ред. совет, 1924. Т. 1. С. 15.

⁵ Там же.

⁶ Энциклопедия военных и морских наук. Т. VII. С. 320; Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1901. Т. XXXIа. С. 731.

⁷ Этот труд Г. Ллойда остался незаконченным. При жизни автора был опубликован только первый том, в посмертном издании появился еще один, составленный из рукописей. В 1780 г. Ллойд написал введение к своему исследованию, которое имеет самостоятельное значение и неоднократно публиковалось отдельно под названием «Военные и политические мемуары генерала Ллойда». См.: Стратегия в трудах военных классиков. Т. 1. С. 17.

⁸ В частности, известный военный теоретик генерал от инфантерии Н.П. Михневич в статье «Стратегия» писал: «Ллойд по справедливости считается отцом теории стратегии... Его «Военные и политические записки» — первый научный трактат по стратегии». См.: Энциклопедический словарь. Т. XXXIа. С. 731. Что же касается А.Г. Бюлова, то он в статье «Военная наука» представлен Михневичем как «основатель новой военной науки». См.: Там же. СПб., 1892. Т. VIа. С. 843.

⁹ Стратегия в трудах военных классиков. Т. 1. С. 18.

¹⁰ К понятию «философия войны» Г. Ллойд относил все то, что было связано с анализом морального элемента. Философию войны он считал высшей и труднейшей частью военного искусства, ибо она предполагает, как считал Ллойд, глубокое знание природы человека, источников его страстей и должна разрабатывать для полководца способы воздействия на морально-психологическое состояние войск. См.: Всеобщая военная история новых времен / Под ред. Н.С. Голицына. СПб., 1878. Ч. III. С. 342, 343.

¹¹ См.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Госвоениздат, 1926. Т. 2. С. 55.

¹² Там же. С. 27, 57.

¹³ Там же. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ **Карл Клаузевиц** (1780—1831) - немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии (в 1812—1814 гг. на русской службе). По глубине анализа наполеоновской стратегии решительных действий, по широте охвата военных событий начала XIX столетия и по степени проникновения в «философию» войны не имеет себе равных среди военных писателей той эпохи. В своем главном военно-теоретическом труде «О войне» (3 т., 1832—1834 — посмертное издание) К. Клаузевиц установил связь между войной и политикой. Ему принадлежит ставшее классическим определение войны «как продолжение государственной политики иными средствами». Политика, считал Клаузевиц, «будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние». См.: *Клаузевиц К.* О войне. М., 1941. Т. 1. С. 17, 43.

¹⁶ Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. С. 22.

¹⁷ Г. Дельбрюк, давая эрцгерцогу Карлу негативную в целом оценку, писал, что при ведении военных действий он «оглядывался назад, подобно тому, как с бессознательной жесткой иронией изображен на конной статуе своего памятника в Вене» (Карл изображен скачущим на коне с обломанным древком знамени в руках и оглядывающимся назад). См.: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: В 6 т. М.: Воениздат, 1938. Т. IV. С. 385.

¹⁸ Швейцарец по национальности, участник многих войн и сражений, военный теоретик и историк генерал от инфантерии русской армии (с 1826, на русскую службу перешел в 1813) Антуан Анри (Генрих Вениаминович) Жомини (1779—1869) создал значительное количество трудов, самыми известными из которых являются: «Трактат о больших военных операциях» (Т. 1—4, 1804—1810), «Критическая военная история войн революции» (Т. 1—15, 1811—

1824), «Политическая и военная жизнь Наполеона» (Т. 1—4, 1827), «Очерки военного искусства» (Т. 1—2, 1837). Эти и ряд других его работ позволяют отнести Жомини к числу родоначальников военно-теоретической мысли. А. Жомини с 1798 г. служил в швейцарской, а в 1804—1813 гг. — во французской армии. Являлся одним из основателей Императорской военной академии в России, привлекался к планированию военных действий в Русско-турецкой (1828—1829) и Крымской (1853—1856) войнах.

¹⁹ Характеризуя научную деятельность Жомини, профессор Свечин писал, что в течение столетия военная мысль всего мира, расшаркиваясь перед Клаузевицем, жила по преимуществу идейным наследием Жомини. См.: Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. С. 104.

²⁰ Развитие отечественной военной мысли, в том числе и стратегической, происходило в указанный период в обстановке борьбы между представителями национальной, или русской, военной школы и официальной, или, как ее называли, «академической», склонной к копированию образцов западноевропейской военной системы. На характер, направленность, масштабы и темпы военно-теоретических исследований непосредственное влияние оказывали также войны с наполеоновской Францией, и особенно Отечественная война 1812 г., движение декабристов и их восстание в декабре 1825 г., Крымская, Русско-турецкая 1877—1878 гг., Русско-японская 1904—1905 гг. войны и другие военные и политические события.

²¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 17905. Л. 8.

²² *Хатов А.И.* Общий опыт тактики: В 2 ч. СПб., 1807—1810; *А. де-Романо.* Краткое начертание главнейших правил военачальнической науки. СПб., 1802.

²³ Характерной особенностью такого наступления, начинавшегося, как правило, в широкой полосе, являлось постепенное сужение его фронта с последующим сосредоточением всех или большей части отдельно действовавших до этого на разобщенных направлениях частных армий на одном, главном участке для проведения единого для них генерального сражения.

²⁴ *Окунев Н.А.* Разбор главных военных операций, битв и сражений в России в кампанию 1812 г. / Пер. с франц. А.А. Голубова. СПб., 1912. (вышла в Париже в 1829 г.); *Неелов Н.Д.* Очерк современного состояния стратегии. СПб., 1849; *Языков П.А.* Опыт теории стратегии: В 3 ч. СПб., 1842 и др.

²⁵ Лишь в 1869 г. Г.А. Леер в первой части своего знаменитого труда «Опыт критико-исторического исследования законов ведения войны (положительная стратегия)» дал этому явлению название «стратегическая операция», которая рассматривалась им как часть кампании или войны.

²⁶ *Бурцов И.Г.* Мысли о теории военных знаний // Воен. журнал. 1819. Кн. 2. С. 47. Кстати, оценивая уровень развития военно-теоретической мысли конца XVIII — начала XIX в. в России, И.Г. Бурцов утверждал, что она «находилась еще в младенческом состоянии». См.: там же. С. 55.

²⁷ Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Под ред. Л.Г. Бескровного. М.: Воениздат, 1960. С. 8.

²⁸ Цит. по: Энциклопедия военных и морских наук. Т. VII. С. 321.

²⁹ *Медем Н.В.* Обзорение известнейших правил и систем стратегии. СПб., 1836. С. 1, 2.

³⁰ Там же. С. 1.

³¹ *Богданович М.И.* Записки стратегии, правила ведения войны, извлеченные из сочинений Наполеона, эрцгерцога Карла, генерала Жомини и других военных писателей: В 2 ч. СПб., 1847.

³² *Языков П.А.* Указ. соч.

³³ Там же. Ч. 1. С. 27, 28.

³⁴ Там же. С. 34.

³⁵ Там же. С. 3.

³⁶ Кстати сказать, П.А. Языков был первым из военных писателей, кто рассматривал военную географию как науку, составляющую отдельную отрасль стратегии. См.: *Языков П.А.* Указ. соч.

³⁷ *Языков П.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 60—62.

**Генерал-лейтенант в отставке
В.Т. ИМИНОВ**

(Окончание следует)

ФЛОТ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В КАМПАНИИ 1914 ГОДА

Оперативно-стратегический обзор

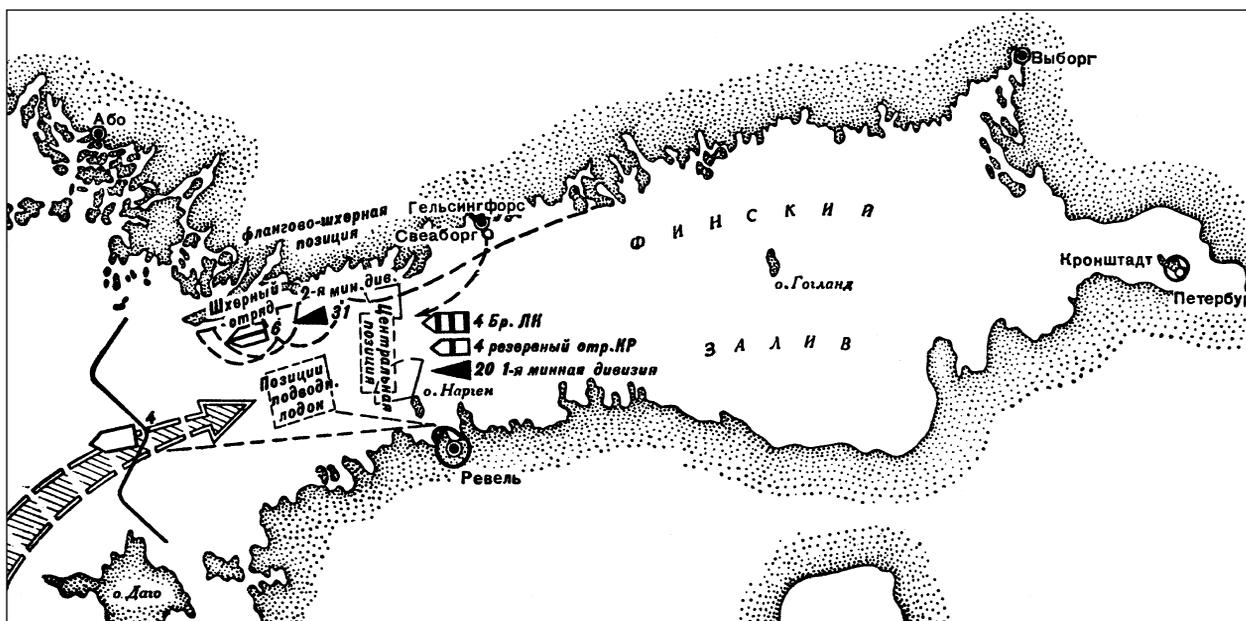
КНАЧАЛУ Первой мировой войны командующий морскими силами Балтийского моря адмирал Н.О. фон Эссен¹ располагал, считая боееспособные корабли основных классов, четырьмя линкорами додредноутного типа, шестью броненосными и четырьмя бронепалубными крейсерами, 49 эскадренными миноносцами и 12 подводными лодками. Поскольку в первые дни войны выступление Великобритании было далеко не очевидным (формальных военных обязательств перед Россией и Францией Англия не имела), российскому командованию приходилось считаться с возможностью того, что Балтфлот окажется перед лицом многократно сильнеего противника — флота Германии. Последний насчитывал 13 линейных кораблей-дредноутов и 20 додредноутов, три линейных, семь броненосных и 32 малых крейсера, 140 эсминцев и 28 подводных лодок².

Развертывание Балтийского флота согласно «Плану операций...» 1912 г.

Поэтому с открытием военных действий главнокомандующий 6-й армией генерал от артиллерии К.П. Фан дер Флит, сменивший на этой должности назначенного главкомом великого князя Николая Николаевича, предложил адмиралу Н.О. фон Эссену руководствоваться «Планом операций Морских Сил Балтийского моря на случай возникновения европейской войны» 1912 года³. Главком подтвердил, что главная задача флота — «всеми способами и средствами препятствовать производству высадки в Финском заливе»⁴. Войскам армии предписывалось «оказывать флоту при выполнении этой задачи полное содействие». В развитие главной задачи флоту следовало «установить наблюдение за водным пространством Балтийского моря и Финского залива» для своевременного выявления группировок десантных и других корабельных сил противника на этапе их оперативного развертывания.

Кроме того, Балтфлоту вменялись «содействие поддер-

жанию связи между войсками, действующими на побережье», и «оказание сухопутным войскам содействия при операциях в прибрежной полосе»⁵. Однако таковые операции, согласно обоим вариантам плана стратегического развертывания русской армии (варианты «А» и «Г» плана 1912 г.), заключались во вторжении в Восточную Пруссию из глубины континентальной территории, но не вдоль побережья Балтийского моря⁶. Поэтому не вполне ясно, о каком содействии со стороны флота могла идти речь и, главное, как это требование корреспондировалось с главной задачей Балтийского флота, предусматривавшей его сосредоточение в Финском заливе. По нашему мнению, эта нестыковка, возникшая уже на этапе постановки задач подчиненным силам, в полной мере характеризует уровень подготовленности командования 6-й армии к управлению оперативно-стратегическим объединением военно-морского флота.

ГЛАВНОЙ задачей флота в угрожаемый период командующий справедливо полагал недопущение внезапного нападения противника

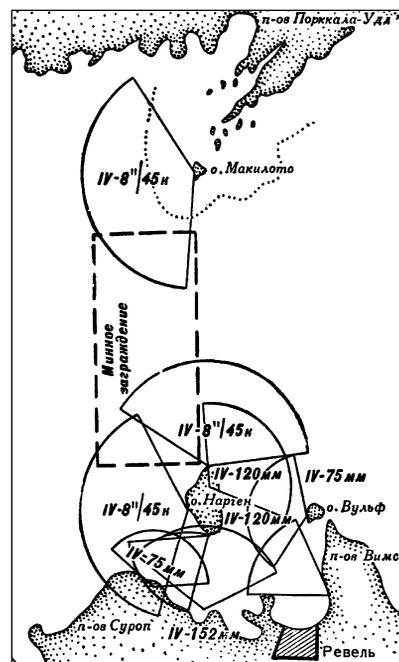
Действия и мероприятия, создающие благоприятные условия для успешного решения главной задачи, были выполнены флотом заблаговременно — до введения «подготовительного к войне периода» (26 июля 1914 года*), объявления мобилизации (30 июля) и начала военных действий между Россией и Германией (1 августа). Отмобилизование и развертывание морских сил Балтийского моря проводились в соответствии с решениями высшего государственного руководства, боевым расписанием флота и «Планом операций...» 1912 года и осуществлялись последовательно, по мере нарастания военной угрозы.

Уже 24 июля на заседании Совета министров было принято решение быть готовым наряду с поисками возможностей мирного урегулирования конфликта между Веной и Белградом к направленной против Австро-Венгрии мобилизации Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов и морских сил Черного моря. Однако при утверждении решения кабинета на следующий день Николай II, не питавший, видимо, иллюзий относительно миролюбия «кузена Вили» и не желавший неожиданно обнаружить в виду своей столицы кайзеровский флот, собственноручно вписал в документ указание о переводе в высшую степень боевой готовности и морских сил Балтийского моря⁷.

25 июля, считая войну неизбежной, командующий морскими силами по своей инициативе отменил предусмотренные планом боевой подготовки маневры⁸. По наблюдению биографа Н.О. фон Эссена, над головой адмирала «дамокловым мечом висела память Порт-Артура»⁹, поэтому главной задачей флота в угрожаемый период командующий справедливо полагал недопущение внезапного нападения противника. Исходя из этого Николай Оттович принял ряд

мер, важнейшими из которых стали выставление в устье Финского залива корабельного дозора в составе полубригады крейсеров (26 июля), приведение отряда заградителей в полную готовность к постановке минного заграждения (27 июля), организация охраны рейдов, введение режима радиомаскировки. Одновременно началась предусмотренная «Планом операций...» эвакуация Либавы.

В РАМКАХ мероприятий предмобилизационного периода, введенного правительством с 26 июля, царь повелел «экстренно закончить вооружение батарей и установить минные заграждения в Кронштадте, Ревеле и Свеаборге». Кронштадт, кроме того, предписывалось объявить на осадном положении¹⁰. В соответствии с мобпланом были введены в кампанию корабли первого резерва и начался перевод в первую линию кораблей второго резерва¹¹. Из резервных кораблей была, в частности, сформирована 2-я бригада крейсеров под командованием контр-адмирала П.Н. Лескова («Россия», «Олег», «Богатырь», «Аврора» и «Диана»)¹². Намеченное Морским генеральным штабом к 1915

Центральная минно-артиллерийская позиция к началу Первой мировой войны

30 июля, с объявлением мобилизации, Н.О. фон Эссен добился разрешения морского министра адмирала И.К. Григоровича на постановку центральной минного заграждения, составлявшего основу создаваемой в западной части Финского залива оборонительной позиции. Утром 31 июля, накануне объявления войны Германией, отрядом заградителей контр-адмирала В.А. Канина была осуществлена беспрецедентная по объему, темпам и качеству минная постановка: в течение четырех с по-

К МОМЕНТУ объявления войны Балтийский флот был отмобилизован и развернут, постановка минного заграждения центральной позиции — успешно завершена

году переоборудование «Дианы» и «Авроры» в плавбазы подводных лодок, а «Олега» и «Богатыря» — к 1916 году в минные заградители¹³ было отставлено. 28 июля приступили к постановке крепостного минного заграждения в районе Кронштадта, а на следующий день началось свертывание навигационного оборудования прилегающих к российскому побережью районов театра.

ловиной часов минзаги «Амур» (капитан 1 ранга А.А. Ружек), «Енисей» (капитан 1 ранга К.В. Прохоров), «Ладога» (капитан 1 ранга Н.В. Кротков) и «Нарова» (капитан 1 ранга М.И. Никольский) выставили 2124 мины в восемь линий с углублением 4,9 м и минными интервалами 45,7—85,7 м¹⁴. В прикрытии корабельной минно-заградительной группы задействовали основные силы флота: бригада линейных кораблей (вице-адмирал барон В.Н. Ферзен) бы-

* Здесь и далее все даты приведены по новому стилю.

Броненосный крейсер «Рюрик» — флагманский корабль адмирала Н.О. фон Эссена в кампании 1914 г.

Минно-заградительная операция Балтийского флота 18 июля 1914 г.

Фрагмент картины художника М. ПЕТРОВА-МАСЛАКОВА

ла развернута на меридиан м. Пакерорт, к западу от района заграждения заняли позиции подводные лодки (начальник бригады подводных лодок — контр-адмирал П.П. Левицкий). Для обеспечения скрытности постановки бригада крейсеров (контр-адмирал Н.Н. Коломейцов) выдвинулась к м. Дагерорт с задачей задержания всех направляющихся в Финский залив судов. Одновременно с постановкой заграждения были приведены в готовность береговые батареи, расположенные на флангах центральной позиции.

Таким образом, к моменту объявления войны Балтийский флот был отоброирован и развернут, постановка минного заграждения центральной позиции — успешно завершена. Это стало возможным благодаря высокой боевой и мобилизационной готовности органов военного управления и сил флота, а также инициативе и настойчивости адмирала Н.О. фон Эссена, правильно оценившего внешнеполитическую обстановку и заблаговременно принявшего целый комплекс упреждающих мер. В результате вероятность внезапного удара неприятельского флота,

подобного нападению японцев на эскадру Тихого океана в январе 1904 года, была сведена практически к нулю.

СОБЪЯВЛЕНИЕМ войны соединения флота осуществили оперативное развертывание в соответствии с «Планом операций...»: главные силы — флагманский корабль командующего броненосный крейсер «Рюрик», бригада линейных кораблей, бригада крейсеров и 1-я минная дивизия (контр-адмирал Н.А. Шторре) — расположились восточнее центральной минно-артиллерийской позиции, подводные лодки — перед фронтом минного заграждения, 2-я минная дивизия (контр-адмирал А.П. Курош) — в финляндских шхерах. 2—6 августа ми-

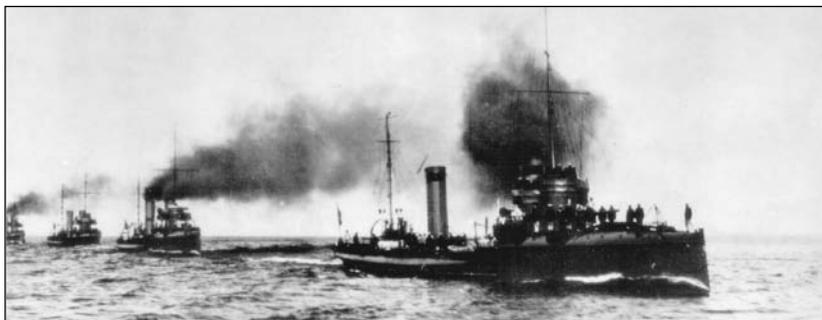
ноносцы и тральщики выставили ряд минных заграждений в шхерном районе на участке Гангэ — Порккала-Удд и дополнительные заграждения на центральной позиции.

В таком положении, пребывая в готовности к отражению удара превосходящего неприятеля, флот провел первый месяц войны. В дневное время главные силы находились в районе боевого предназначения и занимались боевой подготовкой, а на ночь отходили в Гельсингфорс. «Командование 6-й армии, — читаем у М.А. Петрова, — было склонно во всем видеть опасные признаки готовящегося десанта»¹⁵. Кстати, есть основания полагать, что опасения высадки немцев у врат столицы имели хождение и в обществе. По наблюдениям Н. Дорогова, «в столице не без трепета ожидали, что могучий германский флот появится перед Кронштадтом для начала десантных операций»¹⁶.

Тем не менее личный состав Балтфлота, подобно подавляющему большинству подданных империи, принял известие о начале Великой войны с воодушевлением и энтузиазмом и был преисполнен решимости сражаться с сильнейшим неприятелем до последней возможности. «Флот не может уйти с назначенного мной места боя — другого нет в наших водах, и мы должны отстоять его, чего бы это не стоило», — значилось в приказе адмирала Н.О. фон Эссена с объявлением флоту о начале военных действий¹⁷.

Лишним доказательством уверенности российского военно-морского руководства в неизбежном появлении германского линейного флота в Финском заливе в первые же дни войны является следую-

Полудивизион эскадренных миноносцев типа «Финн»

ший малоизвестный факт. В Морском ведомстве обсуждался и едва не был реализован проект постановки недостроенного дредноута «Петропавловск», имеющего в августе 1914 года «безнадежный срок готовности», к северной оконечности острова Нарген в качестве плавучей батареи¹⁸.

В рамках решения обеспечивающей задачи — освещения обстановки на театре — флот продолжил расширение сети постов службы связи и несение корабельного дозора перед фронтом центральной минно-артиллерийской позиции. Кроме того, практиковались эпизодические выходы корабельных разведывательно-ударных групп (до бригады крейсеров) в открытую часть моря для вскрытия обстановки на различных участках театра и, что было немаловажно в условиях вынужденной пассивности флота, «поддержания боевого духа» личного состава. Наиболее яркий пример подобных действий — глубокий рейд крейсеров «Рюрик» (капитан 1 ранга М.К. Бахирев) и «Паллада» (капитан 1 ранга С.Р. Магнус) под флагом командующего флотом в среднюю и южную Балтику до параллели Полангена, выполненный в тяжелейших погодных условиях 14—16 сентября¹⁹.

Что же касается задач, связанных с содействием сухопутным войскам, то они носили не более чем декларативный характер: в этот период армии правого крыла русско-германского фронта сражались за сотни километров от побережья Финского залива, которым, согласно «Плану операций...» 1912 года, ограничивалась операционная зона Балтфлота. По этой же причине флот не мог оказать сухопутным войскам никакой помощи и в противодесантной обороне берегов Курляндии и Рижского залива.

ЗАМЕТИМ, что командование флота вполне отдавало себе отчет в своей неспособности удержать центральную позицию в случае вторжения в Финский залив германского линейного флота, во всяком случае до вступления в строй четырех линейных

кораблей типа «Севастополь». «Мы ожидали, что жизни нам осталось немного, что если он** придет с достаточными силами, то, несмотря на заграждения, он сумеет прорвать их», — свидетельствует А.В. Колчак²⁰. По оценке М.А. Петрова, «ничтожная защита Финского залива» могла быть преодолена одной эскадрой германских линкоров-дредноутов²¹.

Однако германское командование сосредоточило основные силы своего флота в Северном море против англичан. Главкомандующий морскими силами Балтийского моря гросс-адмирал принц Генрих Прусский располагал лишь девятью малыми крейсерами (из них только двумя современными), 16 миноносцами и четырьмя подводными лодками. Перед этими силами была поставлена скромная цель — «насколько возможно мешать наступательным операциям русских»²².

Если в период реализации «плана Шлиффена», предусматривавшего нанесение первого главного удара на Западе, такой подход к применению германского флота надо полагать оправданным, то со стабилизацией фронта во Франции и Бельгии подобная расстановка стратегических акцентов, по мнению ряда авторитетных исследователей, начала изживать себя. Так, О. Гроос, характеризую стратегические перспективы Германии после поражения на Марне, «бега к морю» и последующего «оцепенения Западного фронта», писал: «Единственной возможностью являлась война с ограниченной целью против России, чтобы, до-

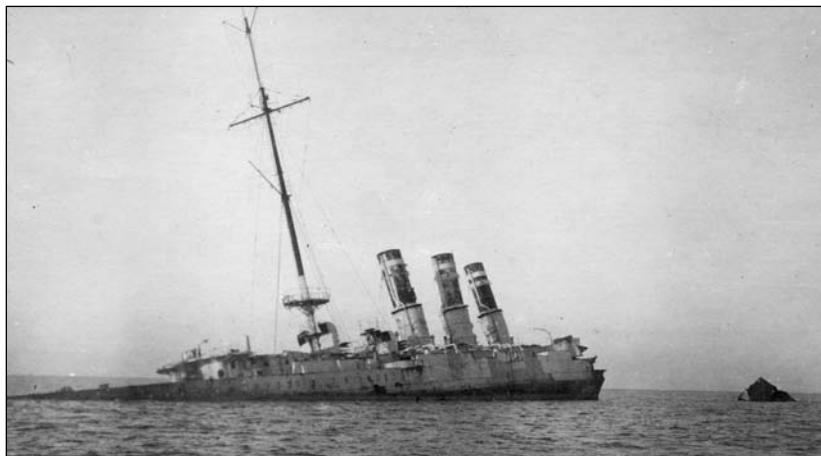
** Противник.

Принц Генрих Прусский

бравшись до ресурсов этой страны, уравновесить давление английского владения морем. Нельзя было сомневаться в успехе такого наступления армии и флота против России, если бы оно было предпринято в широком масштабе...»²³.

На практике же в кампании 1914 года боевая деятельность германских морских сил на Балтике, эпизодически поддерживаемых эскадрами линкоров-дредноутов и броненосными крейсерами, ограничивалась демонстративными действиями. 26 августа во время одной из «демонстраций» в устье Финского залива лучший из кораблей принца Генриха — крейсер «Магдебург» (корветтен-капитан Хабенихт) в тумане выскочил на камни у о. Оденсхольм. В результате в руки русских и англичан попали сигнальная книга германского флота, секретная карта квадратов моря и другие документы, существенно повысившие возможности радиоразведки союзных флотов²⁴.

Крейсер «Магдебург» после ледохода. 1915 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказом № 1 главнокомандующего 6-й армией генерал-адъютанта Николая Николаевича от 31 июля 1914 г. объявлялось «высочайшее повеление» о назначении адмирала Н.О. фон Эссена командующим флотом Балтийского моря. Этим же приказом великий князь объявил о подчинении ему «на правах главнокомандующего, по морскому уставу, Балтийского флота». См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2126. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

² Грибовский В.Ю. Балтийский флот в Первой мировой войне 1914—1917 гг. СПб.: СПбВМИ, 2000. С. 3.

³ Козлов Д.Ю. «Утрата флота на Балтийском море... отзывается расстройством самого государственного организма». Планы оперативно-стратегического применения флота Балтийского моря накануне Первой мировой войны в 1907—1914 гг. // Воен.-истор. журнал. 2004. № 8. С. 10—17.

⁴ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 18.

⁵ Цит. по: Томашевич А.В. Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914—1915 гг. М.; Л.: Военно-морское издательство НКРК ВМФ СССР, 1939. С. 21.

⁶ Ростунов И.И. Русский фронт первой мировой войны. М.: Наука, 1976. С. 92—94.

⁷ Авдеев В.А. Пролог исторической трагедии. Русская мобилизация в июле 1914 года // Воен.-истор. журнал. 1994. № 7. С. 40.

⁸ Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. М.: Воениздат, 1964. Т. 1. С. 89.

⁹ Шалагин Б. Взять море в свои руки. Н. Новгород: Нижполиграф, 1996. С. 288.

¹⁰ Крепость Кронштадт была объявлена на осадном положении приказом главнокомандующего 6-й армией № 7 от 20 августа. См.: РГВИА. Ф. 2126. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

¹¹ В мирное время корабельный состав делился на суда первой и второй линий. К первой относились корабли, находящиеся в кампании, а также так называемый первый резерв — суда, завершившие кампанию, или новые, в кампании еще не состоявшие. Суда первого резерва, отличавшиеся от боеготовых лишь сокращенным комплектом офицеров, кондукторов и команды, вводились в кампанию по истечении 12 ч с момента объявления мобилизации. Во второй состояли корабли, неготовые технически и не укомплектованные личным составом. К началу мировой войны первый и второй резервы морских сил Балтийского моря состояли из бригады крейсеров первого резерва, сводного резерв-

ного дивизиона миноносцев и кораблей учебных отрядов — артиллерийского, минного и подводного плавания (в общей сложности один устаревший линкор, пять крейсеров, 16 миноносцев, пять учебных судов, четыре подводные лодки). См.: Цветков И.Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695—1945). СПб.: ЦКП ВМФ, 2000. С. 197, 212—216.

¹² РГА ВМФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 134. С. 33—34 об.; РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 18. Л. 13—16 об.

¹³ История отечественного военного судоремонта. Кн. 1. От доковых адмиралтейств к морским заводам. СПб.: Гангут, 2004. С. 179.

¹⁴ Гончаров Л.Г., Денисов Б.А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1904—1918 гг. М.; Л.: Военно-морское издательство НК ВМФ СССР, 1940. С. 7, 8.

¹⁵ Петров М.А. Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства. Л.: РИО В.-Морских Сил РККА, 1927. С. 491.

¹⁶ Дорогов Н. Эволюция минного заграждения // Морской сборник. 1923. № 6. С. 13.

¹⁷ Приказ командующего флотом Балтийского моря № 2 от 19 июля (1 августа) 1914 г. См.: Меркушов В.А. Записки подводника, 1905—1915. М.: Согласие, 2004. С. 195.

¹⁸ Геринг А. «Петропавловск» // Военная быль. Le Passé Militaire. Париж. Январь 1956 г. (№ 16). С. 23.

¹⁹ Винтер Е. Период крейсерских походов и ожидание генерального сражения на центральной позиции (24 августа (6 сентября) — 26 сентября (9 октября) 1914 г.) // Военно-Морская Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. на море. Сб. № 2. Пг.: Государственное изд-во, 1922. С. 179—259.

²⁰ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. X. Берлин, 1923. С. 199.

²¹ Петров М. Историческая справка о береговой обороне Балтийского моря в мировую войну // Морской сборник. 1926. № 3. С. 42.

²² Фирле Р. Война на Балтийском море / Пер. с нем. Л.: РИО морских сил РККФ, 1926. Т. 1. С. 45.

²³ Гроос О. Учение о морской войне в свете опыта мировой войны / Пер. с нем. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 137.

²⁴ Кикнадзе В.Г. Радиоразведка Российского флота в первой мировой войне // Вопросы истории. 2004. № 11. С. 144—152.

**Капитан 1 ранга
Д.Ю. КОЗЛОВ**

(Окончание следует)

• ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ РАБОТА

Мемориальная доска
Н.Г. Кузнецову

В ЧЕСТЬ АДМИРАЛА ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н.Г. КУЗНЕЦОВА

ОБЩЕРОССИЙСКИМ движением поддержки флота во взаимодействии с полномочным представителем Президента РФ в Центральном федеральном округе, Правительством Москвы, Московской городской Думой, Главным командованием ВМФ открыта мемориальная доска в честь народного комиссара ВМФ, Героя Советского Союза Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Открытие памятной доски состоялось в Москве, где он жил, по адресу: ул. Тверская, д. 9.

На открытии присутствовали представители российских министерств и ведомств, ветераны Военно-морского флота, проходившие военную службу и работавшие под руководством Н.Г. Кузнецова, а также сотрудники «Военно-исторического журнала», с которым прославленный флотоводец активно сотрудничал в послевоенные годы.

М.Е. НОВИКОВА,
студентка Московского
гуманитарно-экономического
института

ИНТЕНДАНТСТВО РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В НАЧАЛЕ XIX века в России было образовано Военное министерство, в составе которого находились два равноправных департамента — комиссариатский и провиантский. Первый во главе с директором — генерал-кригс-комиссаром ведал довольствием армии, деньгами, обмундированием, снаряжением, обозом, лошадьми и хозяйством госпиталей. Вторым занимался снабжением армии продовольствием (провиантом, фуражом); его директор имел звание генерал-провиантмейстер.

В 1801—1808 гг. деятельность обоих департаментов подчинялась генерал-интенданту армии, но с 1808 года должность эта была упразднена в составе управления мирного времени и сохранилась лишь в составе полевых управлений. Каждый из департаментов имел свои местные органы — комиссариатские комиссии и комиссионерства. Органы эти не состояли в войсковой организации, так как в составе Полевого управления армии находились полевые комиссариатское и провиантское управления, во главе которых стояли полевой генерал-кригс-комиссар и полевой генерал-провиант-комиссар. Они подчинялись генерал-интенданту армии. В составе войсковых (строевых) управлений полевых армий имелись войсковые комиссариатские и провиантские органы: в состав корпусного штаба входили обер-кригс-комиссар и обер-провиант-комиссар, в состав штаба дивизии — только провиант-комиссар. Каждый из названных департаментов был обособлен, имел свои органы и личный состав. В таком виде комиссариатский и провиантский департамент просуществовали до 60-х годов XIX века, когда при общей реорганизации военного управления были преобразованы в интендантст-

во. В составе Военного министерства в августе 1864 года появилось Главное интендантское управление (ГИУ)¹, находившееся в непосредственном ведении главного интенданта и занимавшееся заготовкой, обеспечением и снабжением войск вещами, денежным, провиантским и фуражным довольствием.

По положению 1869 года ГИУ состояло из 6 отделений, канцелярии, статистической части и архива², при нем находились Технический комитет, музей и два временных отделения, которые завершали дела комиссариатского и провиантского департаментов.

Первое отделение ведало заготовкой предметов обмундирования и снаряжения для войск и вещевого довольствия для военных госпиталей, а также перевозкой вещей и медикаментов и составлением отчетов по исполнению планов. Второе занималось отпуском предметов обмундирования и снаряжения в войска и вещевого довольствия в военные госпитали, устройством неприкосновенных и чрезвычайных запасов для войск и госпиталей, распределением вещей для хранения по магазинам интендантских складов, учреждением новых и ликвидацией старых складов. Третье заготавливало и доставляло продовольствие и фураж для войск и военных госпиталей и составляло отчеты по исполнению планов. Четвертое ведало делами по военно-судной части о чинах интендантского ведомства, рассмотрением претензий частных лиц. Пятое — по распорядительной бухгалтерии — составляло годовые сметы интендантского ведомства и сметы исполнения сверхсметных кредитов. Шестое отделение — по отчетной бухгалтерии — распределяло сметные суммы по окружным интендантствам, составляло и рассматривало отчеты

по состоянию вещевых и продовольственных капиталов — общего и по всем окружным интендантским управлениям.

В канцелярии сосредоточивались все дела по личному составу интендантского ведомства, в ее ведении было также составление отчетов о деятельности ГИУ. Статистическая часть занималась сбором всех данных по предметам вещевого довольствия и по продовольственной части, составлением статистических карт военных округов с «надлежащим к ним описанием» по интендантской части, назначением секретных цен к торгам на поставку предметов вещевого и продовольственного довольствия. Технический комитет являлся совещательным органом при ГИУ и ведал написанием и усовершенствованием правил приема и хранения вещей и продовольствия, описанием для технической оценки качества всех предметов интендантского довольствия.

В музее Главного интендантского управления хранились образцы всех предметов обмундирования и снаряжения войск. Музей состоял из трех отделов, канцелярии, рисовальной мастерской, литографии и должен был служить хранилищем форм военного обмундирования и снаряжения как русских войск, так и иностранных, оригиналов описаний форм, а также всех рисунков и чертежей. Благодаря работе музея систематически выходили в свет сборники военных постановлений³.

В ЯНВАРЕ 1874 года в ГИУ из Главного штаба передали делопроизводство о денежных расчетах за перевозки войск по железным дорогам⁴. Было образовано новое отделение — счетное, которое стало называться шестым, а бывшее шестое — по отчетной бухгалтерии — седьмым⁵. Тогда же два временных отделения объединили в одно.

В ноябре 1881 года музей при ГИУ упразднили, а дело-производство и экспонаты передали в магазин образцов при Техническом комитете.

Функционально отделения были разделены следующим образом: I — по заготовлению и отпуску предметов обмундирования и снаряжения;

сти и IV отделения; 4-й — вещевого и снаряжения в составе I, III и IX отделений; 5-й — холодильный в составе хозяйственно-заготовительного и технического отделений; 6-й — счетный в составе двух сметно-распорядительных отделений; 7-й — технический в составе V отделения и металлического делопроизводства.

Кроме того, в ведении ГИУ находились Комитет по заведению имуществом и Комитет по заведению и управлению военно-подковным заводом в Петрограде.

В ноябре 1917 года в ГИУ был создан демобилизационный отдел, состоявший из канцелярии и четырех подотделов: административно-хозяйственного, общего, продовольственного и вещевого, а также комитета служащих¹³.

В 1918 году Главное интендантское управление было расформировано, а его функции перешли к органам военно-хозяйственного и военно-финансового управлений.

РАССМОТРИМ некоторые особенности деятельности интендантских служб во время Русско-турецкой (1877—1878 гг.), Русско-японской (1904—1905 гг.) и Первой мировой (1914—1918 гг.) войн.

По окончании Русско-турецкой войны Военное министерство в 1881 году приступило к переработке «Положения о полевом управлении войск»¹⁴. Одной из главнейших причин своих неудач в войне интендантство признало неудовлетворительное разрешение кадрового вопроса. Для одной только Дунайской армии формирование полевого интендантского управления, местных интендантств в тылу, корпусных и дивизионных интендантств, транспортных эшелонов, магазинов и складов потребовалось свыше 800 офицеров и чиновников. Между тем удалось с трудом командировать лишь до 200 чинов интендантского ведомства. Военное министерство позже признало, что существовавший способ комплектования и условия подготовки интендантов в мирное время не обеспечивали необходимый уровень боевой способности и готовности интендантских служб.

Во второй половине XIX века военное хозяйство развива-

ВО ВРЕМЯ Русско-японской войны интендантское снабжение собранных на Дальнем Востоке войск отличалось разнообразием и полнотой, не наблюдавшимися ранее

В мае 1885 года в управлении появилось восьмое, обозное, отделение, в которое передали все дела упраздненной обозной комиссии⁶.

В марте 1891 года было учреждено особое мобилизационное отделение⁷. В феврале—марте 1896 года упразднили временное отделение, а особое мобилизационное отделение переименовали в девятое⁸.

В январе 1902 года структура Главного интендантского управления изменилась⁹. Вместо статистической части было образовано статистическое отделение. Второе отделение по вещевому довольствию переименовали в первое — по заготовлению и отпуску предметов обмундирования и снаряжения войск, управлений и заведений военного ведомства. Первое же отделение стало вторым — госпитальным отделением, которое решало вопросы, относящиеся к заготовлению и отпуску предметов для военно-врачебных заведений.

Мобилизационное отделение теперь называлось мобилизационной частью, а девятое отделение — отделением по продовольственным запасам и техническим заведениям.

В 1905 году было образовано десятое временное отделение, а в 1909-м — временное ликвидационное отделение для окончания дел, возникших по интендантскому ведомству в связи с Русско-японской войной 1904—1905 гг.

1 СЕНТЯБРЯ 1910 года был объявлен новый штат Главного интендантского управления, согласно которому в его состав вошли 9 отделений, мобилизационная часть, счетный отдел, канцелярия, архив и в качестве совещательного органа — технический комитет.

II — по заготовлению и отпуску госпитальных, теплых годовых вещей и постельных принадлежностей; III — по провиантскому (приварочному и фуражному) довольствию; IV — по части судной и по взысканиям; V — по обозной части; VI — квартирное; VII — хозяйственное; VIII — по продовольственным запасам и техническим заведениям; IX — статистическое.

Счетный отдел состоял из двух отделений: одно — по распорядительной бухгалтерии, другое — по отчетной бухгалтерии. Технический комитет насчитывал четыре делопроизводства: по формам обмундирования, снаряжения и регалиям войск; вещевого; продовольственного; механического.

Согласно приказу по Военному министерству от 4 декабря 1910 года были изменены и дополнены статьи Свода военных постановлений, которыми определялись новые обязанности и функции ГИУ. В ноябре 1914 года его отделения получили новые наименования: I, II и III — вещевые, IV — судное, V — обозное, VI — продовольственное, VII — хозяйственное, VIII — техническое.

В январе 1916 года было учреждено IX отделение — по заготовлению теплых вещей¹⁰, а в марте 1917-го — X — холодильное отделение¹¹.

Приказом по ГИУ от 4 июля 1917 года объявили новый временный штат управления¹²: 1-й отдел — административный; в его состав вошли канцелярия, VII и X отделения, делопроизводство по экономическим суммам, исполнительская и журнальная части и архив; 2-й — продовольственный и заготовки теплой обуви в составе II, VI и VIII отделений; 3-й — мобилизационный и судный в составе мобилизационной ча-

лось, постоянно увеличивая возможности доставки войскам продовольствия и фуража (подвижные продовольственные склады). Была введена новая специальная служба военных сообщений.

Кроме того, в это время была выработана более совершенная система эшелонирования запасов материальных средств, частей и учреждений, предназначенных для обеспечения войск. Медицинская служба приобрела новую структуру во главе с директором военных госпиталей.

В этот же период приняли новую схему снабжения: армия — корпус — дивизия — полк — рота — военнослужащий. Ввели должности интенданта корпуса на военное и мирное время и интенданта дивизии на военное время с подчинением их строевым командирам. Корпусам и дивизиям были даны транспортные средства. На снабжение была принята полевая кухня. Питание воинов сосредоточили в батальонном звене. Ротная артель постепенно ушла в прошлое. Появились пищевые консервы для личного состава и фуражные консервы для животных. По мере строительства железных дорог для эвакуации раненых и больных формировались военно-санитарные поезда.

В О ВРЕМЯ Русско-японской войны интендантское снабжение собранных на Дальнем Востоке войск отличалось разнообразием и полнотой, не наблюдавшимися ранее.

Опыт войны еще раз подтвердил, что основным способом пополнения материальных средств массовой армии является подвоз из тыла. Отсюда вытекала необходимость основной реформы в устройстве интендантства: организация его в мирное время на одинаковых основаниях с военным и сосредоточение в его руках всего военного хозяйства.

К началу Первой мировой войны интендантство уже имело строго иерархичную структуру с концентрацией всей полноты власти в руках главного интенданта, что позволяло правильно распределять и финансовые, и людские ресурсы на обеспечение тех или иных видов довольст-

вия. Однако стоит признать, что система интендантской службы, оказалась не совсем готовой к столь масштабной войне. Это заставило чиновников главного интендантского управления перестраивать свою работу уже в процессе войны, что, конечно же, отрицательно сказалось на работе интендантства в целом. При этом его деятельность не всегда была скоординирована с задачами других управлений военного ведомства.

В деятельности отдельных служащих интендантства обнаружались серьезные недостатки, даже злоупотребления и случаи присвоения государственного имущества. Однако большинство чинов интендантства добросовестно исполняли свои обязанности, о чем свидетельствуют многочисленные списки награжденных¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник приказов по Военному министерству. СПб., 1864. № 234.

² Свод военных постановлений за 1869 г., 3-е изд. СПб., 1907. Кн. I. С. 202.

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 23. Оп. 88. Д. 7. Л. 1.

⁴ Сборник приказов по Военному ведомству. СПб., 1874. № 47.

⁵ Сборник приказов и циркуляров Главного интендантского управления. 1875. № 8.

⁶ Сборник приказов по Военному ведомству. СПб., 1885. № 147.

⁷ Там же. 1891. № 107.

⁸ Там же. 1896. № 54.

⁹ Там же. 1902. № 10.

¹⁰ Там же. Пг., 1916. № 80.

¹¹ Там же. 1917. № 391.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп. 1. Д. 1646. Л. 41.

¹³ Там же. Оп. 19. Д. 3.

¹⁴ Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881—1894 г. СПб., 1903. С. 60, 62.

¹⁵ Переписка о награждении чиновников интендантского ведомства действующей армии; наградные листы и списки награжденных. Декрет 1915 — 21 января 1916 г. См.: РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 1924; Наградные листы интендантских чиновников. 5 декабря 1915 г. См.: там же. Д. 1925.

А.В. АРАНОВИЧ

• ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

ОТКЛИКНИТЕСЬ, БОЕВЫЕ ДРУЗЬЯ М.Н. САВИНА

Исполнилось 65 лет со времени героической обороны острова Эзель (Сааремаа). Для фашистов этот клочок балтийской земли из числа других, подобных ему в гряде Моонзундского архипелага, был, что называется, костью в горле. Ведь именно отсюда еще в начале августа 1941-го советская военноморская авиация наносила бомбовые удары по Берлину. Для меня этот остров связан с памятью о дорогом мне человеку — Михаиле Николаевиче Савине, родном брате моей матери. Родился он в 1917 году в рабочем поселке Радица, что на Брянщине. Фашисты сожгли этот поселок дотла, так что никаких документов не осталось. Вот и пишу просто по памяти.

В 1934 году после окончания фабрично-заводского училища дядя по комсомольскому набору добровольно поступил в Севастопольское военно-морское училище береговой обороны, а затем служил на Краснознаменном Балтийском флоте. Участвовал в Советско-финляндской войне, после завершения которой и был направлен на остров Эзель начальником морского оборонительного района, где, как сообщили мне из Центрального военно-морского архива, «пропал без вести».

Я много интересовался подробностями обороны Моонзунда, в частности острова Эзель, чтобы как-то проследить за фронтовой судьбой Михаила Николаевича, по стопам которого, можно сказать, вошел во флотскую жизнь. В детстве посещал морской кружок, а в 1945 году окончил в Кронштадте школу юнг по специальности радист-оператор. Служил на Дунайской военной флотилии в морской погранохране, участвовал на Балтике в послевоенном разминировании водных районов.

Вообще-то в нашем рабочем поселке, да и в нашем роду сложились настоящие династии военных моряков. Так, брат моей бабушки Андрей Григорьевич Соченов был флотским офицером еще в дореволюционное время. Второй ее брат, Александр Григорьевич, — участник восстания на эскадренном броненосце «Князь Потемкин Таврический» в 1905 году и штурма Зимнего дворца в Петрограде в 1917-м.

Но возвращусь к Михаилу Николаевичу Савину. В моей памяти он сохранился спортивным высоким голубоглазым брюнетом. Но, возможно, кто-то из его бывших сослуживцев запомнил его и в боевой обстановке. Откликнитесь, пожалуйста! Расскажите о нем поподробнее, а также о наиболее памятных эпизодах героической обороны так называемого фашистам морского бастиона — острова Эзель.

**Старший лейтенант в отставке
Л.М. ГУБАНОВ**
(г. Брянск)

ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ В РЯДАХ ЗАЩИТНИКОВ ОТЕЧЕСТВА

22 июня 1941 года, т.е. в первый день войны, в соответствии с действующей Конституцией и Законом о всеобщей воинской обязанности Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране была объявлена всеобщая мобилизация.

По Дальневосточному региону из-за разницы во времени сообщение о нападении фашистской Германии на Советский Союз распространилось лишь поздним вечером. Митинги и собрания в течение последующих дней прошли фактически во всех коллективах с единодушным осуждением агрессора, решимостью отстоять свою Отчизну и уверенностью в победе.

П ОСЛЕ первых же сообщений о фашистской агрессии у дверей военкоматов Дальнего Востока выстроились длинные очереди добровольцев. Так, 23 июня военкомат г.Свободного зарегистрировал свыше 300 заявлений от отдельных лиц различных социальных слоев и возрастных групп, а также коллективов; в Приморский крайвоенкомат за 24 июня поступило 783 заявления. Любая задержка призыва вызывала обиду у добровольцев и заставляла обращаться за содействием к руководству страны. «2 родных брата и 36 двоюродных братьев уже воюют на Западном фронте», — нетерпеливо напоминал, например, один из них, И.М. Степанов. Подчеркивая свою готовность, санитарные дружинницы-хабаровчанки писали: «Мы, не жалея ни сил, ни нашей молодой энергии, не страшаясь мести, гордо встанем на защиту нашей Родины. Именно сейчас, не медля ни одной минуты, мы хотим помочь Красной Армии»¹.

Поток подобных высказываний и требований возрастал с каждым днем, исходя из чего, а также руководствуясь указанием Генерального штаба от 4 июля 1941 года, все штабы военных округов принимали заявления от добровольцев, брали их на особый учет с последующим отбором по особому предписанию.

Вместе с тем установился строгий порядок учета военнообязанных и контроля за ними.

Поступление мобилизованных с Дальнего Востока, как и из других районов страны, началось 9 июля. Все призывы и мобилизации проводились на основе общесоюзных законодательных актов. С августа 1941-го на военную службу призывались военнообязанные старших возрастов — 1885–1904 гг. и призывники 1923 года рождения. Отменялись предоставленные для завершения образования отсрочки, снижался до 18 лет (в 1944 г. — до 17 лет) призывной и повышался предельный возраст для военнообязанных (с 50 до 55 лет) с одновременным снижением требований к состоянию здоровья призывников и военнообязанных. Во всех тыловых частях и учреждениях, в ряде инженерных и военно-воздушных соединений рядовые и сержанты молодых возрастов заменялись лицами старшего возраста или ограниченно годными к строевой службе.

В территориальных образованиях региона один–два раза в год проходила без отрыва от производства перерегистрация военнообязанных рядового и начальствующего состава, кото-

рая, как правило, совпадала с объявлением очередного или дополнительного призыва. Цель таких мероприятий — проверка правильности учета и бронирования лиц, подлежащих мобилизации, выявление всех уклоняющихся от призыва.

Постановлением Государственного Комитета Оборона (ГКО) за № 1159 от 16 января 1942 года был определен порядок передвижения военнообязанных в военное время и ответственность за уклонение от воинского учета. Приказ наркома обороны от 24 января 1942 года запрещал военнообязанным и призывникам покидать постоянное место жительства без письменного разрешения военного комиссариата. В случаях постоянного или временного выезда при обоснованности мотивов (служебная командировка) военнообязанный в течение 48 ч становился на военный учет с соответствующей отметкой органов милиции в военном билете независимо от приписки. Освобожденные из мест заключения без воинских документов принимались на учет на основании выданных справок и анкет, заполненных лично с предупреждением под расписку об ответственности за правильность сообщаемых данных. Уклоняющиеся от учета и их пособники привлекались к уголовной ответственности по статье 293 пункта 10-а Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей союзных республик, а уклоняющиеся от призыва предавались суду военного трибунала².

Большие потери личного состава войск потребовали направления в действующую армию дополнительного количества воинских контингентов. В соот-

Мы, не жалея ни сил, ни нашей молодой энергии, не страшаясь мести, гордо встанем на защиту нашей Родины. Именно сейчас, не медля ни одной минуты, мы хотим помочь Красной Армии

ветствии с Постановлением ГКО № 2100 от 26 июля 1942 года в военных округах Дальневосточного и Забайкальского фронтов с 10 по 20 августа проходил призыв граждан 1924 года рождения независимо от места работы и занимаемой должности. На призывные пункты Приморского края прибыло 5856 человек из 5958 учтенных. Годными к строевой службе были признаны 5381, к нестроевой — 191 человек; 44 человека сняли с учета, 234 — получили отсрочку по болезни и как не достигшие призывного возраста, 6 призывников отсеялись по политическим мотивам³.

на добровольных началах. От призыва освобождались женщины, имеющие на иждивении малолетних детей и престарелых родителей, работающие в оборонной промышленности, органах НКВД, на железнодорожном транспорте, студентки вузов и техникумов, уроженки Западной Украины и Западной Белоруссии, подданные других воюющих стран.

По директиве Дальневосточного фронта за № 920 на замену рядового и младшего начальствующего состава, годного к строевой, к середине апреля 1942 года предстояло мобилизовать в Приморье 1647 девушек в возрасте от 19 до 30 лет,

объявления в печати) начался призыв в ряды Красной армии граждан 1925 года рождения. От призыва до особого распоряжения освобождались работающие в оборонной промышленности и учащиеся начального профессионально-технического образования. Необходимо подчеркнуть, что призывники 1925 года рождения на Дальнем Востоке призывались еще в феврале и июне-июле 1943-го. Половина из них направлялась на замену женщин и ограниченно годных, служивших в частях дальневосточного региона. Политические донесения свидетельствовали о том, что в целом все призывы проходили с большим патриотическим подъемом. Уклонившиеся от воинской службы составляли незначительный процент с единичными случаями членовредительства (рубил два пальца на левой руке).

Впрочем, совокупность факторов, влияющих на призыв и мобилизацию в вооруженные силы, была идентична по всей стране. Комплектование осуществлялось за счет проведения очередных и досрочных призывов, мобилизации военнообязанных старших возрастов и добровольцев, в том числе и женщин, возвращения в строй раненых, переосвидетельствования военнообязанных с понижением требований к годности. Что же касается Дальневосточного региона, занимавшего среди военных округов скромное место (было мобилизовано всего 2,4 проц. ушедших на военную службу с территории РСФСР), то следует учитывать общую численность и возрастной состав его населения. Так что на защиту Отечества отсюда ушло около 22 проц. учетного контингента, а если точнее, то не менее 37 проц. лиц в возрасте от 15 до 50 лет и более 50 проц. населения, занятого в общественном производстве.

По совокупности различных статистических данных можно предположить, что к середине 1942 года не менее 90 проц. молодых дальневосточников 1922–1924 гг. рождения (в 1924 г. — досрочно) были призваны в ряды Вооруженных Сил СССР. Показательно и то, что лишь 4–6 проц. мобилизованных получили отсрочку,

СРЕДИ женщин наблюдался высокий патриотический подъем. Все разрядки не только выполнялись, но и перевыполнялись, постоянно поступали заявления от девушек-добровольцев

Одновременно началась мобилизация лиц мужского пола, которых можно было изъять из трудовых ресурсов региона. Например, в начале сентября 1942 года по Уссурийской области на общем учете состояли 10 720 человек, на специальном — 10 757; числилось также 397 призывников. Медицинское переосвидетельствование прошли еще 3922 призывника, ранее считавшихся годными к строевой службе, среди которых 520 человек (13 проц.) были признаны годными к нестроевой, а 26 сняты с учета по состоянию здоровья. По заключению врачей из 1837 лиц, ранее ограниченно годных к воинской службе, 187 (10,2 проц.) признали годными к несению строевой и всего 36 сняли с учета. После переосвидетельствования 502 мобилизованных, ранее снятых с учета, 41 призывника признали годными к службе без всяких ограничений и 60 человек — ограниченно годными, т.е. 20 проц. военнообязанных снова встали в строй⁴.

Поиски внутренних резервов заставили приступить на юридически добровольной основе к мобилизации женщин (призывались только военнообязанные). В действующую армию и специальные военные учебные заведения принимали по личному согласию, а в тыловые части — через партийные и комсомольские органы тоже

по постановлению ГКО № 2435 от 22 октября 1942 года — 505 в Приморском и 500 в Хабаровском крае, в 1943 году — 350 в Приморье (директива заместителя наркома обороны СССР № М1/863). При этом вызов женского контингента на призывные пункты производился без опубликования в печати по составленным спискам⁵.

На основании постановления ГКО от 13 апреля 1942 года мобилизованные женщины осваивали специальности вспомогательных служб (финансистов, санитаров, писарей, поваров) и связи (радиостов, телеграфистов, телефонистов, электриков), а также химиков, шоферов. Все призванные проходили медицинскую комиссию и перед отправкой имели при себе верхнюю одежду, две смены белья, предметы личной гигиены и первой необходимости⁶. Судя по политическим донесениям, среди женщин наблюдался высокий патриотический подъем. Все разрядки не только выполнялись, но и перевыполнялись, постоянно поступали заявления от девушек-добровольцев.

Постановлением ГКО от 20 декабря 1942 года в регионе (без

В КНИГИ Памяти занесено 123,4 тыс. имен дальневосточников, которые отдали свои жизни во имя Победы

3 проц. были признаны годными к нестроевой и 1 проц. — комиссованы. Значительным было количество молодежи, мобилизованной на военную службу на Дальнем Востоке, и 1922–1927 гг. рождения. Оно, если и не было выше, чем в целом по стране, то и не уступало общим показателям, достигнув 24–26 проц. Среди военнообязанных, находящихся на общем воинском учете, как минимум, больше половины имели возраст от 40 до 50 лет⁷.

Сразу оговоримся, что как эти, так и другие расчеты произведены на основе косвенных данных и без материалов военных комиссариатов территориальных образований носят предварительный характер. Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что в процентном отношении с Дальневосточного региона было мобилизовано населения не меньше, а возможно, больше, чем в целом по стране.

МЕТОДИКА комплектования и обучения воинских подразделений на Дальнем Востоке соответствовала общепринятым стандартам военного времени. Военные кадры готовили военно-пехотные училища во Владивостоке, Благовещенске, в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Шкотово, Дальневосточное артиллерийское и Хабаровское пулеметно-минометное училища, Хабаровское военно-авиационное училище и Вознесенская школа пилотов ВВС, Военно-политическое училище Дальневосточного фронта, Тихоокеанское высшее военно-морское училище. Военных медиков выпускали Хабаровские курсы усовершенствования врачей. По решению Главного политического управления РККА в Чите и Хабаровске начали функционировать отделения заочной высшей политической школы.

В конце войны в войсках Дальневосточного фронта успешно работало 10 училищ, однако большинство командиров были назначены на должности из офицеров запаса, старшин, сержантов и не имели достаточного военного образования. На армейских и фронтовых курсах готовился младший командно-технический состав для пехоты, артиллерии, бронетанковых и механизированных войск, военно-морского флота, инженерных, химических войск и войск связи, на базе которых в свою очередь формировались училища. Особое место занимала подготовка

в специальных школах старшинского (сержантского) состава из рядовых с продолжительностью обучения командиров отделений 10 недель и старшин (сержантов) — 13 недель, проводившаяся по особой программе переподготовки на 1,5–2-месячных специальных сборах, а также на кораблях и в частях.

Дальневосточная группа войск при явной угрозе нападения со стороны империалистической Японии использовалась в качестве резерва для пополнения армий в самые тяжелые и ответственные моменты войны с фашистской Германией. Так, для участия в боевых действиях Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия передали 153 тыс. человек (соответственно 143,4 тыс. и 9,5 тыс.). В составе Северного флота сражались боевые корабли дальневосточной «прописки» — лидер «Баку», 2 эскадренных миноносца «Разумный» и «Разъяренный», 5 подводных лодок, на Краснознаменном Балтийском флоте — 12 торпедных катеров, на Черноморском — 10 подводных лодок типа «М», 8 торпедных катеров, 6 малых охотников за подводными лодками и батальон морской пехоты⁸. Из состава сухопутных войск дальневосточной группировки Вооруженных Сил СССР было передислоцировано 39 дивизий, 21 бригада и 10 полков. Их общая численность составила около 402 тыс. чел., свыше 5 тыс. орудий и минометов, более 3,3 тыс. танков⁹. Переброшенные с Дальнего Востока соединения и части немедленно включались в состав войск, принимавших участие в самых решающих сражениях и битвах — под Москвой и Сталинградом, на Курской дуге и в Заполярье, на Днепре и Висле, под Прагой и Белградом, Кёнигсбергом и Веной, в Берлине. В Книги Памяти занесено 123,4 тыс. имен дальневосточников, которые отдали свои жизни во имя Победы, в том числе: по Приморскому краю — 45 тыс. человек, Хабаровскому — 31 тыс., Амурской области — 35 тыс., Камчатской — 2104, Сахалинской — 4388, Еврейской автономной области — 5346, Магаданской — 587. Всех их, как и тех, кто дошел до Берлина, кто в годы суровых испытаний воевал и трудился в тылу, объединила одна общая и понятная цель. В самоотверженном подвиге многомиллионных масс великой страны слились воедино и необходи-

мость защиты Отечества, и национальные чувства, и вера в преимущество социалистического строя, в историческое предназначение Советского Союза. Доминанта общественного настроения, общественного мнения, общественного сознания представлялась всем, кто уходил на фронт и кто оставался в готовности пополнить ряды бойцов, несомненной — война справедлива, поэтому необходимо приложить все силы для достижения победы.

Современным исследователям не следует забывать, что историческая реальность всегда многообразнее и сложнее, чем ее отражение в историческом сознании. В пылу научной полемики нужно учитывать неизбывную ценность создаваемого предшествующим поколением, выдержавшим суровое испытание в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., оборонительного потенциала нынешней России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 3. Д. 162. Л. 73; см. также: Партийная организация Приморья в годы Великой Отечественной войны. Владивосток, 1966. Т. 1. С. 26; Красное знамя. 1948. 24 июня; 1975. 16 января.

² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-84. Оп. 1. Д. 511. Л. 47–51.

³ Призыву не подлежали военнообязанные горских национальностей (Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Дагестанской автономных республик); ГАПК. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 668. Л. 73, 93.

⁴ Там же. Ф. П-85. Оп. 1. Д. 511. Л. 73, 74.

⁵ Там же. Ф. 26. Оп. 20. Д. 119. Л. 39; Д. 132. Л. 54, 55.

⁶ Там же. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 667. Л. 130; Д. 668. Л. 2, 154.

⁷ Все расчеты произведены автором на основе отчетности различных ведомств и местных статистических органов по численности населения.

⁸ *Исаев С.* Вклад войск Дальнего Востока в разгром немецко-фашистских захватчиков // *Воен.-истор. журнал.* 1979. № 8. С. 76; *Цветков И.Ф.* Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры Военно-морского флота России (1695–1945). СПб., 2000. С. 652.

⁹ *История второй мировой войны 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 184–186.*

Г.А. ТКАЧЕВА

ИНСТИТУТ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

5 ноября 2006 года исполняется сорок лет со дня основания Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации. К своему юбилею это научное учреждение, подходит как состоявшееся, немало сделавшее для упрочения и обогащения исторической памяти России.

Успешно решать сложные и актуальные задачи Институт военной истории может прежде всего потому, что опирается на весь предшествующий опыт научно-исследовательской и просветительской работы, накопленный за сотни лет выдающимися отечественными историками и научными организациями России.

ИСТОКИ военной истории нашего Отечества уходят корнями во времена становления и возвышения Древнерусского государства. Формирование военно-исторической науки начиналось с летописей, других исторических памятников, пронизанных идеями борьбы русского народа против иноземных захватчиков.

Заметный след в развитии военной истории оставило документальное и мемуарное наследие XVIII столетия. Однако реальное становление науки относится к концу XVIII — первой четверти XIX века. Именно в этот период она постепенно оформляется как относительно самостоятельная отрасль знаний, оставаясь частью общей истории. Во второй половине

XIX столетия развитие военно-исторической науки было во многом связано с созданием специальных центральных военно-исторических органов и научных учреждений. В частности, при преобразовании в сентябре 1863 года Департамента Генерального штаба в Главное управление этого штаба (ГУГШ) в составе последнего был учрежден особый Совещательный комитет, в который наряду с прочими вошел и военно-исторический отдел, который продолжал функционировать и после переименования в 1867 году Совещательного комитета в Военно-ученый комитет Главного штаба (образован в 1865 г. путем слияния ГУГШ и Инспекторского департамента). После окончания Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. указом Александра II от 2 марта 1879 года для ее описания и изучения опыта при Главном штабе (с 1905 г. при ГУГШ) была образована Военно-историческая комиссия, которая вела работу по 1911 год включительно.

К 40-летию Института военной истории МО РФ

В начале XX века изучением и обобщением военно-исторического опыта в армии и на флоте руководили в основном Генеральный и Главный штабы, а также Морской главный штаб. Исследовательская работа в области военной истории велась также в военно-учебных заведениях, и прежде всего в Николаевской академии Генерального штаба, в штабах военных округов, в военно-исторических музеях; результаты этой работы широко освещались военной печатью.

Определенный вклад в развитие военной истории внесло «Общество ревнителей военных знаний», возникшее в 1898 году и насчитывавшее в своих рядах до 40 тыс. человек. Оно имело собственные печатные издания. Однако главной целью этого общества была пропаганда исторических и общих военных знаний, а не глубокое изучение военно-исторических проблем. В 1907 году создано «Императорское Русское военно-историческое общество» и начал издаваться (с 1910 г.) его журнал. В качестве важнейших задач общества рассматривались: расширение военно-исторических знаний, развитие архивного дела, организация музеев, работа над сохранением, восстановлением и сооружением памятников военного прошлого России, проведение археологических раскопок. Помимо центрального отделения в Санкт-Петербурге Военно-историческое общество имело филиалы на местах: от Москвы до Туркестана.

В 1906 году при Главном управлении Генерального штаба была создана Военно-историческая комиссия по описанию Русско-японской войны 1904—1905 гг. (работала по 1910 г.), а в 1908-м при Морском генеральном штабе (образован в 1906 г.) — Военно-историческая комиссия по описанию действий флота в этой войне (завершила работу в 1917 г.). Труды, подготовленные комиссиями, содержат богатый фактический материал по истории войны с Японией.

НОВЫМ этапом развития военно-исторической науки стало создание первых военно-исторических органов в РККА. С 13 августа 1918 года в составе Оперативного управления Всерос-

сийского главного штаба (Всероглавштаба; образован 8 мая 1918 г.) начала функционировать Военно-историческая часть, на которую возлагалось руководство всей

оперативной подготовки, готовила рекомендации для центральных органов военного управления².

В 1922 году Политическое управление РККА издало при-

том числе секция военной истории и истории военного искусства, возглавляемая В.Ф. Новицким.

В январе 1931 года по инициативе Реввоенсовета СССР было создано Постоянное совещание по военной научно-исследовательской работе, которое пришло к выводу о необходимости создания специального исследовательского учреждения — Института по изучению проблем войны и военного дела как государственного центра военно-научных и исторических исследований. Однако этот проект не был, к сожалению, реализован.

В 1930-е годы началось издание «Истории Гражданской войны в СССР», а 29 августа 1939 года вышел в свет первый номер «Военно-исторического журнала».

В ЕЛИКАЯ Отечественная война открыла новый этап в развитии военно-исторической науки. На первый план выдвигается задача своевременного обобщения боевого опыта и внедрения его в практику обучения войск, командных кадров и штабов. Для ее решения в штабах армий создаются отделения, в штабах фронтов, видов Вооруженных Сил и в управлениях родов войск — отделы, в Генеральном штабе РККА — отдел по изучению и использованию опыта войны. При этом акцент делается на выявление новых тенденций и закономерностей в развитии военного искусства через анализ практики организации и ведения боевых действий и выработку на этой основе рекомендаций для войск. В военных журналах и сборниках массово публикуются статьи, раскрывающие накопленный опыт подготовки и проведения как оборо-

военно-теоретической работой в Красной армии. В ее ведении находились Военно-ученый архив, Московский и Нижегородский архивы, Трофейная комиссия, Военно-исторический музей, а также Военно-историческая комиссия по описанию Первой мировой войны 1914—1918 гг. (учреждена одновременно с созданием Военно-исторической части).

13 ноября 1918 года вместо упраздненной в сентябре Военно-исторической части был образован военно-исторический отдел, включенный в Организационное управление Всероглавштаба. В его ведение перешло общее руководство военно-исторической работой в Красной армии. В декабре 1918 года в состав отдела вошла и Военно-историческая комиссия (под названием «Комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг.»)¹, которая в 1919 году опубликовала второй выпуск «Краткого стратегического очерка войны 1914—1918 гг.» и три «Военно-исторических сборника» (четвертый увидел свет в 1920 г.).

В годы мирного строительства Военно-историческая комиссия продолжала заниматься изучением материалов Первой мировой и Гражданской войн, изданием военно-исторических трудов, содержащих обобщенный опыт строительства армии и флота, их военного искусства, организации боевой и

каз «О работе по собиранию исторических материалов в Красной Армии», а Реввоенсовет Республики принял постановление «О написании очерков истории дивизий».

С апреля 1924 года руководство военно-исторической работой в Рабоче-крестьянской Красной армии осуществлял военно-исторический отдел Штаба РККА. В феврале 1925 года для ее интенсификации и более глубокого изучения проблем военной истории создается Управление по исследованию и использованию опыта войн, являвшееся военно-научным учреждением Наркомвоена и находившееся в ведении начальника Штаба РККА³.

В августе 1925 года в качестве единого координационного центра военно-научных и исторических исследований была создана Научно-исследовательская комиссия Центрального совета Военно-научного общества под председательством С.С. Каменева, которая объединила более 200 военных ученых. В составе комиссии работало несколько научных секций, в

В ЯНВАРЕ 1931 года по инициативе Реввоенсовета СССР было создано Постоянное совещание по военной научно-исследовательской работе, которое пришло к выводу о необходимости создания специального исследовательского учреждения — Института по изучению проблем войны и военного дела

НОВЫЙ подъем военно-исторической работы и исторических исследований наметился в середине 1960-х годов. Этому в первую очередь способствовало создание в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 27 августа 1966 года Института военной истории Министерства обороны СССР

П.А. Жилин

Д.А. Волкогонов

А.Н. Баженов

В.А. Золотарев

нительных, так и наступательных боев, сражений и операций, печатаются теоретические статьи по тактике и оперативному искусству.

После окончания Второй мировой войны, в 1946 году в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР на базе военно-исторического отдела формируется Военно-историческое управление, на которое возлагается общее руководство военно-исторической работой в Советской армии, изучение истории Великой Отечественной войны, разработка и обобщение статистических материалов⁴. Анализируются также материалы по операциям иностранных армий, ведется работа над учебниками по истории военного искусства для военных академий и военных училищ, выпускаются сборники тактических примеров из истории Великой Отечественной войны. Все это, без сомнения, значительно обогатило военно-историческую науку.

Новый подъем военно-исторической работы и исторических исследований намечился в середине 1960-х годов. Этому в первую очередь способствовало создание в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 27 августа 1966 года Института военной истории Министерства обороны СССР — головного научно-исследовательского учреждения страны в области военной истории.

5 ноября 1966 года начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР — первый заместитель министра обороны Маршал Советского Союза М.В. Захаров подписал директиву о создании

Института военной истории МО СССР, который с тех пор является основным центром отечественной военно-исторической мысли.

Необходимым и важным условием успешной деятельности Института военной истории стала органическая преемственность разных поколений военных историков, не только подготовивших предпосылки для его создания, но и образовавших научный коллектив учреждения

В ИНСТИТУТЕ работали и работают ученые, с именами которых связаны ключевые моменты в развитии военно-исторической науки в целом. Это прежде всего лауреат Ленинской и Государственной премий, член-корреспондент Академии наук СССР генерал-лейтенант П.А. Жилин, стоявший у истоков создания

рал-полковник Д.А. Волкогонов, кандидат исторических наук генерал-майор А.Н. Баженов, доктор юридических и доктор исторических наук, профессор генерал-майор В.А. Золотарев.

Многое сделали для развития военной истории сотрудники института доктора наук Н.Н. Азовцев, А.В. Антосяк, В.И. Ачкасов, А.И. Бабин, А.В. Басов, А.А. Бабаков, П.И. Вещиков, Л.М. Гаврилов, Б.И. Зверев, П.Ф. Исаков, Б.М. Каневский, М.М. Кирьян, Ю.И. Кораблев, Г.И. Коротков, В.М. Кулаков, В.А. Куликов, В.Т. Логин, И.С. Лютов, В.И. Милованов, А.М. Носков, А.С. Орлов, Ю.Г. Перечнев, Б.Г. Путилин, И.И. Ростунов, О.А. Ржешевский, Е.И. Рыбкин, А.С. Савин, Р.А. Савушкин, М.И. Семиряга, Б.Г. Соловьев, А.А. Строков, О.Ф. Сувениров, И.В. Тимохович, С.А. Тюшкевич, А.В.

К СОЗДАНИЮ Военной энциклопедии (в 8 томах) были привлечены свыше 3500 авторов более чем из 120 высших военных и гражданских учебных заведений и научно-исследовательских организаций Российской академии наук

Института и возглавлявший его более 20 лет, крупный специалист в области истории Отечественной войны 1812 года и Второй мировой войны. Свой вклад в развитие Института военной истории внесли и другие его руководители: член-корреспондент Российской академии наук (РАН), доктор философских и доктор исторических наук, профессор гене-

Усиков; кандидаты наук Н.Г. Андроников, А.И. Барсуков, П.Н. Бобылев, А.С. Галицан, Д.В. Ганичев, Н.К. Глазунов, В.О. Дайнес, П.М. Деревянко, Е.П. Егоров, Г.А. Колтунов, В.С. Малахов, И.В. Паротыкин, В.Г. Реданский, С.И. Радзиевский, Г.Т. Хорошилов, Н.И. Шеховцов, Н.В. Усенко и другие представители старшего поколения и поколения ученых-фронтовиков.

Начальники Института военной истории МО РФ (СССР) 1966—2006 гг.

Воинское звание	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень	Ученое и почетное звания	Период руководства институтом
Генерал-лейтенант	Жилин Павел Андреевич	Доктор исторических наук	Профессор, член-корреспондент АН СССР	1966-1987
Генерал-полковник	Волкогонов Дмитрий Антонович	Доктор исторических наук, доктор философских наук	Профессор, член-корреспондент РАН	1988-1991
Генерал-майор	Баженов Алексей Николаевич	Кандидат исторических наук	Старший научный сотрудник	1992-1993
Генерал-майор	Золотарев Владимир Антонович	Доктор исторических наук, доктор юридических наук	Профессор	1993-2001
Полковник*	Кольтюков Александр Аркадьевич	Кандидат военных наук	Старший научный сотрудник	2001 – по настоящее время

* С 2005 г. — полковник запаса

Характер и направленность сегодняшней работы института во многом определяется органичным сплавом фундаментальных знаний и молодого дерзновения. Ведущие специалисты института доктора наук М.А. Гареев, В.П. Зимонин, С.Я. Лавренов, С.А. Тюшкевич, О.Б. Рахманин, кандидаты наук В.В. Абатуров, В.А. Авдеев, И.И. Басик, О.А. Белослудцев, В.Н. Богданов, Н.В. Васильева, В.А. Гаврилов, В.Л. Герасимов, А.З. Давиденко, Ю.В. Ильин, В.Т. Иминов, А.С. Князьков, Н.Ф. Ковалевский, Ю.Л. Кушер, М.Г. Лешин, Р.В. Мазуркевич, П.В. Макаров, Н.И. Никифоров, М.Н. Осипова, А.А. Падерин, Б.Н. Петров, В.Ю. Русанов, Ю.Ф. Соколов, С.А. Федосеев, В.И. Фесенко, Ю.Н. Шведов, В.Н. Шевченко, Н.Я. Шепова, А.В. Шишов, В.А. Яременко формируют не только бережное, но и взыскательное отношение к результатам исследований. Фундаментальность исследований определяется совокупностью необходимых показателей.

В НАСТОЯЩЕЕ время в состав института входят четыре научных управления (Отечественной военной истории от древности до военной реформы 1920-х гг., Отечественной военной истории от военной реформы 1920-х гг. до наших дней, Зарубежной военной истории и Военно-энциклопедическое управление); четыре самостоятельных научно-исследовательских отдела (общих проблем и

методологии военной истории, координации и планирования, военной статистики, военной истории Северо-Западного региона), а также подразделения обеспечения.

Важными источниками пополнения коллектива новыми научными кадрами высшей квалификации стали докторантура и адъюнктура.

Определяющим направлением в многообразной деятельности института все эти годы были научная разработка и исследование проблем отечественной и зарубежной военной истории, подготовка фундаментальных многотомных изданий, сборников документов и учебников. При этом особое место по праву принадлежит проблематике Великой Отечественной и Второй мировой войн.

ляется объединение усилий не только сотрудников института, но и видных ученых, крупных специалистов из других учреждений. Например, к созданию Военной энциклопедии (в 8 томах) были привлечены свыше 3500 авторов более чем из 120 высших военных и гражданских учебных заведений и научно-исследовательских организаций Российской академии наук.

Не менее показателен пример с подготовкой и изданием в период с конца 1970 по 1982 год фундаментального 12-томного труда «История второй мировой войны 1939—1945». К работе над ним наряду с учеными института были привлечены известные полководцы и военачальники — участники Ве-

ОБЩИЙ тираж изданных институтом трудов составляет свыше 18 млн. экземпляров. 28 научных трудов удостоены премий, в том числе Ленинской и Государственной, дипломов, медалей. Более 100 работ переведены на иностранные языки и изданы за рубежом

Институт находится в постоянном поиске решений научных и методологических проблем, которые бы давали возможность полнее использовать исторический опыт в целях обеспечения национальных интересов современной России.

Характерной особенностью подготовки фундаментальных трудов в настоящее время яв-

ляется объединение усилий, военные теоретики, экономисты, философы, социологи, юристы, статистики и другие специалисты. Именно на тот период пришлось фактическое становление многостороннего сотрудничества коллектива института с различными научными учреждениями страны. Не случайно «История второй мировой войны 1939—1945»

была переведена на иностранные языки и издана в ряде европейских стран.

Широкое привлечение документов, ранее никогда не вводившихся в научный оборот, позволило исследователям существенно раздвинуть рамки знаний, особенно о межвоенном периоде, Великой Отечественной войне, об участии Советских Вооруженных Сил в войнах и международных конфликтах 50—80-х годов XX века и создать многие новаторские труды.

Институтом подготовлены и изданы более 30 томов сборников документов серии «Русский архив»; вышли отдельные сборники материалов о битвах под Москвой, Сталинградом, Курском и др.; о полководческой деятельности видных военачальников. Наши ученые выявили, отобрали и подготовили к публикации документы высших органов политического и военного руководства страны (Государственного комитета обороны, Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба), а также другие материалы, относящиеся к крупнейшим битвам и операциям Великой Отечественной войны. Они вошли в сборники документов: «Ставка Верховного Главнокомандования» (в 4 томах); «Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны» (в 4 томах); «Государственный Комитет Обороны» (в 3 томах); «Прелюдия Курской битвы»; «Курская битва»; «Операция «Багратион»; «Битва за Ленинград»; «Освобождение Прибалтики»; «Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны» и др.

В институте проведен комплексный анализ военных реформ в России за период с XVI по XX век включительно, сделаны выводы и сформулированы предложения о возможности использования их опыта в военном строительстве Российской Федерации.

Рассмотрены в обобщенном виде вопросы правового и воинского воспитания, формирования нравственного облика офицеров русской армии, боевые традиции,

проблемы взаимоотношений в воинских коллективах, выявлены их социальная роль и значение для войск в современных условиях.

В ряде работ определены и научно обоснованы содержание и принципы военно-воспитательной системы, направленной на укрепление воинской дисциплины, повышение боевой готовности войск.

В Институте военной истории МО РФ систематизирован и проанализирован опыт участия Вооруженных сил России (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах во второй половине XX века. Разработаны предложения и практические рекомендации по использованию боевого опыта. Соответствующие выводы востребованы в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, защиты ее интересов, сохранения целостности страны.

СЦЕЛЮ максимально полной реализации возможностей научной исследовательской работы института его сотрудники особое внимание уделяют проблемам методологии военной истории на новом этапе ее развития. Ученый совет

Советскому Союзу приходилось сталкиваться на поле брани, а также исследование военной истории стран, бывших в разное время союзниками России (СССР).

Своеобразной формой синтеза результатов развития военно-исторической науки являются энциклопедические труды. В институте разработаны и изданы 8-томная Военная энциклопедия (два издания), Военный энциклопедический словарь, также выдержавший два издания (в настоящее время подготовлен к изданию еще один вариант словаря).

Всего за время существования Института военной истории его учеными созданы свыше семисот научных трудов, из них более тридцати фундаментальных. Еще раз особо выделим 12-томную «Историю второй мировой войны 1939—1945», Военную энциклопедию в 8 томах (два издания), а также энциклопедии Гражданской и Великой Отечественной войн, труды: «Вторая мировая война. Итоги и уроки», «Вторая мировая война. Краткая история», «Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки» (в 4

В НАСТОЯЩЕЕ время все структурные подразделения Института ведут значительную работу по оперативному выполнению заданий Президента Российской Федерации, Федерального собрания, правительства, Министерства обороны, Генерального штаба и других государственных и военных органов

института неоднократно обсуждал эту проблему, что способствовало поиску новых теоретико-методологических основ для исследования военной истории, выработке многофакторного подхода к ее познанию.

В неразрывной, тесной связи и во взаимодействии с исследованиями отечественной военной истории ведется изучение военной истории зарубежных стран, в первую очередь тех, с которыми Рос-

сследованиями отечественной военной истории с древнейших времен до наших дней» (в 3 томах), «Стратегические решения и Вооруженные Силы», «История военной стратегии России», «Двухсотлетие Военного министерства. 1802—2002 гг. Очерки истории Военного министерства», «Россия и Северный Кавказ: История и современность», «Генеральный штаб Российской армии: История и современность». Подготов-

лены и изданы двухтомные труды по истории Первой мировой войны, Гражданской войны в СССР, монографии по истории Северной войны 1700—1721 гг., Отечественной войны 1812 года, русско-турецких войн XIX века, Русско-японской войны 1904—1905 гг., участию России (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах, имевших место после окончания Второй мировой войны, по истории Вооруженных Сил Советского Союза и ряда зарубежных стран и многие другие.

ОБЩИЙ тираж изданных институтом трудов составляет свыше 18 млн. экземпляров. Многие работы получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом. 30 научных трудов удостоены премий, в том числе Ленинской и Государственной, дипломов, медалей. Более 100 работ переведены на иностранные языки и изданы за рубежом. Ученые института приняли активное участие в подготовке Книг Памяти павших в Великой Отечественной и Советско-финляндской войнах, в войнах и вооруженных конфликтах XX века.

Институт военной истории был организатором свыше двухсот международных, всесоюзных, всероссийских научно-теоретических и научно-практических конференций, на которых его сотрудники выступили с многочисленными научными докладами и сообщениями.

В настоящее время все структурные подразделения Института ведут значительную работу по оперативному выполнению заданий Президента Российской Федерации, Федерального собрания, Правительства, Министерства обороны, Генерального штаба и других государственных и военных органов. Это подготовка различных справочных материалов, аналитических записок и докладов, исторических обзоров, информационное обеспечение принимаемых решений. Характер заданий требует от исполнителей глубокого и достоверного изложения материала в сжатые сроки.

Важный участок работы — ответы на письма граждан, в первую очередь ветеранов войны, и организаций, обращающихся за разъяснениями и информацией по какому-либо историческому событию или факту. Таких писем многие сотни, а для ответа на некоторые из них порою приходится проводить целое научное исследование. Несмотря на трудности, сотрудники института расценивают эту работу как свою гражданскую обязанность.

рассматривает организационные вопросы, аттестует научные кадры, утверждает темы кандидатских и докторских диссертаций и др. При обсуждении наиболее важных проблем, рассмотрении приоритетных направлений работы практикуется проведение расширенных заседаний совета, в которых участвуют видные представители других научных учреждений, организаций-заказчиков, архивов, издательств. Всего за время существования Инсти-

РОССИЙСКАЯ академия наук относит Институт военной истории к комплексу академических учреждений исторической науки и держит его в поле своего научно-методического руководства

Ученые института выступают с многочисленными лекциями и докладами, участвуют в радио- и телепередачах, читательских конференциях. Большая работа была ими проведена по разработке концепции и созданию экспозиций Центрального музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе. Особую активность проявили сотрудники в связи с празднованием 55-й и 60-й годовщин Великой Победы.

СПЕРВЫХ месяцев своего существования институт получил право экспертизы и защиты докторских и кандидатских диссертаций по проблемам военной, отечественной и всеобщей истории. В настоящее время действуют два диссертационных совета по трем научным специальностям: 07.00.02. — отечественная история; 07.00.03. — всеобщая история; 20.02.22. — военная история. Всего с 1966 года в них защищены более 150 докторских и около 500 кандидатских диссертаций.

Особо необходимо сказать об Ученом совете института. Он является важным коллективным органом выработки решений по планированию научной деятельности, определяет направленность и методологию исследований,

туда военной истории проведены свыше 350 заседаний Ученого совета, на которых рассмотрены и рекомендованы к изданию около 120 крупных трудов. По представлению совета свыше 250 ученых института рекомендованы к присвоению ученого звания старшего научного сотрудника и доцента, около 50 — звания профессора. На основании ходатайства совета восемь сотрудников присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

По аналогии с Ученым советом института для решения подобного круга научно-организационных задач созданы и функционируют научные советы управлений.

Институт военной истории обеспечивает также деятельность нештатного Координационного научного совета по военно-исторической работе в Вооруженных силах Российской Федерации, которым руководит заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник А.С. Скворцов.

Институт военной истории состоит членом ряда международных научных организаций, осуществляет плодотворные творческие связи с военно-историческими институтами многих стран, ве-

дет совместные научные исследования и обмениваются опытом работы. За время существования его посетили около пятисот зарубежных делегаций.

РОССИЙСКАЯ академия наук относит Институт военной истории к комплексу академических учреждений исторической науки и держит его в поле своего научно-методического руководства. Деятельность института неоднократно рассматривалась в Секции общественных наук президиума и Отделении истории РАН. Многие академики РАН поддерживали и поддерживают постоянную творческую связь с институтом, являясь соавторами ряда фундаментальных трудов. Среди них Е.М. Жуков, А.Г. Егоров, В.Н. Кудрявцев, А.Л. Нарочницкий, Г.В. Осипов, А.М. Румянцев, Г.Н. Севостьянов, С.Л. Тихвинский, П.Н. Федосеев, Ю.И. Поляков и др.

Работа института, объем и качество его научной продукции непосредственно зависят от возможностей материально-технической базы, вспомогательных и обеспечивающих служб и подразделений. Например, если в первые годы скудные фонды литературы и источников вынуждали вести поисковую работу за пределами института, то в настоящее время научно-информационные и источники потребности в значительной мере удовлетворяются собственным справочно-библиотечным фондом.

Всякая попытка подытожить пройденный путь — и это историкам известно лучше кого бы то ни было — хороша возможностью увидеть неиспользованные резервы, наметить «бастионы» проблем, которые еще ждут активного «приступа». Говоря о крупных и несомненных достижениях коллектива ученых, будет правильным обозначить и те направления, по которым имеется отставание.

По мере естественного снижения творческой активности военных историков старшего поколения несколько ослабло внимание к

ВЕРНОЕ понимание прошлого, извлечение из него уроков, формирование исторического сознания народа становятся особо значимыми и актуальными задачами военно-исторической науки

вопросам теории и философии истории, особенно со стороны среднего, наиболее творчески работоспособного поколения сотрудников института, для которых овладение всей современной методологической палитрой раскрывает значительные исследовательские возможности.

При наличии фундаментальных трудов, охватывающих военную историю Отечества с древнейших времен до наших дней, мало разрабатывается конкретных тем «сквозного» характера, то есть охватывающих сразу несколько исторических периодов. Между тем подобные разработки — отличительная черта мировой историографии.

От потребностей дня отстает и изучение военной истории стран ближнего зарубежья, в первую очередь бывших республик СССР.

Как никогда остро ощущается необходимость издания собственного научного журнала.

За 40 лет Институт военной истории фактически превратился в научный, методологический и организационный центр, соприкасающийся многими гранями своей деятельности со смежными областями науки, общим развитием отечественной и зарубежной теории, практической политики, актуальными задачами государственного и оборонного строительства. С 25 апреля 2005 года он является федеральным государственным учреждением.

В мае 1983 года за заслуги в области военно-исторической науки Институт военной истории был награжден орденом Красной Звезды.

Не раз институт становился центром притяжения общественного внимания, познание и суровую критику. И в том, что он выдержал испытание тем и другим, — заслуга работающих в его стенах людей, независимо от

их должностей и званий.

Непросто подводить итоги сделанного, еще сложнее отчетливо разглядеть картину будущего — ведь все это тесно переплетается с жизнью страны, состоянием ее Вооруженных сил. В настоящее время в России увеличивается общественный интерес к своей истории, корням и истокам. В этих условиях верное понимание прошлого, извлечение из него уроков, формирование исторического сознания народа становятся особо значимыми и актуальными задачами военно-исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Функции комиссии неоднократно уточнялись и дополнялись: в частности, вскоре после ее создания на нее возложили изучение опыта не только Первой мировой войны, но и Гражданской. Это приводило к частым реорганизациям комиссии. Соответственно менялось и ее название. 30 апреля 1921 г. комиссия вошла в Штаб РККА, а с 15 апреля 1923 г. находилась при Реввоенсовете СССР. 15 апреля 1924 г. комиссия была упразднена и на ее основе сформирован военно-исторический отдел Штаба РККА.

² Всего за время своего существования комиссия подготовила 39 работ по Первой мировой войне и 13 по Гражданской. Наиболее значительным трудом является «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.» в 7 частях.

³ В июле 1926 г. это управление было преобразовано в научно-уставной отдел Штаба РККА, а в феврале 1932 г. в составе последнего восстановлен военно-исторический отдел. Этим органом была проведена большая работа по изучению и обобщению опыта войн прошлого.

⁴ Это управление в августе 1949 г. вошло в состав образованного Главного военно-научного управления (с апреля 1953 г. — Военно-научное управление; ВНУ) Генерального штаба, а в мае 1953 г. переформировано во 2-й (военно-исторический) отдел ВНУ.

*Полковник запаса
А.А. КОЛЬТЮКОВ*

МОЛОДЫЕ ИСТОРИКИ-ЭРУДИТЫ ГОТОВЯТСЯ К ОФИЦЕРСКОЙ СЛУЖБЕ

ПЯТАЯ ВСЕАРМЕЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СРЕДИ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НА БАЗЕ Воронежского высшего военного авиационного инженерного училища (военного института) прошел третий, завершающий этап пятой Всеармейской олимпиады по военной истории.

Пятая Всеармейская олимпиада стала новым этапом и в обмене педагогическим опытом среди преподавателей, учебными и методическими материалами, способствующим повышению уровня преподавания в военно-учебных заведениях и развитию военной науки в целом.

В ходе двух предварительных этапов были выявлены наиболее подготовленные и эрудированные по знанию военной истории курсанты, которым было доверено отстаивать честь своих учебных заведений на заключительном этапе олимпиады.

Офицер обязан знать военную историю государства и народа, которым он служит, быть продолжателем славных боевых традиций русского и российского воинства, чтобы обучать и воспитывать на них новые поколения защитников Отечества. Помимо этого, такие олимпиады проводятся для повышения качества подготовки будущих офицеров в области знания военной истории; развития у курсантов самостоятельности, инициативы и творческого подхода к изучению учебных дисциплин; формирования государственно-патриотического сознания, верности конституционному долгу, гордости за принадлежность к Вооруженным силам и их офицерскому корпусу; пропаганды военно-исторической науки как методологической основы военно-профессиональных учебных дисциплин; обмена опытом подготовки курсантов по военной истории в военно-учебных заведениях.

В олимпиаде приняли участие более двухсот человек, представлявших 46 вузов Министерства обороны Российской Федерации. Заключительный этап олимпиады состоял из трех туров и конкурса капитанов в десяти номинациях.

В ходе состязательного первенства лучшие результаты показали команды Саратовского военного института радиационной, химической и биологической защиты (руководитель команды — полковник М.А. Маков), Воронежского высшего военного авиационного инженерного училища (военного института) (руководитель команды — подполковник А.В. Андреев), Вольского высшего военного училища тыла (руководитель команды — служащий Российской армии А.И. Марьин), которые в этом порядке и заняли три первых места. Кроме того, были определены победители и призеры в личном первенстве, в каждой номинации и по результатам капитанов команд.

Участники олимпиады выполняют задания

Авторитетное жюри за проверкой заданий

По результатам личного первенства были выявлены победители во всех номинациях. В номинации «военная техника и вооружение» первые три места заняли: Н.М. Патук — Пушкинский военный институт радиоэлектроники космических войск имени маршала авиации Е.Я. Савицкого (г. Санкт-Петербург) (С-ПВИРЭКВ), С.А. Сотников — Вольское высшее военное училище тыла (ВВВУТ), Е.О. Ченгаев (ВВВУТ). В номинации «тыловое обеспечение войск» первые три места заняли: С.А. Сотников (ВВВУТ), Е.О. Ченгаев (ВВВУТ), С.Д. Киричек (С-ПВИРЭКВ), Р.А. Пилюгин — Воронежское высшее военное авиационное инженерное училище (ВВВАИУ), А.К. Сливенко (ВВВУТ). В номинации «войны за национальную независимость и укрепление России» первые три места заняли: А.И. Кулинич — Воронежский военный институт радиоэлектроники (ВВИРЭ), А.Ю. Сычев — Военная академия войсковой противовоздушной обороны (г. Смоленск) (ВАВПВО), А.В. Лебедев — Казанское высшее артиллерийское командное училище

имени маршала артиллерии М.Н. Чистякова (КазВАКУ), А.В. Будаев — Коломенское высшее артиллерийское командное училище (КолВАКУ), Д.А. Кичатов — Саратовский военный институт радиационной химической и биологической защиты (СВИРХБЗ), А.А. Маслов (СВИРХБЗ), Д.В. Потапов (СВИРХБЗ), А.С. Ульянов — Санкт-Петербургский военно-морской институт (С-ПВМИ), С.И. Сиркели — Военная академия тыла и транспорта имени генерала армии А.В. Хрулева (г. Санкт-Петербург) (ВАТТ), В.Н. Злодеев — Тольяттинский военный технический институт (ТВТИ), С.И. Чуланов — Военно-технический университет при Федеральном агентстве специального строительства (ВТУФАСС), А.М. Горбанев — Санкт-Петербургский военный топографический институт имени генерала армии А.И. Антонова (С-ПВТИ), И.А. Тишанинов (ВВИРЭ), И.А. Лашенков — Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого (ВАРВСН), Р.И. Далада — Новочеркасское высшее военное командное училище связи имени Маршала Советского Союза В.Д. Соколовского (НВВКУС). В номинации «особенности развития Вооруженных сил в Российском государстве» первые три места заняли: Д.А. Кичатов (СВИРХБЗ), Р.А. Пилюгин (ВВВАИУ), А.В. Мандыч (СВИРХБЗ), А.А. Маслов (СВИРХБЗ), Д.В. Потапов (СВИРХБЗ). В номинации «полководцы Отечества» первые три места заняли: В.А. Смирнов Екатеринбургское высшее артиллерийское командное училище (ЕВАКУ), И.А. Тишанинов (ВВИРЭ), Ю.В. Рогожников (КолВАКУ), Р.С. Татаренцев — Ейское высшее военное авиационное училище имени дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР В.М. Комарова (ЕВВАУ), Д.А. Алешин — Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова (РВДКУ), Н.М. Патук (С-ПВИРЭКВ). В номинации «награды России и СССР за воинскую доблесть» первые три места заняли: Д.А. Юренков (ВАВПВО), Д.Н. Ухарский (КолВАКУ), Ю.В. Рогожников (КолВАКУ), О.И. Нидерквель — Костромское высшее военное командно-инженерное училище радиационной, химической и биологической защиты (КВВКИУРХБЗ), Ю.Н. Алексеев — Ярославский военный финансово-экономический институт имени генерала армии А.В. Хрулева (ЯВФЭИ). В номинации «военное искусство России и СССР» первые три места заняли: А.В. Ман-

Морской корпус Петра Великого — Санкт-Петербургский военно-морской институт занял первое место среди вузов ВМФ

дич (СВИРХБЗ), Д.А. Кичатов (СВИРХБЗ), С.В. Гончаренко (ВВВАИУ), А.А. Хатунцев (ВВВАИУ).

По результатам конкурса капитанов первые три места заняли: С.В. Гончаренко (ВВВАИУ), А.В. Долматов (ТВТИ), Е.В. Дудинов — Военный университет Министерства обороны РФ (ВУ), Н.М. Патук (С-ПВИРЭКВ).

По результатам личного первенства в олимпиаде первые три места заняли: С.В. Гончаренко (ВВВАИУ), Н.М. Патук (С-ПВИРЭКВ), Д.А. Кичатов (СВИРХБЗ). Итоги подведены на основании анализа автоматизированной обработки результатов олимпиады.

Победители и призеры в командном и личном первенстве по каждой номинации и в целом по итогам олимпиады были награждены призами, дипломами и грамотами.

Большое внимание организаторы уделили и досугу участников: был дан концерт творческого коллектива художественной самодеятельности училища, демонстрировались кинофильмы, состоялась экскурсия по памятным местам Воронежа. Особое внимание было уделено ознакомлению с организацией жизнедеятельности Воронежского ВВАИУ, немало интересного о его истории участники узнали в музее училища. В память об интересных днях олимпиады каждая команда получила в подарок видеофильм, наборы фотографий и сувениры. Олимпиада стала не только действенной формой военно-исторической работы, но и школой углубления военно-исторических знаний, мощным средством укрепления дружбы и товарищеских отношений между молодыми представителями различных видов Вооруженных сил и родов войск — будущими офицерами, воспитателями подчиненных.

Выступивший на церемонии закрытия олимпиады начальник 5-го управления — заместитель начальника Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации генерал-лейтенант О.Е. Смирнов отметил возросший уровень знаний курсантов и высокую степень организации олимпиады. Он также нацелил будущих офицеров и преподавательский состав на дальнейшее углубленное изучение военной истории, особо подчеркнув, что молодой человек, не знающий героического прошлого своего Отечества, едва ли станет настоящим патриотом и офицером.

Результаты олимпиады оперативно отражены в фотогазете

Подполковник С.Н. МОНИН

«СНИЛАСЬ... СТРАНА МАРШИРУЮЩИХ ПО БРУСЧАТКЕ ЭСЭСОВЦЕВ»

О службе в Группе советских войск в Германии в 1966—1972 гг.

ВСЕ едущие в Группу советских войск в Германии (ГСВГ) сначала попадают на пересыльный пункт во Франкфурте-на-Одере. Туда наш поезд прибыл ближе к вечеру, и всех нас, а это человек 20 офицеров, разместили на ночь в гостинице.

Спалось мне, очутившемуся впервые на чужой земле и вдали от дома, тревожно. Снилось всю ночь страна марширующих по брусчатке эсэсовцев в черной форме со свастикой.

Утром, напившись чаю в местном буфете, мы отправились в штаб оформляться.

— Вам в Вюнсдорф, в штаб группы, — сказал мне майор-кадровик, — протягивая предписание. — Дальше поедете самостоятельно поездом до станции Вюнсдорф. Не забудьте получить деньги в кассе.

Впервые взяв в руки иностранные купюры, я долго соображал, что можно купить в полученные мною двести марок.

— Это большие деньги, — предупредили меня. — Их должно хватить на питание и мелкие расходы до первой полочки.

До поезда оставалось еще часа четыре свободного времени, и я решил прогуляться по городу.

Неспешно двигаясь вдоль улиц, я с любопытством всматривался во все окружающее и впитывал даже мельчайшие детали. Вот трехэтажный дом старинной постройки. На уровне второго этажа в нише фигура воина в два человеческих роста. Воин с мечом и со щитом, фигура его напряжена, выражение лица воинственное, суровый взгляд обращен на восток.

Но сколько можно ходить войной на восток? Это уже не необходимость, не стечение обстоятельств и не прихоть фюрера, а просто какой-то на-

циональный синдром. Как следствие — наказание истории: на востоке они искали «жизненное пространство», а получили у себя невозможную тесноту в лице чужих оккупационных армий — американской, английской, французской и, разумеется, советской.

На станцию Вюнсдорф поезд пришел вечером. И — снова гостиница. В четырехместном номере, куда меня определили, уже обитал мой будущий сослуживец — полноватый, с залысинами и округлым лицом майор Николай Афанасьевич Опалев. Прибыл он в управление вооружения, в отдел боеприпасов, как и я, тоже по замене. Правда, мы оказались из разных мест: он — из Львова, я — из Киева.

Мы проговорили с ним до глубокой ночи, а утром отправились в штаб. По пути к бюро пропусков я с любопытством осматривался по сторонам. Раньше здесь стояли танкисты Гудериана, и для них было построено все: штаб, казармы, танковые боксы, танковый ремонтный завод, жилые здания для офицерского состава, поликлиника, дом офицеров и прочее. Теперь в бывшем вермахтовском штабе, называемом «Белым домом», находились главнокомандующий ГСВГ, его заместители, работники оперативного управления и узла связи, оперативный дежурный. Остальные управления, в том числе и наше, т.е. ракетно-артиллерийского вооружения (РАВ), а также различные службы и отделы разместились по соседству в семи бывших типовых трехэтажных казармах, образующих большой прямо-угольник.

Войдя в одно из зданий, мы сразу же, на первом этаже, попали в приемную своего старшего начальника. Дежурный офицер направил нас на третий этаж, в 6-й отдел.

В просторной, в два окна, общей комнате стояли четыре стола, за которыми сидели три офицера и служащая Советской армии. Лишь только мы с Опалевым представились и доложили, что прибыли по замене, как сидевшие за крайними столами два майора вскочили и подбежали к нам. Именно у них нам предстояло принять дела. Третьим оказался старший офицер отдела Юрий Леонидович Индже — смугловатый, с аккуратными усиками на худощавом лице подполковник.

После этого мы пошли в соседнюю комнату представляться начальнику отдела боеприпасов Борису Макеевичу Барковскому, рыжеволосому хмуроватому полковнику. С ним находился еще и подполковник. Взгляд его голубых глаз был преисполнен приветливости, как и доброжелательный голос.

— Грибанов Иван Михайлович, — назвал он себя, здороваясь с нами.

Забегая вперед, скажу, что Иван Михайлович без преувеличения стал моим наставником, относившимся ко мне по-отечески, щедро делившимся богатым опытом службы. Даже самые трудные задания он давал мягко, без нажима, за ошибки и недочеты никогда не респекал. Он как-то сразу взял меня, молодого капитана, под свое крыло, а я в ответ охотно и добросовестно выполнял все его поручения. Подполковник Грибанов нес двойную нагрузку: был старшим офицером и всегда замещал начальника отдела.

Даже теперь, много лет спустя, когда я пишу эти строки, светлый образ Ивана Михайловича не стерся в моей памяти, а подаренная им хрустальная ваза всегда стоит на моем столе.

Когда мы с Опалевым вернулись в общую комнату, майор Быков, которого я должен был

менять, поторопился «ненадолго», по его словам, отлучиться.

— Теперь он не появится до самого вечера, — засмеялся подполковник Индже. — Впрочем, его можно понять. На передачу дел и на сборы отводится всего одна неделя, но ведь и личных забот при этом — уйма: сколотить ящики, упаковаться, заказать контейнер, загрузиться, сдать квартиру, рассчитать и т.д. и т.п. Так что входите в курс дела постепенно сами. Участок у вас несложный: учебные боеприпасы, литература, контроль выполнения предписаний пожарной инспекции на наших складах, учет элементов боеприпасов, оставшихся от физико-химических испытаний, стреляные гильзы и укупорка.

Я обратил внимание, что стол у Юрия Леонидовича не был завален обычными для меня и других вооруженцев заявками, телефонные звонки его не тревожили, и выразил по этому поводу свое удивление.

— Вы попали в самую точку, — улыбнулся Индже. — Не скрою, были тут и вороха заявок, и непрерывные звонки. Чтобы избавиться от всего этого, мне пришлось немало потрудиться, а точнее, организовать дело так, чтобы работали как следует и другие. Например, обеспечение патронами мелких частей группового подчинения, а их около 500, я переложил на групповые склады. Не сразу удалось сгруппировать эти части и привязать их к близлежащим складам, ввиду их многочисленности, потом составить и разослать по разным пунктам соответствующие разрядки на выдачу боеприпасов. Зато теперь без лишней нервозности и головной боли склады высылают частям извещения на получение боеприпасов в полторном размере лимита, а мне остается только контролировать выполнение разрядки.

Что касается армий, то, по словам Индже, посвящавшего меня в «вюнсдорфские тонкости», тут разговор другой. Здесь, в группе, их пять, причем каждая из них по составу войск больше иного внутреннего округа, и обеспечить ту или иную полностью не всегда удается. Отсюда и звонки, и телеграммы, и беготня...

— А как у вас с оперативным учетом? — спросил я.

— А так, как везде, — как без рук, — отшутился Юрий Леонидович, доставая огромную книгу-«развертайку» в твердом переплете. В растянутом виде она заняла собой весь стол, радуя глаз истинного вооруженца: бумага высочайшего качества, листы разлинеены крупной клеткой.

Но более важным в ней было то, что сверху по всему развороту книги шла номенклатура боеприпасов и собственно сам оперативный учет: лимит расхода текущего года, остаток боеприпасов на 1 января, номера нарядов на их выдачу. По торцу — вырезаны клапаны с номерами полевых почт.

— Сверху полевые почты армий, — пояснил Юрий Леонидович, показывая на выкрашенные в красный цвет клапаны. — А это полевые почты наших групповых складов боеприпасов. Абоненты, с которыми мы постоянно имеем дело.

КОГДА стреляные гильзы попадали на переплавку, в мартенах начинались взрывы

— А где же дивизии? — удивленно спросил я, вспомнив, что в Киевском военном округе мы имели дело именно с дивизиями, а армии вообще не касались. Я даже не представлял, чем занимаются вооруженцы в армиях внутренних округов.

— Здесь армии снабженческие, — пояснил Юрий Леонидович, — поэтому во избежание путаницы и недоразумений наряды нужно выписывать только армиям. Кстати, еще несколько слов о нарядах. Процедуру их выписки мы упростили, присваивая каждому из них «фирменный» номер.

— Но ведь существует книга регистрации нарядов, — заметил я, вспомнив порядок, установленный в Киеве.

— «Не держись устава, как слепой стены», говорил еще Петр Великий. Мы отбросили лишнее и упростили канцелярию. Придерживались главного в оперативном учете — это не откладывали на «потом» проводки. Они же довольно-таки элементарные: наряд в армию

— плюс, со склада — минус; проводки в нарядах отмечаем галочками. Конечно, эта работа занимает время, но зато в любой момент я могу доложить обеспеченность войск и наличие боеприпасов на складах.

Слушая подполковника Индже, я с завистью смотрел и на образцовую «канцелярию», и на каллиграфический почерк Юрия Леонидовича. Было очевидно, что он работает четко, оперативно, грамотно и инициативно. Да, мне было с кого брать пример.

К концу рабочего дня, как и предполагал Индже, в отделе появился майор Быков, пригласивший посмотреть, где он живет, а точнее, где буду жить я после его отъезда.

На следующий день мы с Опалевым с утра пораньше, в парадных мундирах пришли на службу, чтобы представиться начальнику управления РАВ ГСВГ полковнику Виталию Ивановичу Величко. Между тем в отделе меня дождался нетер-

пеливый майор Быков с двумя большими чемоданами, плотно набитыми документами.

— Принимай дела, — заявил он, суетливо поздоровавшись.

В одном из чемоданов лежали три больших книги оперативного учета, точно такие же, что я видел вчера у подполковника Индже.

— Начнем с учебных боеприпасов, — сказал Быков и развернул книгу.

Сверху по развороту я увидел номенклатуру учебных боеприпасов, а по торцу книги вырезанные клапаны с уже знакомыми мне номерами полевых почт армий и складов.

Остальные книги были оформлены аналогичным образом и отличались только номенклатурой.

— Какие вопросы? — спросил Быков, когда мы перебрали все бумаги.

Как правило, сдающему должность кажется все просто и ясно, в то время как у принимающего накапливаются различные нюансы.

ПОД ХРАНИЛИЩА с боезапасом приспособили бывшие конюшни, наверное, еще кавалерийских частей кайзера Вильгельма II

— Все ясно, — ответил я, решив, что со всем не до конца понятным разберусь в процессе работы.

Забегая вперед, скажу, что этих самых нюансов оказалось немало. Например, была неполной обеспеченность учебными боеприпасами, то и дело встречалась путаница в учете элементов боеприпасов, оставшихся от физико-химических испытаний (ФХИ), отправка стреляных гильз и укупорки на базы центра, т.е. в Союз, сопровождалась всякий раз скандалом. Дело в том, что пока и то, и другое свозилось со всей группы железнодорожным транспортом в порт Росток, чтобы следовать дальше морем, все шло хорошо, но когда стреляные гильзы попадали на переплавку, в мартенах начинались взрывы. Это объяснялось тем, что вместе с укупоркой и стреляными гильзами отгружались и различные взрывоопасные предметы — патроны, гранаты, пучки пороха и даже снаряды, которые, как говорится, по закону подлости, а точнее, по чьему-то недосмотру, попадали туда, куда не следовало им попадать. Из центра по каждому такому случаю в наш адрес шли грозные бумаги и предупреждения, трансформируемые уже нами в не менее грозные директивы и приказы войскам за подписями и начальника управления, и самого главкома. А взрывы продолжались.

— Дело дохлое, — сказал подполковник Грибанов, когда я подошел к нему с очередным актом и грозной резолюцией начальника посоветоваться по поводу того, чтобы посетить порт. — Я был в порту, специально ездил по этому вопросу. Когда корабль стоит под загрузкой, там не до проверок. Стреляные гильзы и укупорку к отправке нужно тщательно готовить в войсках. Мы написали по этому поводу не одну бумагу, ужесточив графики и порядок работ до предела: гильзы

при их сдаче на склад, чтобы исключить попадание патронов с осечками, предписывалось надевать на гвоздики, вбитые в специальные дощечки; в каждый ящик надлежало вкладывать ярлык с номером полевой почты отправителя; были строго наказаны несколько нерадивых начальников РАВ дивизий. Но эксцессы, то есть отправки взрывоопасных предметов, как видишь, продолжают. Что тут посоветовать? Пищи еще одну бумагу...

Я подготовил проект очередной директивы, но сначала решил изучить проблему «снизу». Стреляет рота или батарея. Начальник пункта боепитания, как правило, старшина подразделения, боеприпасы получает на артиллерийском складе и должен после стрельб отчитаться за каждую стреляную гильзу, за каждый патрон с осечкой, неизрасходованные же патроны сдать обратно на склад.

Но что делает начальник того же склада, к примеру, с патронами с осечкой? Он собирает их в отдельный ящик и отправляет по инстанции — в дивизию, куда они стекаются из всех частей и со временем накапливаются в значительном количестве.

У артиллеристов свои проблемы — после стрельб у них остаются пучки пороха при составлении уменьшенных зарядов.

ТОЛЬКО танковые боксы хранят память о былых завоевательских амбициях гитлеровской Германии.

У танкистов может случиться распатронирование унитарного выстрела... Все это понятно. Но начальнику артсклада дивизии куда девать при всем при этом взрывоопасные предметы, если согласно Руководству службы «опасный скарб» запрещается закапывать в землю или бросать в водоемы? «Действительно, куда?» — спрашивает он себя и... складывает

«сокровища» в отдельные ящики, которые при погрузке случайно, а точнее, как было сказано, по недосмотру, попадают сначала в вагон, потом в трюм корабля, потом в мартен...

Если бы учредить на одном из групповых складов, к примеру, в Топхине, рассуждал я, пункт по уничтожению взрывоопасных предметов — это было бы решением проблемы. Только почему до меня этого никто не делал?..

Уж на что учет элементов боеприпасов, оставшихся от ФХИ, не представлявший в отличие от предыдущей неразберихи большой сложности, и тот нет-нет да и приводил к путанице. Даже в работе надежнейшего группового склада, находившегося в Топхине и названного нами «придворным», происходили сбои. Особенно это касалось функционировавшей при нем центральной лаборатории по испытанию порохов. Хотя она и имела соответствующее оборудование, хотя ее и возглавлял опытнейший специалист подполковник Тихомиров, хотя она и была укомплектована высокопрофессиональными «боеприпасниками» майорами Корочкиным, Позняковым, Кожиным и капитаном Фроловым, нашему отделу от этой лаборатории при большой ее полезности все же наносился некоторый вред, поскольку, занимаясь круглый год испытанием отобранных образцов, она изводила значительное количество боеприпасов. Ведь образец — это небольшое количество пороха, изъятая из гильзы, после чего остатки пороха в гильзе, сама она, да и

весь снаряд теперь уже считались не боеприпасом, а его элементами, подлежащими отправке в центр. Но ни там, ни в нашем управлении не любили подобную катавасию, стараясь поскорее избавиться от обременительных элементов. Центральные же арсеналы зачастую сразу делали доукомплектовку и принимали наши элементы в качестве целых выстрелов — отсюда и путаница в учете.

Между тем неделя, отведенная Быкову на сборы, истекла. После того как он освободил квартиру, я переселился в нее из гостиницы. В тот же день получил вводную.

— Завтра поедете в артиллерийскую дивизию, — уведомил меня начальник отдела.

— Уточните в четвертом отделе время выезда.

Начальник 4-го отдела полковник Доржин Миронович Битаев, коренной бурят из Улан-Удэ, сообщил, что выезд с «бетонки» в семь утра. «Бетонка» — это стоянка машин возле бюро пропусков (в командировки в группе ездят только на машинах). Оказалось, что ехать мне предстояло вместе со старшим офицером 4-го отдела подполковником Дуплинским. Мы сели в газик и поехали в Потсдам.

К девяти утра мы уже были в расположении артиллерийской дивизии, вернее сказать, в одной ее половине, поскольку вторая стояла на юге, в Карлмаркштадте. Встретил нас начальник артиллерийского вооружения дивизии подполковник Кузменко, и вскоре мы начали осматривать его хозяйства.

Артиллерийские устаночки содержались в специальных хранилищах, и я, оказавшись в первом из них, полной грудью вдохнул родную для вооруженца головокружительную смесь из запахов пушмазки, металла, резины, краски и еще чего-то специфического. Огромные туши орудий теснились в мрачном безмолвии, стволы под одним и тем же углом — это были, можно сказать, мои родные пушки МЛ-20, гаубицы М-47 и 130-мм пушки. Вот они-то и ведут артподготовку, пожирая огромное количество снарядов, а нашему отделу нужно бесперебойно обеспечивать этих ненасытных гигантов боеприпасами.

Недалеко, выгороженные высоким забором, располагались в несколько рядов хранилища, внутри которых стояли плотно загруженные снарядами мощные «Уралы» в сцепке с пятитонными немецкими прицепами Е-5. Под хранилища с боезапасом приспособили бывшие конюшни, наверное, еще кавалерийских частей кайзера Вильгельма II. Чтобы втиснуть сюда автопоезда, пришлось срубить монолитные кормушки для лошадей, прицементированные к задней стенке.

Я долго осматривал эти автопоезда: хранение боеприпасов в машинах, с заправленными под самые пробки бензобаками, мне было в новинку. Весьма очевидно, что проигрыш в соблюдении противопожарной безопасности при таком способе хранения с лихвой окупался несомненным выигрышем во времени и в целом — в боеготовности. Впрочем, как я узнал впоследствии, повсеместное содержание боеприпасов таким способом в войсках ГСВГ осуществлялось, можно сказать, явочным порядком — руководящих документов центра на этот счет не было.

В расходовании боеприпасов тоже своя тактика. Вот эти, возимые, дивизия сможет использовать в последнюю очередь, при бое в глубине, а то, что может пойти на артподготовку и другие задачи, мы должны подвозить фронтным транспортом, выкладывая снаряды на грунт, прямо на огневых позициях. Выложить — ни больше, ни меньше, чтобы и хватило, и лишнее не осталось. Эту непростую науку мне предстояло постигнуть позже в ходе фронтных командно-штабных учений.

Тем временем на стационарном складе боеприпасов был развернут лабораторный пункт, вслед за чем начались работы по приведению снарядов в окончательный снаряженный вид. Здесь я провел целый день, а вечером мы с Дуплинским отправились обратно в Вюнсдорф.

— Много недостатков накопал? — спросил он меня по дороге.

Я пожал плечами: недостатков, признаться, мне по неопытности обнаружить удалось немного. Но как это ни парадоксально, своему начальнику я должен «привезти» именно недостатки.

Вообще-то было острое желание поразмыслить с ним, начальником, об ином. Вот, скажем, зашел я не так давно на продсклад, который находился во втором городке и занимал несколько бывших немецких танковых боксов. Попутно стал рассматривать эти самые боксы, особенно ворота. Уж очень они мне приглянулись, резко отличаясь от наших, часто виденных. Во-первых, каждая по-

ловинка ворот разделена пополам, поэтому они складываются гармошкой; во-вторых, подвешенные роликовыми зацепами за верхнюю металлическую балку, легко катаются по ней, ровно, без всяких перекосов, плотно закрывая вход.

Я подвигал туда-сюда обе половинки — работают безотказно, просто красота, хотя стоят без всякого присмотра уже столько времени.

Внизу они, половинки ворот, в открытом положении стопорились простым, но надежным фиксатором с противовесом. Такие же фиксаторы применяются и у нас, но здесь они зацементированы в межворотные тумбы. Сверху на тумбе квадратный лючок, закрытый металлической крышкой с ручкой. Я открыл лючок и увидел внутри три крана — для подачи сжатого воздуха, холодной и горячей воды. Что ж, неплохо тут жили танкисты вермахта! Хотя все эти сверхудобства не помогли им одолеть наших.

И тут же мне вспомнились ворота в боксах ракетной бригады в Кировограде: огромные и тяжелые, с большой парусностью, они висели на крюках, то и дело выдирая эти крючья из опорных кирпичных столбов, вечно перекашиваясь и требуя починки. Неужели нашим строителям не под силу соорудить нечто лучшее без примитивных оскоминных недостатков?

Затем я зашел внутрь бокса. Там еще полностью сохранилась система воздухоотвода выхлопных газов танковых двигателей, а на стенах нарисованы контуры стоявших здесь раньше бронированных машин с указанием точки смазки. Здесь стояли танки Т-III.

Так вот где было их логово! Может быть, здесь размещалась любимица Гудериана — 4-я танковая дивизия? Вот отсюда, возможно, она двинулась на восток и 3 октября 1941 года вошла в мой Орел? Но где же она теперь? Где бывший командир 4-й танковой дивизии барон фон Лангерман? Пусто, ничего нет. Только танковые боксы хранят память о былых завоевательских амбициях гитлеровской Германии.

*Полковник в отставке
А. П. ПАВЛОВ*

ТУРЕЦКИЙ КУРДИСТАН: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ, НЕ ВЫЯВИВШЕЙ ПОБЕДИТЕЛЯ

Повстанческим движением в Турецком Курдистане более двух десятилетий руководила Рабочая партия Курдистана (РПК), созданная во второй половине 70-х годов XX века. Наибольшее влияние на характер и особенности вооруженной борьбы в Турецком Курдистане оказали два основных фактора. Первый — сложный горный рельеф, суровый климат и наличие лесов, что представляет собой благоприятные условия для развертывания повстанческого движения, затрудняет, а порой и исключает возможность применения тяжелой боевой техники и авиации правительственными войсками, уравнивая возможности сторон, вынужденных использовать главным образом только легкое стрелковое вооружение. Второй — пограничное положение Курдистана на стыке нескольких государств (Турция, Сирия, Ирак, Иран), что позволило курдским повстанцам без труда переходить плохо охраняемые государственные границы, спасаясь от преследования.

П ОСЛЕ 1980 ГОДА руководство РПК покинуло страну и создало несколько лагерей по подготовке боевиков в Сирии и Ливане. В 1982 году партии удалось забросить на территорию Турции разведгруппы для сбора информации о силах безопасности и лицах, шедших на сотрудничество с властями. После возвращения в Турцию в 1984 году РПК вновь прибегла к вооруженному насилию, причем перечень объектов, против которых оно было направлено, значительно расширился. Конечной целью возобновившейся вооруженной борьбы декларировалось создание независимого курдского государства. Решение военных вопросов возлагалось на специальный орган — Освободительные части Курдистана. На III съезде РПК (октябрь 1986 г.) в Дамаске (Сирия) этот орган был распущен и вместо него образована Народно-освободительная армия Курдистана (НОАК). Ее основной задачей было развертывание вооруженной борьбы и создание условий

для установления в Турецком Курдистане, в первую очередь в сельских районах, власти РПК. Задачи партии в целом и ее военного компонента в частности конкретизированы в трех инструкциях (общее название — «Сельское собрание»), обнародованных весной 1987 года. Их содержание сводилось к следующим основным установкам: ликвидировать турецкие военные и политические структуры; устанавливать на селе революционную власть; набирать в деревнях членов вооруженных формирований; защищать лояльные РПК деревни¹.

На IV съезде партии (1990 г.) территорию, на которой действовали отряды НОАК, разделили на девять округов: Ботан, Загрос, Амед (Диярбакыр), Гарзан, Дерсим, Гюнейбаты, Рихар, Эрзурум и Серхад². Округа были «нарезаны» без учета государственной границы и охватывали часть территории северного Ирака, рассматривавшегося партией как один из районов действий отрядов НОАК³.

Роль внешнего крыла, действовавшего за границей и выполнявшего по отношению к НОАК функции боевого и тылового обеспечения (финансирование, материально-техническое обеспечение, комплектование и подготовка кадров, ведение разведки и т.д.) взял на себя Фронт национального освобождения Курдистана (ФНОК), образованный 21 марта 1985 года. Его активная деятельность, однако, началась лишь в 1989 году, когда европейские страны согласились не препятствовать ей на своих территориях. Первый съезд ФНОК состоялся в июне того же года в Германии. На нем были приняты важные решения по дальнейшей активизации вооруженной борьбы, в том числе конкретизированы и утверждены задачи Фронта. Главные из них были детализированы в сотнях инструкций и, что касается деятельности, направленной против турецкого государства, сводились к следующим основным направлениям: подбор кандидатов в члены вооруженных формирований; организация их боевой подготовки; направление отрядов на турецкую территорию; тыловое обеспечение деятельности вооруженных формирований; координация деятельности между структурными подразделениями в Европе и базами РПК в Сирии, Ливане, Ираке и Иране; организация взаимодействия с другими группами вооруженной оппозиции; поддержание контактов с содержащимися в тюрьмах боевиками.

В АЖНЫМ этапом, связанным с организацией и ведением вооруженной борьбы, стала Вторая конференция РПК (май 1990 г.), на которой были рассмотрены вопросы деятельности НОАК и ФНОК, организации народных комитетов на местах на 1990-е годы. Назывались следующие военные задачи партии: вести войну на истощение и ограничить деятельность вооруженных сил Турции равнинной территорией; непрерывно вести беспокоящие действия против противника и держать его в напряжении, постоянно проводить военные акции, устраивать

ПО ДАННЫМ, обнародованным Британской национальной службой криминальной разведки, только в Великобритании в течение 1993 года Рабочая партия Курдистана изъяла у иммигрантов 2,5 млн. фунтов стерлингов, а доходы партии от транспортировки наркотиков в том же году составили 56 млн. немецких марок

засады; локализовать районы действий правительственных войск; парализовать все органы, которые обеспечивают ведение войны противником; проявлять беспощадность по отношению к агентам-согласителям, феодально-компрадорским элементам и представителям других враждебных сил; нейтрализовать и ликвидировать систему «сельских стражей», уничтожать тех, кто не желает от нее отказываться; подвергать наказанию тех, кто участвует в подавлении народных выступлений, протестов, демонстраций, и тех, кто замешан в организации других враждебных акций; создавать новые военные базы с целью продолжения повстанческого движения; подрывать моральный дух военнослужащих правительственных сил; минировать и разрушать автомагистрали, мосты, железные дороги и другие объекты; нейтрализовать силы противника в стратегически важных сельских районах; готовиться к всеобщему восстанию, которое охватит всю страну⁴.

Начиная с 1990 года открылись «курдские информационные центры» в Западной Европе и Америке. Помимо ведения пропагандистской работы на них возлагалась задача по сбору денежных средств, который осуществлялся как легальными методами, так и нелегальными, зачастую с использованием подконтрольных криминальных структур.

По данным, обнародованным Британской национальной службой криминальной разведки, только в Великобритании в течение 1993 года Рабочая партия Курдистана изъяла у иммигрантов 2,5 млн. фунтов стерлингов, а доходы партии от транспортировки наркотиков в том же году составили 56 млн. немецких марок. В 1995 году издающаяся в Германии газета «Кельниш Рундшау» утверждала, что представители РПК установили тесные контакты с действующим в Америке Медельинским наркокартелем⁵.

Одним из важных источников поступления средств для ведения вооруженной борьбы отряда-

ми РПК в Турции была помощь Ирака, Ирана и Сирии, принявшей в 1980 году избежавших репрессий руководителей партии и оказавшей им содействие в организации лагерей по подготовке боевиков на своей территории и в долине Бекаа в Ливане. Лишь в сентябре 2000 года между Турцией и Сирией была достигнута договоренность о том, что последняя прекратит оказывать поддержку РПК.

Вооруженное насилие со стороны РПК было направлено против силовых структур (вооруженных сил, жандармерии, полиции, спецслужб), органов государственного управления на местах, экономических объектов, элементов инфраструктуры (транспорт, связь, ирригационные системы) и «коллорабационистов». В отдельные периоды вооруженное насилие переносилось и за пределы Турции. В 1993 году и весной 1995-го РПК организовала и провела террористические акты против турецких дипломатов и коммерческих представительств в ряде городов Западной Европы.

В МАРТЕ 1987 года руководство Рабочей партии Курдистана признало необходимым проводить рейды вооруженных формирований против отдельных вышедших из орбиты партийного влияния деревень и сжигать их

О начале кампании против турецкой индустрии туризма РПК объявила в июне 1993 года. Боевики РПК взрывали туристические центры, отели и рестораны в курортных городах, совершали акты террора против иностранных туристов⁶.

РПК широко использовала силовые методы для распространения своего влияния в сельской зоне и обеспечения лояльности населения деревень. В марте 1987 года руководство Рабочей партии Курдистана признало необходимым проводить рейды

вооруженных формирований против отдельных вышедших из орбиты партийного влияния деревень и сжигать их. Нападения продолжались вплоть до начала 1990 года, когда лидер РПК А. Оджалан был вынужден отмежеваться от подобных форм вооруженных акций, так как жестокость рейдов не способствовала популярности РПК и создавала неблагоприятную репутацию НОАК⁷.

ОБЪЕКТАМИ насилия со стороны РПК были школы, которые, по убеждению партийного руководства, использовались властями, как и вся система образования, для ассимиляции курдов. С августа 1984 по ноябрь 1994 года были убиты 128 учителей, к смерти 80 проц. из них были причастны члены РПК. В восточных и юго-восточных районах Турции из-за общей нестабильности и отсутствия гарантий безопасности с 1992 по 1994 год, согласно правительственным данным, были закрыты 5210 школ, включая 192 школы, сожженные боевиками РПК. Партия стремилась полностью остановить образовательный процесс до тех пор, пока не будет разрешено преподавание на курдском языке. В целях давления на учителей в начале 1994/95 учебного года РПК заявила, что преподавательской деятельностью могут заниматься только те из них, которые получили на это ее разрешение. Серьезность заявления подкрепило убийство шести учителей в вилаете Тунджели и еще четырех в Эрзуруме⁸.

РПК использовала формы и способы партизанской войны:

нападения на военные гарнизоны, захваты и удержания населенных пунктов, рейдовые действия, засады, диверсии и саботаж.

Боевые действия курды вели группами численностью 10—30 человек. Для проведения отдельных акций создавались отряды по 200—300 бойцов. Лишь в первой половине 1995 года, в период ожесточенных боев с правительственными войсками, была сделана неудачная попытка приступить к созданию крупных партизанских формирований (несколько тысяч человек). Если мелкими

ОБЪЕКТАМИ насилия со стороны РПК были школы, которые, по убеждению партийного руководства, использовались властями, как и вся система образования, для ассимиляции курдов. С августа 1984 по ноябрь 1994 года были убиты 128 учителей, к смерти 80 проц. из них были причастны члены РПК

группами и отрядами курдские повстанцы действовали довольно успешно, то при попытках захвата крупных населенных пунктов они часто терпели неудачи.

Рядовые бойцы и младшие командиры отрядов НОАК были прекрасно подготовлены физически и имели высокий моральный дух, убежденность в правоте своего дела и, несмотря на отсутствие воинских званий, готовность беспрекословно исполнять указания руководства. В основе гуманитарной подготовки бойцов НОАК в лагерях за пределами Турции лежали не религиозные нормы ислама, а такие светские дисциплины, как история революции, история Курдистана и теория научного социализма⁹.

Что же касается руководителей среднего и высшего звена органов РПК на местах и командиров крупных формирований НОАК, то среди них отмечались тенденции скатывания к анархии, выходу из-под контроля центральных органов партии, склонность к неоправданной самостоятельности в принятии решений и фракционизму.

В борьбе против РПК власти Турции широко использовали административно-полицейские меры и правовое регулирование. В мае 1983 года был принят закон о национальном поселении, согласно которому власти получили право в интересах национальной безопасности переселять граждан из одной части страны в другую. Закон был использован в Турецком Курдистане по двум основным направлениям. Первое — создание «зон безопасности» шириной от 10 до 20 км вдоль границы с Сирией, Ираком и Ираном. Второе — переселение курдских семей, целых деревень и племен из районов, находящихся под влиянием РПК, в центральную и западную части Турции.

Весной 1985 года в связи с трудностями в обеспечении безопасности сельских районов в горах востока и юго-востока Турции была введена система «сельских стражей». Главной ее целью декларировалось создание возможностей для самообороны дере-

вень при нападениях боевиков РПК. В середине 1990-х годов численность «сельских стражей» достигла 60 тыс. человек.

В 1987 году правительство приняло имевшее силу закона постановление о создании Губернаторства региона чрезвычайного положения, в состав которого вошли восемь вилайетов в Восточной Анатолии. На устранение угрозы внутренней безопасности, в качестве которой расценивалась главным образом деятельность РПК, был направлен также принятый в 1991 году антитеррористический закон.

ДЛЯ БОРЬБЫ с возглавленным РПК повстанческим движением правительство сосредоточило группировку войск (более четверти вооруженных сил страны), основу которой составляли соединения и части 2-й и 3-й полевых армий; их авиационная поддержка возлагалась на 2-е тактическое авиационное командование ВВС. Самостоятельно и во взаимодействии с армейскими частями боевые действия против курдских повстанцев вели жандармские войска (пограничные, стационарные и специального назначения). Наибольшего успеха добивались части и подразделения командос армии и жандарм-

брошены около 30 тыс. военнослужащих, включая специально обученных командос. В зону объявленных боевых действий вошли территории вилайетов Бингель, Диарбакыр, Тунджели, Хаккяри и Ширнах. Численность боевиков в этих вилайетах оценивалась правительством в 500 человек. Одновременно войска выдвинулись к иракской границе в готовности сражаться против отрядов РПК на территории Северного Ирака¹⁰.

Самой крупной за все годы борьбы против курдского движения стала войсковая операция «Мурат», продолжавшаяся с 24 апреля по 16 мая 1998 года в вилайетах Бигель, Муш, Битлис и Диарбакыр на общей площади 16 тыс. квадратных километров. В ней от вооруженных сил приняла участие 40-тысячная группировка войск 3-й полевой армии при поддержке истребительно-бомбардировочной авиации 2-го тактического авиационного командования и вертолетов огневой поддержки. Проведением операции руководил командующий 3-й полевой армией генерал Нахит Шеногул. Было изъято большое количество оружия и боеприпасов. По данным генерального штаба вооруженных сил Турции, в ходе боев 99 боевиков были убиты, 23 ранены и захвачены в плен, погибли 10 турецких военнослужащих и 13 были ранены¹¹.

Войска участвовали также в насильственной эвакуации сельских жителей в центральные районы Анатолии и разрушении деревень в целях создания «зон безопасности». В задачи жандармских войск входило сопровождение колонн в ходе марша, охрана государственных учреждений, хозяйственных объектов и собственных гарнизонов.

ТУРЦИЯ не раз обращалась к Ираку, Ирану и Сирии с предложениями разрешить турецким войскам переходить границу для преследования и уничтожения курдских повстанцев

ских войск, специально подготовленные для ведения боевых действий против нерегулярных формирований в труднопроходимой горной местности.

Особенно широкий размах боевые действия против вооруженных формирований РПК приняли во второй половине 1990-х годов. Крупная войсковая операция была подготовлена и проведена весной 1996 года. В юго-восточные районы страны были пере-

Курдская проблема и теперь время от времени заставляла если не координировать подходы к ней, то по крайней мере искать совместные пути ее решения на межгосударственном уровне. Турция не раз обращалась к Ираку, Ирану и Сирии с предложениями разрешить турецким войскам переходить границу для преследования и уничтожения курдских повстанцев. Ни Иран, ни Сирия, однако, не давали на это своего

В СЕРЕДИНЕ августа 1986 года самолеты Ф-4 «Фантом» ВВС Турции нанесли бомбовые удары по курдским населенным пунктам на севере Ирака. Были убиты сотни мирных жителей, в том числе женщины и дети

согласия. Что касается Ирака, то в 1982 году с ним было подписано специальное соглашение, которое позволяло формированиям вооруженных сил обеих стран вторгаться на сопредельную территорию на глубину 10—15 км для преследования групп повстанцев¹². На практике только Турция использовала предусмотренные соглашением права.

Решение правительства о проведении трансграничной операции не требовало утверждения Великим национальным собранием Турции (ВНСТ), что объективно расширяло возможности военных. На границе с Ираком на постоянной основе была развернута группировка войск численностью до 30 тыс. человек. Основная ее задача обосновывалась необходимостью защиты магистральной дороги из Мосула (Ирак) в Турцию и проложенного параллельно ей нефтепровода для транспортировки иракской нефти к портам Средиземного моря через турецкую территорию¹³. Главная угроза функционированию нефтепровода усматривалась в деятельности курдских повстанцев.

В ВОПРОСАХ ужесточения антикурдской политики Турцию поддерживали США. С их одобрения в конце мая 1983 года группировка турецких войск численностью 15 тыс. человек вторглась в Северный Ирак на глубину 30 км с целью уничтожения главным образом опорных баз Демократической партии Курдистана (барзанистов)¹⁴. Однако, встретив упорное сопротивление отрядов «пешмерга» и решительное осуждение со стороны мировой общественности, они были вынуждены вскоре покинуть курдские районы Ирака. Осуществляя вторжение в Ирак, турецкие власти преследовали цель помешать распространению «курдской заразы» в Турции, а также показать Ирану свою решимость не позволить ему в ходе войны с Ираком захватить нефтеносные районы Кирсука и Мосула, которые турки продолжали считать своими. Другая трансграничная операция была проведена в октябре 1984 года. В том же году прежнее соглашение было пролонгировано и дополнено. В середине августа 1986 года са-

молеты Ф-4 «Фантом» ВВС Турции нанесли бомбовые удары по курдским населенным пунктам на севере Ирака. Были убиты сотни мирных жителей, в том числе женщины и дети. Затем на иракскую территорию были введены турецкие командос¹⁵. В 1988 году, с завершением ирано-иракской войны (первой войны в заливе), соглашение было в одностороннем порядке расторгнуто Ираком. Но и после этого Турция продолжила проведение трансграничных операций.

Поражение Ирака в 1991 году в ходе второй войны в заливе привело к созданию в Северном Ираке зоны безопасности для иракских курдов. Это открыло для РПК новые возможности использования этой территории, неподконтрольной иракским властям, в качестве тылового района. Подобное развитие событий не осталось без внимания северного соседа Ирака: 10 апреля 1991 года министерство иностранных дел Турции подтвердило сообщения о наличии турецких военнослужащих на иракской территории, подчеркнув, однако, незначительные масштабы военного присутствия, целью которого было «обеспечение порядка в приграничной зоне»¹⁶.

сячной группировки турецких войск и 1 000 «сельских стражей» при поддержке 132 самолетов. При этом отряды боевиков пытались отходить в восточном направлении к ирако-иранской границе, а войска, используя авиацию, стремились в свою очередь преследовать их бегство в Иран, нанося по ним, по заявлению турецкого генерала Х. Толона, «хирургически точные» удары¹⁷.

В октябре 1991 года бомбовые удары нанесли по городу Корал и двум десяткам населенных пунктов на севере Ирака, в которых, как предполагалось, нашли укрытие боевики РПК. При этом страдало гражданское население, многочисленные жертвы среди которого стали причиной бегства в Сулейманию из г. Корал около 10 тыс. его жителей. На иракскую территорию были введены также 3 000 турецких командос с целью поиска совершивших нападение на пограничный пост боевиков, уничтожения баз курдских вооруженных формирований и освобождения 7 заложников, захваченных сторонниками РПК.

П РОДОЛЖЕНИЕ налетов, согласно замыслу турецкого командования, должно было заставить руководство иракских курдов, контролировавших ситуацию на севере Ирака и располагавших собственными вооруженными формированиями, выступить против РПК, от присутствия которой страдало мирное население, вынужденное переносить все тяготы войны. Одновременно представители турецких властей и спецслужб предприня-

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ структуры Турции, допустившие большие людские, материальные и моральные потери, также значительно подорвали свой международный авторитет бесплодными попытками решить в свою пользу курдскую проблему, опираясь в основном на грубую силу

Для разгрома отрядов и баз вооруженных формирований РПК на иракской территории начиная с августа 1991 года были проведены несколько операций различного масштаба. Формальным поводом для первой из них стали столкновения сил безопасности с курдскими боевиками, в ходе которых в начале августа 1991 года в районе деревни Чукурджи были убиты 11 пограничников. Ответом стало вторжение в Северный Ирак на глубину до 10 км 20-ты-

ли попытку установить отношения с руководством военно-политических группировок иракских курдов, преследуя двудеиную цель — еще более настроить их против присутствия турецких курдов на контролируемой ими территории и заставить самостоятельно, либо при поддержке турецкой военной машины уничтожить базы и вытеснить отряды РПК из приграничных районов и тем самым обеспечить безопасность турецкой границы¹⁸.

Усилия турецких спецслужб и продолжение воздушных налетов и рейдов сухопутных войск на иракскую территорию дали результаты. Лидер Патриотического союза Курдистана (ПСК) Джалал Талабани в начале ноября 1991 года выступил с призывом к РПК объявить о прекращении огня на юго-востоке Турции. В октябре следующего года вооруженные формирования двух основных военно-политических группировок иракских курдов — ДПК и ПСК общей численностью 50 тыс. человек начали наступление на базы РПК, расположенные вдоль ирако-турецкой границы. Одновременно с турецкой стороны почти 100-тысячный контингент вооруженных сил Турции при поддержке авиации в течение 40 дней вел боевые действия против отрядов НОАК¹⁹.

Понимая бессмысленность кровопролития между курдами, РПК и ПСК подписали соглашение о прекращении огня, согласно которому базы РПК были перенесены в район Зале. Они также призвали лидера ДПК Масуда Барзани «прекратить следовать в русле турецкой политики». Призыв этот, однако, не был услышан. Отношения ДПК с Турцией, направленные против РПК, продолжали развиваться. Для укрепления границы с иракской стороны были созданы 170 пограничных застав, укомплектованных личным составом из числа сторонников М. Барзани. Расходы по их обеспечению оружием, обмундированием и продовольствием взяла на себя Турция. Получая материальную помощь от Турции, ДПК под давлением турецких покровителей закрыла на контролируемой территории информационные бюро РПК и выслала ее партийных работников. Осенью 1993 года Турция выделила ДПК 13 млн. долларов для укрепления ирако-турецкой границы и оборудования на ней контрольно-пропускных пунктов. А в целях координации усилий по совместной борьбе против РПК в районах Захо и Дохук были созданы бюро, в которых работали офицеры турецкой Национальной разведывательной организации (МИТ)²⁰.

Совместные действия с ДПК не привели, однако, к заметному уменьшению активности РПК как на территории Турции, так и на севере Ирака — в районе дислокации баз вооруженных формирований партии. В 1994 году турецкие вооруженные силы продолжили проведение трансграничных операций. В начале года бомбардировка с воздуха были подвергнуты базы в районе Зале — территории, подконтрольной ПСК. А в

апреле провели наземную трансграничную операцию.

Удары с воздуха по выявленным базам и районам скопления боевиков НОАК на севере Ирака продолжались и в последующем. Так, согласно информации пресс-службы генерального штаба вооруженных сил Турции, только в период с конца июля по начало августа 1994 года были проведены четыре рейда турецкой авиации, в ходе которых уничтожены не менее 280 боевиков и более 200 ранены²¹.

РАСТУЩЕЕ влияние РПК в Северном Ираке заставило Турцию весной 1995 года провести самую крупную (после 1974 г.) войсковую операцию за пределами страны под условным наименованием «Сталь». Развертывание сил на фронте шириной 200 км было завершено к 21 марта²². В том же году, в июле Турция провела еще одну трансграничную операцию меньшего масштаба, в которой были задействованы 3 000 военнослужащих, в июле 1996 и мае 1997 года — еще несколько операций с вторжением на территорию Ирака на глубину до 25 км²³.

Вторжения в Ирак предпринимались и после того, как в августе 1999 года РПК дала указание своим вооруженным формированиям покинуть пределы Турции. Так, в начале апреля 2000 года группировка турецких войск численностью 8 000 человек под прикрытием вертолетов продвинулась в глубь иракской территории на 16 км для уничтожения курдских отрядов в районе Хакурка и Хафтани²⁴.

Многолетняя вооруженная борьба в Турецком Курдистане не выявила победителя. РПК не сумела путем вооруженного насилия достичь выдвинутых в своей программе целей. Более того, она лишилась поддержки на международной арене, будучи внесенной в список террористических организаций. Государственные структуры Турции, допустившие большие людские, материальные и моральные потери, также значительно подорвали свой международный авторитет бесплодными попытками решить в свою пользу курдскую проблему, опираясь в основном на грубую силу.

Все это заставило РПК выступить с инициативой прекращения боевых действий и поиска мирных путей решения курдской проблемы: в августе 1999 года руководство РПК дало указание вывести свои вооруженные формирования за пределы турецких границ. После ареста А. Оджалана, на состоявшемся в конце января 2001 года V заседании совета

президиума РПК было принято решение о приостановлении деятельности партии в странах Европейского союза и в пределах границ Республики Турция²⁵.

Так была ли возможна победа, и кто мог победить в этой войне? Скорее всего, в ней не было и не могло быть победителя. Требуется использование иных — политических, экономических, культурных — рычагов, которые могут дать эффект только при их задействовании в переговорно-диалоговом, а не в конфронтационно-силовом режиме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции (1986—1995). М.: Институт востоковедения РАН, 2001. С. 51.

² Макаренко В. Несуществующее государство, неизвестная война... // Новое время. 1995. Октябрь. С. 32.

³ Масаки Н. Курдистан в военно-стратегическом аспекте // Ближний Восток и современность. Сб. статей (вып. 12). М., 2001. С. 87.

⁴ Гасратян М.А. Указ. соч. С. 52, 53.

⁵ Kölnische Rundschau. 1995. Februar. 2.

⁶ Kirisci K., Winrow G.M. The Kurdish Question: an Example of Trans-state Ethnic Conflict. L., 1998. P. 127.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 128.

⁹ Макаренко В. Указ. соч. С. 33.

¹⁰ Иностранная военная хроника // Зарубежное военное обозрение. 1996. № 4. С. 61.

¹¹ Тушин В. Турция: боевые действия на юго-востоке страны // Зарубежное военное обозрение. 1988. № 6. С. 55, 56.

¹² Гасратян М.А. Турция и события в Южном Курдистане // Южный Курдистан сегодня. М.: Институт востоковедения РАН, 1997. С. 61.

¹³ Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. С. 22.

¹⁴ Курдское движение в новое и новейшее время. М.: Наука, 1987. С. 264.

¹⁵ Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. С. 22.

¹⁶ Известия. 1991. 11 апреля.

¹⁷ Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. С. 93.

¹⁸ Kirisci K., Winrow G.M. Op. cit. P. 130.

¹⁹ Государственная дума и курдская проблема. М., 1998. С. 231.

²⁰ Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. С. 96.

²¹ Корреспонденция Анатолийского агентства. 1994. 6 авг.

²² Гасратян М.А. Курдская проблема в Турции. С. 98, 99; Масаки Н. Указ. соч. С. 81, 82.

²³ Государственная дума и курдская проблема. С. 231.

²⁴ Масаки Н. Указ. соч. С. 82.

²⁵ РПК — вестник мира на Среднем Востоке // Дружба. 2002. № 14—15. С. 43.

**Капитан 1 ранга
М.М. СЛИНКИН**

МУСУЛЬМАНСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В АФГАНСКОЙ АРМИИ

Недооценка религиозного фактора была одной из причин поражения правительственных сил Демократической Республики Афганистан (ДРА) в ходе афганского кризиса 1970—1990-х годов

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович родился 13 мая 1954 года в Челябинской области, окончил в 1976 году Казанское высшее военно-инженерное училище, а в 1985 году — Краснознаменный институт КГБ СССР имени Ю.В. Андропова. С октября 1985 по январь 1989 года проходил службу в должности сотрудника Представительства КГБ СССР при органах безопасности Демократической Республики Афганистан. Доктор исторических наук (2005 г.), диссертацию защитил по теме «Деятельность органов контрразведки в НКВД СССР (1941—1945 гг.)», научная специализация — юриспруденция. В 2002 году В.С. Христофорову присвоено звание генерал-майор. В настоящее время В.С. Христофоров является начальником Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России.

В.С. Христофоров

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ в мире в последние годы XX и в начале XXI века связана уже не с противостоянием двух различных социально-политических систем и порожденных ими военных блоков, а в определенной мере с исламским фактором, ибо одно из направлений мусульманства — ваххабизм стал питательной средой для мирового терроризма. Все это заставляет нас сегодня очень серьезно относиться к роли ислама в мировой политике, непременно учитывая влияние данного религиозного фактора, прежде всего священнослужителей, на личный состав как государственных силовых структур, так и незаконных вооруженных формирований. В этом отношении весьма ценен опыт ДРА, революционное правительство которой, видимо, по примеру своего северного соседа начало ничем не обоснованную борьбу с религией. Это явилось большой политической ошибкой, которая впоследствии была осознана, но на ее исправление времени уже не хватило.

Чтобы лучше понять роль ислама в жизни Афганистана, отметим, что эта религия имеет здесь глубокие корни, оказывая значительное влияние на население. В то же

время ислам — не только религия, но и образ жизни, и кодекс чести и достоинства мусульман.

Благодаря деятельности многочисленных священнослужителей и культовых учреждений ислам в Афганистане сохранил за собой большие духовные и материальные возможности. Так, в начале 1980-х годов на 60 человек населения Афганистана приходилось по одному мулле (для сравнения, один врач — на 10 тыс. человек).

До апрельского военного переворота 1978 года в Афганистане было около 300 тыс. служителей культа, которые вели активную проповедническую деятельность в 45 тыс. соборных мечетей и в исламских учебных заведениях всех ступеней¹.

Афганских священнослужителей (суннитов) можно разделить на три основные группы²:

высшее духовенство, к которому относятся сеиды (считающиеся потомками пророка Мухаммада), шейхи, хазраты и пиры, т.е. главы сект, дервишских орденов, общин, ученые богословы;

среднее духовенство, представляющее наиболее многочисленную группу, в которую входят имамы (настоятели мечетей), руководители му-

сульманских учебных заведений, моулави (лица, получившие специальное богословское образование), муллы крупных мечетей;

низшие слои — духовные лица, деятельность которых связана с выполнением отдельных религиозных функций: кари, хатибы (чтецы Корана), муэдзины (лица, призывающие мусульман к молитве) и другие.

Высшее духовенство (как правило, выходцы из феодальной и племенной знати, крупных торговцев) имеет большую духовную власть, непререкаемый авторитет и многочисленных последователей. Верхушка афганского духовенства получала высшее мусульманское образование, как правило, в Египте, Пакистане, Турции. Среднее и низшее духовенство — в большинстве своем представители средних слоев общества (мелкой буржуазии, торговцев, ремесленников, кустарей и крестьянства). Казалось бы, учитывая материальные возможности, а также влияние мусульманского духовенства на население, но-

вой власти следовало бы шире использовать его в своих политических целях, но этого не произошло. В результате в начале 1980-х годов только 10 проц. служителей культа из среднего и низшего духовенства были настроены к новой власти лояльно и призывали верующих поддерживать правящий режим. Большая часть оппозиционно настроенного высшего духовенства выехала в Пакистан и Иран. Другая часть, оставаясь в стране и пользуясь авторитетом среди верующих масс, перешла на сторону оппозиции. Что касается среднего духовенства, то его определенная часть осуждала деятельность афганской оппозиции и одобряла в целом правительственный курс, но, опасаясь расправы со стороны моджахедов, занимала выжидательную позицию, временно даже прекратив религиозную деятельность.

Надо напомнить, что установление в Афганистане республиканского строя после государственного переворота, произошедшего в июле 1973 года, не решило стоявших перед страной проблем, в результате чего развернулась острая борьба за выбор пути ее дальнейшего развития. Феодално-буржуазные круги, на которые опирался президент М. Дауд, предпочитали капиталистический путь развития, радикально настроенные военные и интеллигенция склонялись к другой социально-экономической модели, а представи-

БЛАГОДАРЯ деятельности многочисленных священнослужителей и культовых учреждений ислам в Афганистане сохранил за собой большие духовные и материальные возможности

тели высшего духовенства ратовали за создание исламского государства. Недовольные политикой М. Дауда исламские фундаменталисты подталкивали массы к вооруженному сопротивлению, которое подавлялось правительственными войсками. В апреле 1978 года силами армии был вновь совершен государственный переворот, к власти пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) во главе с Н. Тараки, и страна была объявлена Демократической Республикой Афганистан (ДРА). Хотя программа НДПА носила позитивный характер, излишний радикализм, игнорирование многовековых традиций и роли ислама вновь вызвали сопротивление населения.

Часть просчетов и ошибок афганского правительства объяснялась и тем обстоятельством, что некоторые сотрудники Управления по делам ислама оказались связанными с оппозицией.

Подавляющее большинство партий и отрядов вооруженной оппозиции, действовавших против правительства ДРА, в качестве политической идеологии широко использовали основные положения исламского вероучения как эффективного сред-

ства объединения масс верующих в целях свержения режима НДПА. Основным лозунгом антиправительственной пропаганды являлась защита ислама. Вооруженной борьбой с правительством руководили организации, имевшие в своих наименованиях слово «исламские»³. Более 1300 религиозных деятелей или занимали руководящее положение в антиправительственных силах, или исполняли обязанности судей, а также возглавляли различные исламские комитеты, нацеленные на то, чтобы подменить на местах органы государственной власти, организовывать вооруженную борьбу, диверсионно-террористическую деятельность, вели призыв молодежи в бандгруппы. Кроме того, они занимались также сбором налогов, осуществляли судебные и иные властные функции.

После мятежа в Герате в марте 1979 года антиправительственные выступления переросли в гражданскую войну. Оппозиционеры активизировали свою пропагандистскую деятельность, используя лозунг джихада. Издавались книги, в которых излагались особенности исполнения мусульманами ислам-

Личный состав 37-й десантно-штурмовой бригады армии ДРА во главе с командиром генерал-майором Голь Мохаммадом во время совершения намаза

ских установлений и предписаний, давалось толкование религиозно-правовых норм в условиях ведения джихада⁴.

Если в первые годы после свершения военного переворота новый правящий режим ДРА, возглавляемый представителями Народно-демократической партии Афганистана, должного внимания работе с мусульманским духовенством не уделял, считая, что оно утратило свои исключительные позиции в

шую возможность для более широкого участия религиозных авторитетов в деятельности государства и поддержали мероприятия правительства, направленные на улучшение условий жизни священнослужителей, финансирование паломничества в Мекку, строительство и ремонт мечетей. Однако мероприятия, проводимые афганским правительством, были не только недостаточными, но и запоздавшими⁵.

шении многих важных вопросов, касающихся не только религии, но и других сторон жизни населения. Так как до 84 проц. афганцев проживало в сельской местности, а правительство ДРА не контролировало более половины кишлаков, это не позволяло оказывать нужное влияние на мусульманское духовенство на местах. Афганское правительство было не в состоянии обеспечить безопасность религиозных авторитетов, подерживавших власть.

Исламский фактор оказывал отрицательное влияние и на международное положение Афганистана. Большинство исламских стран прервало дипломатические отношения с правительством Афганистана. Отношения с Саудовской Аравией и Египтом были прекращены по инициативе афганской стороны еще при режиме Х. Амина. В результате страна оказалась в определенной международной изоляции, что сужало возможности для ослабления накала пропагандистских обвинений в попрании религии, использования международной помощи и подрывало авторитет правительства. В этой ситуации исламские комитеты вооруженной афганской оппозиции, наоборот, настойчиво добивались своего представительства в Организации Исламская конференция, рассматривая это как первый шаг на пути их международного признания.

Учитывая, что подавляющее большинство военнослужащих афганской армии были приверженцами ислама, в частях и соединениях действовали представители мусульманского духовенства. В управлении специальной пропаганды Главного политического управления Министерства обороны Афганистана для координации работы свя-

В НАЧАЛЕ 1980-х годов только 10 проц. служителей культа из среднего и низшего духовенства были настроены к новой власти лояльно

области влияния на массы⁶, то теперь власть в ДРА хотела бы видеть в духовенстве своего союзника. В этих целях была провозглашена свобода религиозной деятельности для всех религиозных учреждений, священнослужителей и верующих, а в июне 1980 года проведена конференция улемов⁶, принявшая решение о преобразовании Совета улемов (основан в 1930 г.) в Высший совет улемов, который должен был регулировать деятельность суннитского духовенства в масштабе всей страны. Координацией деятельности мусульманских служителей культа, их материальным и финансовым обеспечением стало заниматься Главное управление по делам ислама при Совете министров ДРА (создано в конце 1980 г.).

В АЖНЫМ шагом на пути нормализации обстановки и привлечения на сторону власти мусульманского духовенства стало создание Министерства по делам ислама и вакуфов Афганистана⁷. В 1984 году состоялся созыв Джирги улемов и священнослужителей.

Революционный совет (Ревсовет) ДРА принял ряд законов, оказавших положительное влияние на развитие ситуации. Государство объявило о своем уважении и защите ислама, охране культовых учреждений. Религиозные деятели и верующие с одобрением восприняли декларацию Ревсовета, открыв-

По оценкам функционеров НДПА, правительство подерживало около 87 500 служителей культа. Однако только 11 500 священнослужителей находились на частичном государственном обеспечении, что составляло 3,5 проц. их общего числа. В среднем размеры ежемесячных выплат муллам составляли от 500 до 2900 афгани⁸. Такие выплаты были недостаточны для поддержания нормального существования. В то же время исламские комитеты на контролируемой ими территории выплачивали духовникам ежемесячное содержание, превышающее правительственное в три раза.

Влияние мусульманских богословов и служителей культа на население Афганистана по-прежнему было велико. Особенно значительна была их роль в сельской местности, где мулла не только служил в мечети, отправлял религиозные обряды, связанные с рождением, смертью, мусульманскими праздниками и т.п., но часто являлся учителем, духовным наставником и судьей. Его мнение было определяющим при ре-

ПОДАВЛЯЮЩЕЕ большинство партий и отрядов вооруженной оппозиции, действовавших против правительства ДРА, в качестве политической идеологии широко использовали основные положения исламского вероучения

АФГАНСКОЕ правительство было не в состоянии обеспечить безопасность религиозных авторитетов, поддерживавших власть

щеннослужителей был создан религиозный отдел. Но, несмотря на эти меры, религиозные отношения в афганской армии развивались достаточно сложно.

По своему положению священнослужители в афганской армии подразделялись на штатных и внештатных мулл.

В середине 1980-х годов в афганской армии¹⁰ по штату имелось 95 должностей войсковых мулл (фактическая укомплектованность составляла менее половины — 47).

Этому документу, заключались в организации и проведении религиозных обрядов в соединениях, частях и подразделениях армии, пропаганде ислама среди военнослужащих в соответствии с целями и задачами НДПА и правительства ДРА. Они также должны были вести религиозное освещение политических и контрпропагандистских мероприятий, участвовать в воспитании военнослужащих, направленном на предотвращение дезертир-

В СЕРЕДИНЕ 1980-х годов в афганской армии по штату имелось 95 должностей войсковых мулл (фактическая укомплектованность составляла менее половины — 47)

Общее руководство их деятельностью осуществлял главный мулла афганской армии. Должности штатных мулл были введены в армейских корпусах, дивизиях, бригадах. Штатные муллы были на правах служащих афганской армии и получали ежемесячное денежное содержание¹¹.

Кроме того, в афганской армии разрешалось иметь 257 внештатных мулл (фактически в середине 1980-х годов — 210). Внештатные муллы назначались в полках и батальонах из числа военнослужащих, проходивших службу по призыву и имевших определенную религиозную подготовку. Они занимали одну из воинских должностей, но полностью освобождались от соответствующих обязанностей, занимаясь только вопросами религиозной деятельности и получая при этом денежное содержание по занимаемой должности.

Права и обязанности войсковых священнослужителей определялись «Положением о муллах в Вооруженных силах ДРА». Основные задачи, которые должны были решать войсковые муллы согласно

ства, повышение боеготовности, бороться с употреблением спиртных напитков. Этот пункт был включен в документ наверняка с подачи советских военных советников, ибо среди афганских военнослужащих употребление спиртных напитков — явление достаточно редкое, скорее, они более привержены к употреблению легких наркотиков. Муллы должны были организовывать проведение в воинских подразделениях и частях ежедневного пятикратного намаза, пятничного намаза, а также исполнение обрядов во время религиозных праздников, священного месяца Рамазан, на похоронах и т.д.

Несмотря на требования этого документа, роль мулл в правительственной афганской армии осталась незначительной, а их влияние — малоэффективным. Командиры воинских частей и подразделений слабо использо-

вали возможности войсковых мулл в воспитательной работе с личным составом. К тому же многие офицеры не соблюдали религиозных обрядов, не совершали намаз, в религиозные праздники не посещали мечеть, что отрицательно влияло на верующих, проходивших службу по призыву, и вызывало недовольство мулл, которые в результате этого не желали вести пропаганду в интересах НДПА и правительства ДРА. Некоторые святые места, мечети в расположении воинских частей находились в запущенном состоянии. Меры по их благоустройству не принимались. В отдельных случаях помещения мечетей использовались под склады военного имущества и боеприпасов, для других хозяйственных нужд. Привлечение мулл для подготовки военнослужащих к боевым операциям и поднятия их боевого духа носило чаще всего показной характер. В то же время в формированиях моджахедов муллы перед боем проводили моления и читали проповеди, вдохновляя их на борьбу за веру и самопожертвование.

Периодически проводившиеся правительством кампании по активизации деятельности войсковых мулл успеха не приносили. Командиры частей и соединений выполняли намеченные планы мероприятия формально, поэтому все оставалось на своих местах. В таких условиях войсковые священнослужители в афганских правительственных вооруженных силах практически не смогли решить большинство стоящих перед ними задач, и их роль в воспитании военнослужащих осталась незначительной.

Таким образом, пренебрежение к религиозным и национальным чувствам, которое наблюдалось со стороны афганского руководства в первые годы после вооруженного переворота апреля 1978 года, негативно сказалось не

РОЛЬ мулл в правительственной афганской армии была незначительной, а их влияние — малоэффективным

только на отношении к службе в армии афганских военнослужащих, но и на отношении огромного большинства населения страны к преобразованиям правительства. Мусульманское население не поняло и не приняло те социальные преобразования, которые проходили в Афганистане и не хотело с оружием в руках защищать новый режим. Отсюда нежелание молодежи служить в армии; будучи же призванными насильно, юноши пополняли огромное число дезертиров. Итог известен. После прекращения советской военной помощи правящий режим пал, и в апреле 1992 года к власти в стране пришли оппозиционные партии. Было провозглашено Исламское Государство Афганистан (ИГА). Конфликт же, как известно, на этом не завершился.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ислам в Афганистане проповедуют примерно 95 проц. населения. При этом около 85 проц. верующих — сунниты, остальные — шииты. Ислам суннитского толка исповедуют пуштуны, узбеки, таджики, чар-аймаки, туркмены, белуджи, киргизы, нуристанцы; шиитами являются хазарейцы, горные таджики, персы, кизилбаши. Общины шиитов имеются главным образом в Кабуле, Герате, Газни, Хазараджате. Последователи одной из шиитских сект — исмаилиты живут на северо-западе страны, в г. Бадахшане.

² Афганистан: борьба и созидание / Сост. О.Г. Чернавин. М.: Воениздат, 1984. С. 18; Демократическая Республика Афганистан. Справочник. М.: Главная ред. восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 23.

³ Исламская партия Афганистана (ИПА), Исламское общество Афганистана (ИОА), Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) и т.п.

⁴ Одна из них: *Моулави Голь Рахман Дивбанди «Дары моджахедов. Муфтии в борьбе»*. Перевод с пушту на фарси осуществил Моулави Сейед Мухаммед Сорхруди (место и год издания не указаны). В книге излагаются вопросы особенностей исполнения мусульманами исламских установлений и предписаний и толкования религиозно-правовых норм в условиях

ведения джихада. Джихад (ар., старание, усердие, рвение) — борьба за веру, отдача всех сил ради распространения и торжества ислама; одна из главных обязанностей мусульманской общины. Среди немусульман джихад обычно понимается только как вооруженная борьба с иноверцами (которую многие мусульманские народы называют «газават») и неточно передается выражением «священная война». В 80 — начале 90-х годов XX в. в Афганистане под лозунгом джихада исламские партии страны вели войну против республиканского правительства, а после его падения — и между собой. Джихад является дополнительным стимулом активности моджахеда (воина, ведущего джихад), поскольку он проповедует усердие, рвение, доведенные до самопожертвования. В случае своей гибели моджахед становится шахидом (святым, мучеником, павшим за веру) и согласно исламским канонам сразу попадает в рай.

⁵ Афганистан: борьба и созидание... С. 18.

⁶ Улемы — сословие мусульманских богословов и законовеев. На практике улемами называют все категории мусульманских духовных наставников, тех, кто совершил паломничество в Мекку, а также образованных, уважаемых мусульман. Джирга (съезд) улемов имел большое значение.

⁷ Вакуф — в мусульманских странах движимое и недвижимое имущество, предоставленное государством или отдельным лицом в виде дара, в том числе по завещанию, на религиозные или благотворительные цели. Вакуф составляет экономическую основу влияния мусульманского духовенства.

⁸ Так, государство поддерживало деятельность 10 медресе, 10 домов «хранителей Корана», 134 шиитских молельных домов и 2474 мечетей из 15 тыс., имевшихся в стране.

⁹ От 10 до 60 долларов США.

¹⁰ В середине 1980-х годов в структуру афганской армии входили сухопутные войска (четыре армейских корпуса), ВВС и ПВО, пограничные и территориальные войска, формирования гражданской обороны, специальные войска и военные учебные заведения общей численностью около 165 тыс. человек.

¹¹ Например, главный мулла афганской армии получал зарплату 10 300 афгани, мулла армейского корпуса — 6800 афгани, мулла дивизии (бригады) — 5800 афгани.

**Генерал-майор
В.С. ХРИСТОФОРОВ**

№ 3-2006

WWW.MIL.RU

Военно-исторический журнал ИНТЕРНЕТ-ПРИЛОЖЕНИЕ

Третий номер интернет-издания «Военно-исторический журнал. Интернет-приложение» читайте на главной странице официального сайта Министерства обороны РФ (www.mil.ru). Предлагаем нашим читателям ознакомиться с содержанием номера

• ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

С.Л. Печуров — Сражение у Ватерлоо в 1815 году: уроки для современного строительства многонациональных сил

• ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

А.П. Павлов — Первые советские ракетчики
Г.М. Пигалев — Космодром Байконур. Записки военного строителя

• ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ю.А. Никифоров — Современные российские историки о причинах Второй мировой войны и нападении Германии на Советский Союз

• ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

И.В. Мартыненко — Организация воинских перевозок на Дальний Восток в 1945 году

• ЭПОХА В ДОКУМЕНТАХ

А.В. Ганин — «...От мысли, что рядом со мною в казачьей форме сидит тайный эсер, я был далек» (Ф.Е. Махин)

• ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

А.А. Приходченко — Особенности военно-экономической деятельности в России в XVIII — начале XX века

• ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВ

Фронтные письма А.Е. Снесарева с 28 февраля по 18 июня 1915 года в период командования 133-м пехотным Симферопольским полком (34-я дивизия, VII корпус, 8-я армия) (Публикация И.С. Даниленко)

• ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Ю.К. Копытов — «По способностям своим это замечательный человек...» (А.П. Игнатъев)

• ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ

М.Л. Половинкина — «Честь моей Родины превыше всего для меня на свете» (С.Р. Воронцов)

• ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

С.К. Дарков — Российские кадеты
А.М. Дубовиков — Многонациональный состав Уральского казачьего войска в XVIII—XIX вв.

• НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

С.А. Санеев — «В руках великой державы местность сия неминуемо будет со временем играть большую роль...» (Город-герой Новоросийск)

• ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

С.С. Попова — «Американцы... проявляют к местным большевикам Приморья и Амура терпимость»

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Малоизвестные рассказы писателя-мариниста В.И. Даля (Публикация С.К. Даркова)

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

Ю.В. Братошченко — Кооперативное обслуживание морков в 1918 — 1920 гг.
Г.В. Ражнев — Обновленный герб города-героя Смоленска

Требования к оформлению рукописей для опубликования в Интернет-издании см.: Воен.-истор. журнал. Интернет-приложение. 2006. № 1, 2, 3. (www.mil.ru); Воен.-истор. журнал. 2006. № 1. С. 33.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВОЙСК РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Крымская (Восточная) война 1853—1856 гг. изобилует многочисленными примерами самоотверженности и мужества русских воинов. При этом отличались и те, кто оказывал врачебную помощь раненым и больным. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы организации медицинского обеспечения войск, новые по тому времени методы лечения, сделана также попытка проанализировать причины недостатков в медицинском обеспечении Русской армии. Несмотря на то, что в статье анализируется опыт работы военных медиков 150-летней давности, материал не утратил и сегодня своего познавательного значения, хотя бы в плане ознакомления с теми нестандартными подходами русских военных медиков к решению новых сложных задач, которые впервые встали перед ними в период войны.

КРЫМСКАЯ война 1853—1856 гг. дала не только толчок к отмене крепостного права, проведению военных реформ 1860—1870 г., но и к развитию военной медицины, в том числе эвакуационной системы медицинского обеспечения боевых действий войск¹.

Еще до начала войны на территории Бессарабии Военное министерство России сосредоточило 12 военно-временных госпиталей (ВВГ) с полным за-

пасом имущества и медикаментов на 4800 человек. При вступлении в июле 1853 года в придунайские княжества войск генерала от артиллерии М.Д. Горчакова были открыты военно-временные госпитали в Бырладе, Бакэу, Текуче, Фокшанах, Бузео и Бухаресте. В конце 1853 года здесь имелись 35 ВВГ с запасом медикаментов и имущества на 21 600 больных. Сверх того сюда были направлены запасы госпитального имущества еще на 13 400 человек.

В каждой дивизии было по одному подвижному госпиталю (ПГ) на 200 мест. В конце 1853 года к ним добавились еще два. Госпитальные палатки, имевшиеся в действующих войсках, могли вместить 2400 человек. При необходимости армия могла воспользоваться запасом палаток на 1800 человек, находившимся в Одессе. Все полки были полностью укомплектованы медицинским персоналом, в том числе цирюльниками, обученными уходу за ранеными, перевязке ран и наложению полевых турникетов (жгутов), к тому же в резерве — в случае развертывания новых ВВГ — имелись 150 врачей. В конце 1853 и начале 1854 года по распоряжению главнокомандующего вооруженными силами на западных и южных границах генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича было заготовлено 2000 пудов корпии². Большие запасы перевязочных средств действующей войска получали за счет частных пожертвований. Началом этому делу положили императрица и ее дочери, которые несколько раз присылали в действующую армию собственноручно приготовленные ими связки корпии, компрессы, бинты. Их примеру затем последовали жительницы придунайских княжеств³.

Благодаря принятым медицинской службой предупредительным мерам, содействию командования и вполне удовлетворительному продовольст-

венному снабжению войск, а также благоприятным климатическим условиям заболеваемость и смертность в действующей армии, особенно в первый период кампании на Придунайском театре военных действий, была сравнительно невысокой и не превышала показателя мирного времени. Лишь с наступлением холодной и дождливой осени 1854 года, активизацией боевых действий, с появлением перемежающейся лихорадки заболеваемость в войсках несколько увеличилась. Для лечения лихорадки были сделаны большие запасы хинина и хиноидина. Если из получавших водку без хинина заболел один из 17 человек, то из получавших водку с хинином — только один из 24. Летом 1854 года усилилась диарея в связи с употреблением невымытых фруктов и сырых овощей. В августе—сентябре того же года наблюдалась вспышка холеры: всего заболели 275 человек, из которых умерли 156. Для предупреждения желудочно-кишечных заболеваний был специально издан приказ по армии⁴.

В районе расположения резервных войск среди рекрутов, не привыкших к военно-походной жизни и переменам климата, наблюдались заболевания тифом: из 12 173 заболевших в госпиталях умерли 3359 человек. Большая часть тифозных больных поступала в Одесский, Тираспольский, Измаильский и другие госпитали тылового района.

С ноября 1853 по ноябрь 1854 года в госпиталях и лазаретах на Придунайском театре военных действий лечились 13 241 больной цингой, из которых умерли 946 человек. Больных сифилисом за всю кампанию было 8905 человек. В связи с этим в январе 1854 года в Бухаресте и других городах Валахии по высочайшему повелению были предприняты строгие «медико-полицейские меры» для ограничения венерических

НИКОЛАЙ I в одном из писем просил главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму адмирала князя А.С. Меншикова: «Пекись о раненых, ради Бога, и призри их сколько можно...»

заболеваний. Общее число больных за период с 1(13) ноября 1853 по 1(13) ноября 1854 года в русской Дунайской армии составило 120 тыс. человек, что намного превышало число раненых и контуженых.

Боевые санитарные потери в течение Придунайской кампании оказались невелики, так как ни одного значительного сражения на этом театре не было: всего после боев с противником на перевязочные пункты поступили 4498 раненых и 1559 контуженых, убитых было чуть более тысячи человек⁵. Серьезных операций было произведено 457, из них 320 — на перевязочных пунктах и в передовых госпиталях. Впервые в истории отечественной военной медицины почти все операции производились с применением обезболивания хлороформом. Однако обезболивание не использовалось при повреждении черепа и при столбняке⁶. Умерли после операций 123 раненых (27 проц.). Общая летальность раненых за год равнялась 13 проц. Всего от болезней и ранений в Дунайской армии умерли 15 706 человек, из них от ран — около 800 человек⁷.

ГОСПИТАЛИ, расположенные на Кавказском театре военных действий, подчинялись штаб-доктору Годзеевскому, в особом штате управления которого, утвержденном командующим отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенантом В.О. Бебутовым, имелись: помощник штаб-доктора, корпусный хирург, управляющий канцелярией с тремя писарями из фельдшеров и инструментальный мастер. Главный — Александропольский отряд обеспечивал подвижным госпиталем на одну тысячу мест и тремя ВВГ на 150, 300 и 600 коек. Подвижной госпиталь был разделен на два отделения по 500 мест каждое, одно из них сопровождало войска в боевых действиях, а второе всегда находилось при штабе корпуса. В распоряжении этого госпиталя имелись 400 арб, 200 троичных повозок и 500 вьючных лоша-

дей. Подвижной госпиталь на 600 мест был и в Эриванском отряде. В районе Ахалцихского отряда находились Ахалцихский военный госпиталь на 600 коек, Ахалкалакский (100 коек) и Боржомский (150 коек) ВВГ. Как войска, так и госпитали были полностью укомплектованы медицинским составом и необходимым медицинским и хозяйственным имуществом.

Организацию медицинских действий войск отдельного Кавказского корпуса хорошо иллюстрирует деятельность медицинской службы Александропольского отряда во время сражения у Кюрук-дара 5 августа 1854 года. Главный перевязочный пункт был заблаговременно развернут за центром действующих частей на расстоянии «полупушечного выстрела» от боевой линии под личным наблюдением корпусного штаб-доктора. Через час после начала сражения, в шесть часов утра на перевязочный пункт уже поступили свыше 200 раненых. Когда турецкие войска отступили, наши войсковые медики, оказав по-

контуженых — 2624, больных — 12 230; всего — 14 854 человека. Летальность (общая) составила 17,7 проц., летальность раненых — 14,7 проц.⁸.

К началу высадки англо-французских войск в Крыму в Русской армии имелись шесть (5 военно-сухопутных и 1 морской) постоянных военных госпиталей общей емкостью 1950 коек. Сухопутные госпитали дислоцировались в Севастополе (на 610 коек), Симферополе (на 310 коек), Феодосии (на 310 коек), Керчи (на 160 коек) и в Перекопе (на 60 коек). Морской госпиталь (на 500 коек) размещался в Севастополе. Перевязочных материалов в городе имелось только на 6 000 человек. Находившиеся здесь же четыре ВВГ оставались в свернутом состоянии. Лишь на второй день Альминского сражения, начавшегося 20 сентября 1854 года, стали спешно разворачивать сводный военно-временный госпиталь, в который доставили около 2 000 раненых⁹, однако ввиду неподготовленности госпиталя помощь им удалось оказать лишь самую минимальную.

После сражения при Альме много раненых было направлено в Севастополь, еще больше оставалось на поле сражения, так как весь отряд русских войск численностью 35 тыс. человек обеспечивался всего двумя перевязочными пунктами, на каждом из которых было по три медика с небольшим числом лаза-

ВПЕРВЫЕ в истории отечественной военной медицины почти все операции производились с применением обезболивания хлороформом

мощь на поле боя легко раненым, собрали тяжелораненых и прибыли с ними на перевязочный пункт. Последний раненый был обработан только в шесть часов вечера. Всего на перевязочный пункт поступили более 2 000 раненых и контуженых, которые после операций и перевязок на повозках в сопровождении медиков были направлены в подвижной, а затем в Александропольский госпиталь. Согласно отчету этого госпиталя, обеспечивавшего самую крупную группировку отдельного Кавказского корпуса, за первый год войны (с 17(29) октября 1853 по 1(13) ноября 1854 г.) в него поступило: раненых и

ретной прислуги и десятью подводами для перевозки раненых. Когда о том, что более 2 000 раненых в Альминском сражении оказались в отчаянном положении, лежали на земле, без медицинской помощи и даже без тюфяков, рассказали адмиралу П.С. Нахимову, то он «вдруг, как бы вспомнив о чем-то... сказал: поезжайте сейчас в казармы 41-го экипажа*, скажите, что я приказал выдать сейчас же все тюфяки, имеющиеся там налицо, и которые я велел когда-то сшить для своих матросов; их должно быть 800 или более, та-

* Ранее П.С. Нахимов командовал 41-м экипажем.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ хирурги по инициативе Н.И. Пирогова начали применять методы консервативной, «сберегательной» хирургии, впервые широко используя в этих целях предложенную великим хирургом неподвижную гипсовую повязку

щите их в казармы армейским раненым»¹⁰. Николай I в одном из писем просил главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму адмирала князя А.С. Меншикова: «Пекись о раненых, ради Бога, и призри их сколько можно...»¹¹. К сожалению, царская просьба оказалась гласом вопиющего в пустыне¹², что во многом объясняется неподготовленностью медицинской службы и неорганизованностью медицинского обеспечения, особенно в сражениях при Альме и под Инкерманом¹³.

В самые тяжелые дни обороны Севастополя в осажденный город прибыл Н.И. Пирогов с небольшим отрядом врачей и сестрами милосердия в количестве 35 человек во главе с А.П. Стахович из только что учрежденной в Петербурге Крестовоздвиженской общины. В январе 1855 года в Крым прибыли еще три группы сестер, последнюю из них возглавляла Е.М. Бакунина, о работе которой Н.И. Пирогов всегда писал с восхищением. Кроме того, в Севастополь прибыл отряд так называемых сердобольных вдов, присланных императрицей Марией Александровной.

Этот первый в мире опыт работы женского персонала по оказанию помощи раненым непосредственно в зоне военных действий, как справедливо отметил в свое время академик С.С. Юдин, «не только полностью оправдал себя и внес огромное улучшение в трудное дело военно-полевой хирургии, но беззаветное и героическое участие большой группы сестер в бессмертной севастопольской эпопее подняло на высокий пьедестал доблесть русской женщины в глазах всего цивилизованного мира»¹⁴. Имена А.П. Стахович, Е.А. Хитрово, Е.М. Бакуниной, Е.П. Карцевой, а также Д.Л. Михайловой (Даши Севастопольской) заняли почетное место в истории российской медицины.

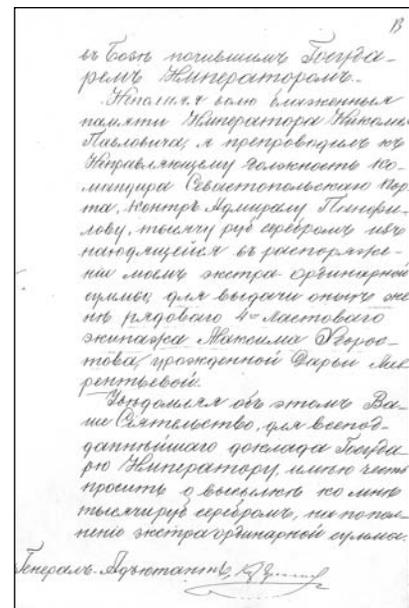
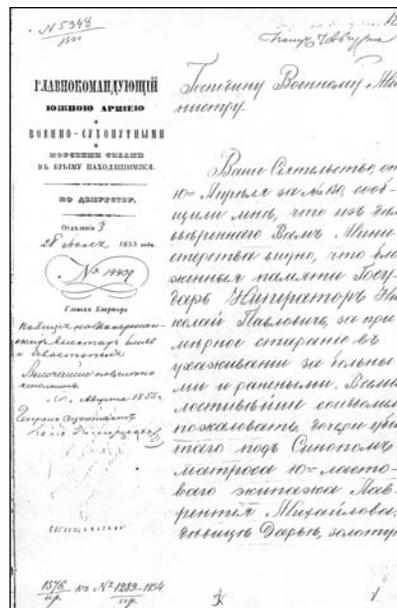
Н.И. Пирогову и его помощникам часто приходилось рабо-

тать под прямым артиллерийским обстрелом, иногда канонада непрерывно продолжалась более 10 дней. «Если уже в обыкновенной жизни, — писал Пирогов, — человек может преспокойно умереть каждую минуту, т.е. 1440 раз в сутки, то здесь, в Севастополе, возможность эта возрастает по крайней мере до 36 400 раз (число неприятельских выстрелов)»¹⁵.

МЕДИЦИНСКАЯ помощь с начала осады Севастополя была организована следующим образом. В непосредственной близости от оборонительных линий располагались передовые перевязочные пункты, или «перевязочные станции», где работали врачи и медицинский состав полков Севастопольского гарнизона. В самом городе развернули три главных перевязочных пункта — в Благородном собрании, где работал Н.И. Пирогов, на Корабельной стороне, где работал Х.Я. Гюббенет, и на Северной стороне (при

постоянном сухопутном госпитале), где работал главный хирург Южной армии Рудинский. При каждом из главных перевязочных пунктов имелись постоянные лазареты на 300—500 коек. После второй бомбардировки города передовые перевязочные пункты почти все свернули, а медицинский состав направили на главные перевязочные пункты, куда раненые поступали теперь прямо с бастионов.

На главные перевязочные пункты в дни бомбардировок поступали от четырех до пяти тысяч раненых, поэтому основная тяжесть работы по оказанию им хирургической помощи ложилась на их медицинский персонал, самоотверженно работавший под вражеским обстрелом. Об интенсивности хирургической работы на главных перевязочных пунктах свидетельствуют следующие данные. Х.Я. Гюббенет и его помощники произвели 3329 операций. По данным Н.И. Пирогова, им было произведено 5 000 ампутаций, сделано до 200 резекций локтевого сустава; Рудинский и его помощники выполнили 2025 операций¹⁶. Все операции, как правило, проводились под хлороформным наркозом. Наряду с ампутациями севастопольские хирурги по инициативе Н.И. Пирогова начали применять методы консервативной, «сберегательной» хирургии,

Документ из фонда Российского государственного военно-исторического архива о пожаловании Д.Л. Михайловой «за примерное старание в ухаживании за больными и ранеными» золотой медали с надписью: «За усердие» на Владимирской ленте и 500 рублей серебром

1855 г.

В РУССКИХ войсках в отличие от войск противника эпидемия холеры не получила развития и быстро прекратилась

впервые широко используя в этих целях предложенную великим хирургом неподвижную гипсовую повязку. Гипсовая иммобилизация способствовала дальнейшему прогрессу в военно-полевой хирургии, так как решала многие вопросы лечения и транспортировки раненых¹⁷. Широчайшее применение ее в Севастополе спасло многие сотни жизней (и конечностей!) его защитников.

Неоценимое значение для организации хирургической помощи при массовом поступлении пострадавших на главные перевязочные пункты имела впервые примененная Н.И. Пироговым в Севастополе медицинская сортировка раненых¹⁸. Основываясь на личном опыте военно-полевого хирурга и интуиции гения, он предложил делить потоки раненых на четыре группы: раненые, которым нужны лишь уход и предсмертные утешения (безнадежные, смертельно раненные); раненые, требующие абсолютно неотложной помощи; раненые, которым операция может быть отложена на следующий день или еще позднее; легкораненые, нуждающиеся только в перевязке с последующим возвращением в часть¹⁹.

После падения Севастополя Н.И. Пирогов стал работать в Симферополе, где к этому времени скопилось 12 тыс. раненых²⁰.

Много усилий требовала эвакуация скопившихся в Симферополе раненых и больных в тыл страны. Отсутствие специальных транспортных средств, достаточного количества развернутых госпиталей на путях эвакуации, неудовлетворительное питание раненых и больных, плохие дороги — все это и ряд других факторов крайне осложняли дело, что отрицательно сказывалось на общих цифрах безвозвратных потерь.

Впрочем, данные о потерях русских войск весьма разноречивы. По сведениям Х.Я. Губбенета, всего во время осады Севастополя его гарнизон потерял ранеными и контужеными 73 449 человек, а среди войск вне Севастополя — около 14 тыс. По данным Э.И. Тотлебена, общие потери Рус-

ской армии в Крыму составили 128 669 человек, из них убитыми и пропавшими без вести — 32 007. Сведения о потерях в отдельных сражениях в Крыму также отличались значительными колебаниями. Так, если в сражении при реке Альме было 3173 раненых и контуженных, что составило 16,9 проц. к боевому составу, в сражении на Инкерманских высотах — 6689 человек (37,8 проц.), то в сражении при Евпатории раненых и контуженных было всего 583 человека (4 проц.), а под Балаклавой и того меньше — 481 человек (3,9 проц.). Летальность раненых в лечебных учреждениях составляла 23,3 проц., что объяснялось тяжестью ранений и неблагоприятной госпитальной обстановкой²¹.

Информация о заболеваемости среди личного состава также противоречива. По данным Ф. Затлера, она колебалась от 10,5 до 34,9 проц. к списочному составу действующей армии, что не удивительно, если учесть низкое санитарно-гигиеническое состояние, неудовлетворительное питание, перебои в водоснабжении и т.п. Из болезней наибольшее распространение имели перемежающаяся (крымская) лихорадка, диарея, тиф. За время боевых действий в русских войсках наблюдались три вспышки холеры, занесенной из войск противника. Однако в русских войсках в отличие от войск противника эпидемия холеры не получила развития и быстро прекратилась. Летальность от холеры достигала 60 проц., от других болезней в лазаретах — 5,9 проц., а в госпиталях — 23 проц.²² Следует подчеркнуть, что и итоги работы медицинской службы армий противника в Восточную войну были далеко не блестящими. Во французской армии летальность среди больных была 33,5 проц., число умерших от болезней превысило число умерших от ран в 8 раз. В английской армии, как заметил Ф. Энгельс, «раненые находились в Балаклавке, военные врачи в Константинополе, а медикаменты в Скутари»²³. Из состава английской армии в Крыму

(97 864 человека) убиты 2755, умерли в госпиталях от ран 7848 и от болезней — 16 298 человек. Всего в госпиталях находились 144 410 больных, летальность раненых составляла 15,3 проц.²⁴.

Вместе с тем следует признать, что в целом медицинское обеспечение действующих русских войск в Крымскую войну имело много серьезных недостатков. Однако причины их в той же мере не зависели от самоотверженной деятельности военных медиков, в какой проигрыш всей кампании не зависел от героически сражавшихся солдат, матросов, офицеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семяка С.А. Медицина военная // Энциклопедический словарь военной медицины. М.: Медгиз, 1948. Т. 3. Стб. 812—813.

² Вышедший из употребления перевязочный материал: нитки, нащипанные руками из хлопчатобумажной ветоши.

³ Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб.: Тип. о-ва «Общественная польза», 1861. С. 164, 457—466.

⁴ Столетие Военного министерства. 1802—1902. Очерк развития и деятельности военно-медицинского ведомства. СПб., 1902. Т. VIII. Ч. IV. С. 8.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Как известно, первым в мире обезболивание в военно-полевых условиях применил Н.И. Пирогов во время осады аула Салты на Кавказе (1847).

⁷ Георгиевский А.С. Крымская война // Энциклопедический словарь военной медицины. Т. 3. Стб. 238.

⁸ Там же. Стб. 242.

⁹ Там же. Стб. 243.

¹⁰ Тарле Е.В. Крымская война. М.: Изд. АН СССР, 1950. С. 129.

¹¹ Там же. С. 199.

¹² Там же. С. 276.

¹³ Там же. С. 197.

¹⁴ Юдин С.С. Размышления хирурга. М.: Медицина, 1968. С. 280.

¹⁵ Пирогов Н.И. Севастопольские письма и воспоминания. М.: Изд. АН СССР, 1950. С. 92.

¹⁶ Георгиевский А.С. Указ. соч. Стб. 247.

¹⁷ Никанорин А. Н.И. Пирогов в Крыму. Симферополь: Крымиздат, 1956. С. 52—54.

¹⁸ Максименков А.Н. Николай Иванович Пирогов. Жизнь и деятельность (основные черты). Л.: ВМедА им. С.М. Кирова, 1956. С. 42, 43.

¹⁹ Пирогов Н.И. Начала общей военно-полевой хирургии. М.: Медгиз, 1941. Ч. 1. С. 23.

²⁰ Архивные материалы по медицинскому обеспечению Крымской войны 1853—1856 гг. Л.: ВММ МО СССР, 1959. Т. 1. Крымская армия (1854—1855 гг.). С. 245.

²¹ Георгиевский А.С. Указ. соч. Стб. 250, 251.

²² Там же. Стб. 251.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М.: Партиздат, 1936. Т. II. С. 143.

²⁴ Георгиевский А.С. Указ. соч. Стб. 253, 254.

**Полковник
медицинской службы
А.А. БУДКО;
Е.Ф. СЕЛИВАНОВ;
Д.А. ЖУРАВЛЕВ**

МОСКОВСКИЙ ПУШЕЧНЫЙ ДВОР В XVII ВЕКЕ

САМОЕ раннее упоминание о Пушечном дворе датируется 1525 годом и связано с постройкой Китайгородской стены и ее башен¹. Здесь уточняется местоположение завода в пределах Белого города в направлении от Троицких (Неглинских) ворот. На стабильное нахождение Пушечного двора на реке Неглинной указывает целый ряд источников XVI—XVII вв. Так, в 1547 году летописец, рассказывая о пожаре в Москве, сообщал, что «погорели за городом большой посад возле Неглимну, Пушечный двор, храм... Иоакима и Анны, Рождественская улица и монастырь Рождественской»². По свидетельству немца Г. Штадена, находившегося на русской службе в середине XVI века, сгоревший Пушечный двор вскоре был восстановлен³. Шведский дипломат Петр Петрей, бывший в Москве в 1617 году, упоминал о «великокняжеской литейной, где лют много металлических орудия и колокола»⁴. Дважды посещавший Московию в 1630-х годах А. Олеарий повествовал о литейном заводе, где «лют много металлических орудий и больших колоколов». Это же подчеркивал в 1688—1670 гг. голландский путешественник Й. Струйс, а затем — его соотечественник, посол в России в 1675 году Ван-Кленк и чешский путешественник Б. Таннер⁵. Повышенное внимание иностранцев к московскому Пушечному двору как главному арсеналу и одновременно школе, готовившей кадры русских литейщиков, объяснялось особым интересом к военному потенциалу России⁶.

Несмотря на то, что Пушечный двор всегда притягивал чрезмерное любопытство посещавших Москву иностранцев, они ничего не могли о нем написать, кроме нескольких скупых слов об общем его виде и производимой продукции. Московское

правительство, очевидно, умело хорошо охранять свои секреты, так как на протяжении XVI—XVII вв. никому из иностранцев так и не удалось представить подробного плана московского пушечного завода.

На всех планах Москвы XVII века, оставленных иностранцами, местоположение Пушечного двора всегда отмечается особо. На древнейших планах Москвы — Годуновском (1600—1605 гг.) и Сигизмундовом (1610 г.) он изображен в виде двух разной величины конусообразных башен и нескольких мастерских, обнесенных стеной. Также весьма схематично выглядит он и на чертежах И. Массы начала XVII века, А. Олеария (1634 г.) и А. Мейерберга (1662 г.).

В XVII веке московский Пушечный двор уже занимал значительную территорию, находясь между Театральным проездом и Пушечной улицей, Неглинной и Рождественкой. С 1620-х годов в связи с введением в производство новшеств здания Пушечного двора перестраивали, началось его расширение. Так, в 1623 году к уже существовавшему кузнюцам пристроили новую, которая работала при помощи водяного двигателя⁷. Это был первый известный случай применения в Москве водяной энергии в металлургии.

Доказательством того, насколько большое значение правительство придавало Пушечному двору, является замена в начале 1640-х годов его деревянных зданий на каменные. Причем производилось это в то время, когда стены Кремля все еще стояли обветшалыми. Царь Михаил Федорович «полату превелику создал, где большое оружие делаху, еже есть пушки, и на ней постави своего царского величества

знамя — орел позлащен»⁸. Но на этом расширение завода не остановилось: каменные производственные помещения сооружались и позднее, в результате чего во второй половине XVII столетия Пушечный двор представлял достаточно сложное для своего времени и оснащенное по последнему слову техники предприятие. Это хорошо видно на дошедшем до нас специальном чертеже Пушечного двора, помещенном в книге В. Ламанского⁹. Площадь главного литейного предприятия страны во второй половине XVII века составляла 1,37 га. В 1670-х годах из Кремля на Пушечный двор был переведен Пушкарский приказ, для которого построили специальное здание с отдельными воротами.

В документах конца XVII века изредка встречается название «Пушечный двор на Лубянке» — это другое название старого пушечно-литейного двора, получившего дополнительное земельное пространство, доходившее до Лубянки. Пушечный двор представлял тогда значительных размеров литейный завод со всем присущим такому предприятию комплексом сооружений и вспомогательных мастерских.

Пушкарский приказ имел несколько специально оборудованных дворов, на которых хранились различные «припасы», необходимые для производства отливок. Самое нужное находилось на территории двора, а все недостающее выписывали с других ведомственных складов. Главными из них в XVII столетии были Мстиславов и Цареборисовский дворы, Васильевский лужок.

Мстиславов двор вместе с амбарами после смерти его владельца — князя Федора Мстиславского был передан Пушкарскому приказу (1622 г.).

Приспособленный под склад старых запасов и испорченных орудий, которые снимались с городского вооружения, к 1660-м годам Мстиславов двор утратил значение оружейного склада. К 1670-м годам двор был отобран у Пушкарского приказа, его палаты разобрали и в 1675—1680 гг. построили здания Стрелецкого, Поместного приказов и приказа Казанского дворца¹⁰.

Цареборисовский двор, или бывший двор Бориса Годунова, был передан Пушкарскому приказу в 1635 году¹¹. Располагался он в центре Кремля и занимал «более чем треть Троицкой улицы и выходил углом на Никольскую улицу, по которой также простирался почти до Соборной площади»¹². В добротном сделанных каменных подвалах двора хранились артиллерийское вооружение, боеприпасы, медь, олово и т.д. Здесь также находилось всякого рода оборудование — «снасти»¹³. Необходимые материалы с этого склада по требованию из Приказа отпускались на Пушечный двор¹⁴. Новоотлитые орудия складывали в пушечных амбарах между Неглинными воротами и Глухой башней, а также «позади Иконного ряда»¹⁵.

Своих складов Пушкарскому приказу было недостаточно, и поэтому использовались соответствующие помещения других ведомств — подвалы в Вознесенском монастыре в Кремле¹⁶ и подклеты Покровского собора на Рву, а также помещения во дворе боярина Никиты Романова¹⁷. Имуществу приказа, хранившемуся на всех его складах, вели точный учет и записывали в специальные книги. К сожалению, сохранились лишь те из них, которые относятся ко второй половине XVII века¹⁸.

Среди начальников и мастеровых приказа было немало образованных людей, знакомых и с западноевропейскими техническими руководствами. Имелась своя библиотека, богатая научно-техническими изданиями.

Показательно, что в 1637 году по указу боярина Б.И. Морозова для обучения царевича Алексея Михайловича из нее во дворец взяли 29 иностранных книг (по геометрии, арифметике, астрономии, градостроению). С.К. Богоявленский в своем исследовании по истории приказа привел их полный список. Он сообщил об известных по другим источникам двух книгах, присланных в Пушкарский приказ из приказа тайных дел: «О Оружейном дому, в чем были устроенными нарядом и всяким ратным припасом» и «Книге о наряде и о огнестрельной хитрости». В числе руководств в библиотеке хранилась также «Роспись образцовым артиллерийским пушкам со всякими запасы, что к тому строению надобно и почему те пушки ценою стали»¹⁹.

О производственной мощи Пушечного двора в XVII веке можно составить примерное представление по наличию занятых в нем мастеров, их учеников и вспомогательных рабочих. Число лиц в каждой конкретной должности было определено специальным положением, и новый служилый человек мог поступить на службу только на освободившееся место. Комплектовались кадры приказа прежде всего родственниками служилых, а затем «вольными», «охочими» и «гулящими» людьми.

Все работники Пушкарского приказа входили в кадровый состав «служилых» людей, в силу чего были освобождены от тягла, получали в ведомственных слободах землю «под дворовые и хоромные строения» и двойное жалование: денежное — заработную плату и хлебное — натуральными продуктами. Последняя часть иногда выдавалась деньгами по государственным расценкам. В свободное от работы время литейщики занимались ремеслами и торговлей. Служащие Пушкарского ведомства считали себя подчиненными только своему Приказу и не выполняли общих распоряжений, не подтвержден-

ных их непосредственным начальством. По этой причине в 1638 году при очередной переписи всех жителей Москвы, способных носить оружие, некоторые пушкарские и другие мастеровые люди приказа, жившие в Пушкарской слободе, не дали переписать свои дворы²⁰.

Начальниками Пушечного двора обычно были два человека, носившие звание голов. Пушкарский голова, как написано в «Воинской книге» А. Михайлова, должен был быть «тутошней земли уроженец, доброй сын боярской или дворянин», обязательно «воинской человек, грамотный и искусный», а также «у пушечного, колокольного и всяких литейных дел беспрестанно»²¹. Следующим чином шли дьяки, которых также было двое. Они вели всевозможную документацию.

На первом месте среди производственников московского Пушечного двора в конце XVI — начале XVII века стояли пушечные и колокольные литцы. Они являлись знатоками и техническими руководителями производственного процесса на всех его этапах. В середине 1610-х годов в штате появилась должность пушечного и колокольного мастера, которую до конца 1620-х годов занимал Андрей Чохов, между тем как все другие литейщики назывались литцами. Они являлись основными специалистами по изготовлению пушек и колоколов. Каждый из них должен был знать технику отливки и тех, и других, поэтому объем их знаний был весьма обширным. До конца 1620-х годов на московском Пушечном дворе звания мастера, возглавлявшего группу литейщиков и руководившего всем литейным процессом, удостоивались только специалисты высочайшей квалификации или иностранные литейщики.

Кроме производственников в штате Пушечного двора состоял своего рода «научный работник» — пушкарских дел мастер. Эту должность в 1620-е годы занимал Анисим Михайлов Радишев-

ский²². Происходивший из служилых людей Пушкарского приказа, А.М. Радишевский являлся составителем «Воинской книги» («Устав ратных пушечных и иных дел, касающихся до воинской науки»). Сведения об этом интересном человеке довольно разнообразны. Так, в 1622 году он руководил устройством тайника и колодца в Путивле, а через год — прудов в дворцовом селе Рубцове²³. После смерти А. Чохова (1630 г.) и А. Радишевского (1631 г.) в течение нескольких лет должность колокольного и пушечного мастера оставалась вакантной, а должность пушкарских дел мастера вообще была упразднена.

Не найдя замену А. Чохову среди соотечественников, на его место в Москве решили пригласить иностранца. В литературе не раз высказывались различные предположения, почему это произошло, так как к началу 1630-х годов в штате Пушечного двора состояли вполне зрелые литейщики, обладавшие достаточным опытом в отливке и пушек, и колоколов. Их профессиональная деятельность вполне обеспечивала потребности российской армии в артиллерии и нужды православных монастырей и храмов в колоколах²⁴.

Скорее всего, главная причина приглашения на русскую службу иностранных специалистов-литейщиков состояла в сознательной подпитке отечественного ремесла европейским техническим опытом. Так, около 1630 года из Швеции в Москву приехал пушечный мастер Юлиус Койет с сыном Антоном, которым было поручено делать на Пушечном дворе «пушки медные и кожаные», т.е. складные — новинка, введенная в артиллерию шведским королем Густавом Адольфом²⁵. Однако, согласно Кильбургеру, из 104 отлитых Ю. Койетом пушек после испытаний осталось только 32, остальные «на первой пробе разорвало»²⁶.

Эти неудачи, по-видимому, побудили российское правительство искать за границей более опытных мастеров. На этот раз выбор пал на нюрнбергского мастера Ганса Фалька, что было не случайным, поскольку наиболее передовыми технологиями в производстве вооружения в то время обладала Германия, а немецкие мастера-пушечники преуспели в этом искусстве более всего. Нюрнберг же в средневековой Германии был центром металлургической промышленности и по своему значению являлся вторым городом после Мюнхена.

Г. Фальк приехал в Россию уже немолодым, в начале 1630-х годов ему было около 55 лет. Обладая богатым опытом, прежде всего в отливке артиллерийских орудий, он к этому времени был известен и знаменит не только у себя на родине.

Сохранившиеся документы не указывают точного дня приезда Г. Фалька в Россию. Самая ранняя дата, под которой его имя упоминается в стране, — это апрель 1636 года²⁷.

По всей видимости, Г. Фальк был первым среди литейных специалистов Пушечного двора, который во второй половине 1630-х годов звался пушечным и колокольным мастером. Среди русских литейщиков первым после А. Чохова звания мастера был удостоен Данила Матвеев²⁸. В этой связи интересно отметить, что до середины XVII века производство артиллерийских орудий и колоколов на московском Пушечном дворе осуществлялось одними и теми же литейщиками. Разделение на пушечных и колокольных литцов существовало только на бумаге. Например, числившиеся в конце XVI века пушечными литцами Андрей Чохов, Русин Евсеев и Семен Дубинин²⁹ отливали и колокола. Подобная практика наблюдалась, по сохранившимся документальным источникам, на протяжении всей первой половины XVII века. В этом смысле универсалами были Игнатий Максимов, Кондратий Михайлов,

Григорий Наумов, Алексей Никифоров, Кирилл Самойлов, Данила Матвеев, Никифор Баранов и др.

При росте производительных сил в литейной отрасли, естественно, росли и кадры Пушечного двора. Постепенно их дифференциация стала проявляться все ярче. По-прежнему в обязанности каждого литейщика входило руководство подготовительной, литейной и отделочной работами по изготовлению начатого им изделия. В конце 1630-х годов на Пушечном дворе уже числились 5 пушечных мастеров (учеников — 37); колокольных литцов — 2 (учеников — 14). Максимальное количество пушечных и колокольных мастеров-литейщиков на московском Пушечном дворе зарегистрировано в 1683 году. «Расходная книга» приказа за этот год перечисляет их поименно: «Пушечные мастера Мартьян Осипов, Яков Осипов Дубинин, Харитон Иванов, Пантелей Яковлев, Осип Иванов, Евсевий Данилов, Прохор Иванов, Яков Левонтьев; ...колокольные мастера Федор Дмитриев, Василий Левонтьев, Яков Левонтьев»³⁰.

Необходимыми сотрудниками всех литейщиков являлись плавильные мастера. В их задачи входило приготовление сплава для отливки орудий и колоколов — бронзы, а также извлечение из земли залившейся в литейные ямы меди и ее переплавка. Большой подсобный отдел производственников составляли кузнецы. Московские «казенные пушечные кузнецы», как они назывались иногда, были организованы в отдельную рабочую структуру и имели своего представителя — «кузнецкого старосту». К металлистам Пушкарского приказа относились также паяльники, пильники и чищельщики. Первые припаивали к изделиям отдельно изготовленные украшения, пильники делали пилы и зубила для чистки отлитых орудий и колоколов, чем и занимались чищельщики.

В производстве Пушечного двора с течением времени появились новые черты, свидетельствующие о развитии самой организации труда на последнем этапе производства — отделке и украшении вылитых изделий. Соответственно этому в штат к концу первой четверти XVII века включили новых специалистов — резцов всяких дел, знаменщика (художника) и чертешника (чертежника).

И, наконец, к самым различным «черным» работам привлекались в значительном числе ярыги, которые мяли глину, секли дрова, «метали» их в печь, копали литейные ямы, откапывали из них отлитые колокола, которые затем и чистили.

Было бы несправедливо не упомянуть такую категорию служилых людей, как пушкарри, которые выполняли самую разную работу. В круг их общих обязанностей входила «пушкарская служба всякая зимняя и летняя, годовая и временная, походная и посылочная». Они служили на Пушечном дворе на зеленых мельницах, где делали «всякие пушечные, и колокольные, и плавильные, и зеленые, и фитильные дела»; бывали «на службах» в полках, руководимых боярами и воеводами, служили «во всяких посылках», стояли на караулах³¹.

Практически все мастеровые люди жили в Пушкарской слободе. Находилась она в Земляном городе за Сретенскими воротами и занимала обширное пространство, ограниченное рекой Неглинной, Белым городом, Большой улицей, по которой шла дорога во Владимир, и Стрелецкими слободами. В Пушкарской слободе были две улицы — Большая (она же Сретенская, а ныне ул. Сретенка) и Сергиевская (от церкви Св. Сергия в Пушкарях) и семь переулков, из которых только один назывался Сергиевским (ныне это примерно следующие переулки: слева из центра — Печатников, Колокольников, Большой и Малый Сергиевские, Пушкарев, Большой Головин; справа — Рыбников, Аще-

улов, Луков, Просвирин, Малый Головин, Селиверстов, Даев и Панкратовский), а остальные шесть были пронумерованы от «первого» до «шестого» и по ним получили свои названия³².

Деятельность московского Пушечного двора в XVII веке можно разделить на следующие периоды: 1600—1605 гг. — когда двор представлял собой скорее промышленное предприятие типа простой кооперации, чем мануфактуру, но с большей концентрацией и средств производства, и подсобной рабочей силы; 1605—1613 гг. — нарушение его деятельности в связи со Смутой и иностранной интервенцией; 1614—1629 гг. — восстановительный период; 1630—1654 гг. — время роста производительности труда, связанного с накоплением опыта, улучшением организации работ; вторая половина XVII века — время постепенного перехода Пушечного двора только на военную специализацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XX. СПб., 1910. С. 429.

² Там же. С. 471.

³ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925. С. 105.

⁴ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 147.

⁵ Там же. С. 164, 174, 47.

⁶ Сытин П. Пушечный двор в Москве в XV—XVII вв. // Московский краевед. Вып. 2(10). 1929. С. 35.

⁷ Дополнения к Дворцовым разрядам // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). Кн. III. С. 161.

⁸ Забелин И. Е. История города Москвы. Ч. I. М., 1905. С. 165.

⁹ Ламанский В. Сборник чертежей и окрестностей г. Пскова XVII ст. // Записки русской и славянской археологии. СПб., 1865. Т. II. № 17.

¹⁰ Лобин А. Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 56.

¹¹ Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 17. Оп. 1. Д. 129, 144, 145, 153.

¹² Богоявленский С. К. О Пушкарском Приказе // Сборник статей в честь М. Ж. Любавского. Пг., 1917. С. 381.

¹³ Описание актов собрания графа А. С. Уварова // Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М., 1905. № 153, 167, 171.

¹⁴ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 1. Оп. 1. Д. 50.

¹⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1842. С. 282; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 532. Ч. 3. Д. 2232.

¹⁶ ГИМ ОПИ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 379. Л. 46.

¹⁷ Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 381, 382.

¹⁸ Архив Санкт-Петербургского института российской истории РАН (СПб ИРИ РАН). Ф. 175. Оп. 1. Д. 264; Архив ВИМАИВиВС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21.

¹⁹ Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 35.

²⁰ Беляев И. С. Росписной список г. Москвы 1638 г. // Труды Московского отделения Императорского Русского военно-исторического общества. Т. I. М., 1911. С. 218.

²¹ Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1782. Гл. 222.

²² Лебедевская А. П. Пушкарский приказ. Опыт изучения организации артиллерийского ведомства, управления и производства в Московском государстве в XVII веке. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949—1950. С. 120.

²³ Дополнения к дворцовым разрядам // ЧОИДР. Кн. III. № 322, 323, 340.

²⁴ Шаскольский И. П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб., 1998. С. 44.

²⁵ Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е. Ч. I. М., 1962. С. 227.

²⁶ Куриц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 74.

²⁷ Архив СПБИРИ РАН. Ф. 175. Оп. 3. Кн. 27. С. 684.

²⁸ ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 2. Ед. хр. 11. Д. 1170; Д. 377/23.

²⁹ Архив СПБИРИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

³⁰ Рубцов Н. Н. Указ. соч. С. 53.

³¹ Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Н. В. Калачевым. СПб., 1857. Т. I. № 306; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. X. СПб., 1870. № 93.

³² Переписи московских дворов XVII столетия. М., 1896. С. 67—72.

А. Ф. БОНДАРЕНКО

ВСПОМИНАЯ 1937 ГОД

А.Н. ГУРКОВСКИЙ

Автор воспоминаний — комиссар Горьковского бронетанкового училища имени И.В. Сталина
1935 г.

В ПОГОЖИЕ дни начала лета 1937 года проходила Московская областная партийная конференция. Протекала она активно, отражая сплоченность большевиков, возглавляемых Никитой Сергеевичем Хрущевым¹. Мне хорошо запомнилась крепко сколоченная, подвижная, с неумной энергией и волей фигура первого секретаря. Сообщение о «разоблачении» и аресте «врагов народа» Тухачевского, Якира и других, естественно, вызвало горячие отклики и с трибуны, и в кулуарах.

В перерыве работы первого дня конференции я встретил моего друга Модеста Гринберга, отличавшегося всеми достоинствами военного политработника и товарища. В начале двадцатых годов он был комиссаром дивизии червонных казаков, а я под его руководством командовал полком. Ныне в звании корпусного комиссара он возглавлял политуправление авиации дальнего действия. С чувством горечи он отметил, что праздничное настроение омрача-

В последующие дни конференции Гринберга я не встречал и поэтому спросил у авиаторов, где он и что с ним? Ответ ошеломил меня: Гринберг разоблачен и арестован как враг народа. Я до глубины души возмутился его лицемерием и маскировкой. А затем я все чаще и чаще слышал о репрессированных знакомых, товарищах и друзьях. Горечь и боль за этих недавно таких близких людей сменялась чувством гнева и осуждения. Так диктовали высший интерес, любовь к Родине и партии. Такие чувства и настроения разделялись всеми советскими людьми.

В конце августа мы с женой отдыхали в Сочинском военном санатории. Волна репрессий докатилась и до Черноморья, поглощая прибывших на лечение. Вернулся я из Сочи в ночь на 19 сентября. От шофера, который приехал за мной по собственному почину, я узнал, что от должности меня отстранили, а моим преемником назначен Шавров, всегда отличавшийся безволием, беспечностью и неумением организовать работу. Сейчас,

чевым и Я.Б. Гамарником², а также о безмерном их восхвалении. В другом заявлении Накожный сообщал в парторганизацию, что, несмотря на серьезные сигналы, я не принял мер к незаслуживающему доверия Парашубскому и вместо разоблачения взял его под защиту.

Мои объяснения слушали молча, с вниманием, но недоверчиво.

Первым с горячностью выступил в прениях автор второго заявления. В резкой и оскорбительной для меня форме он утверждал, что моя «связь с врагами народа» и защита Парашубского не случайны и взаимно связаны. Мою нетерпимость к недостаткам и горение на работе он расценил, как прием маскировки. Повторяя на различные лады сказанное Накожным, выступили и остальные. Все соглашались с его предложением исключить меня из партии за связь с «врагами народа». Заключал прения Шавров. Медленно, цедя слова сквозь зубы, он сказал, что я неискренен и утаиваю свои настоящие отношения с Я.Б. Гамарником и Г.И. Векличевым, и поэтому двух мнений о моем пребывании в партии быть не может.

После единогласного решения о моем исключении из партии, отдавая председателю партбилет, я выразил убеждение, что допущенная собранием ошибка рано или поздно будет исправлена. Ушел с тяжелой мыслью о том, что это предательское мероприятие.

Квартира моя находилась при Доме офицеров. Попасть в нее можно было лишь через центральный вход, пройдя длиннющие коридоры. Естественно, при создавшихся обстоятельствах прожить в ней не представлялось возможным. Поэтому начались сборы к отъезду в Горький, которые усиливали подавленность и тревожное состояние. Знакомые при встрече в городе старались не замечать меня, переходили на другую сто-

ПОСЛЕ единогласного решения о моем исключении из партии, отдавая председателю партбилет, я выразил убеждение, что допущенная собранием ошибка рано или поздно будет исправлена

ют последние события. Не скупясь на крепкие выражения, он добавил, что вскрытие и пресечение вражеской деятельности виднейших руководителей армии равнозначно крупной стратегической победе в войне. С ним нельзя было не согласиться, ибо трудно представить ту беду, которую могли принести заговорщики в момент военных испытаний, если бы их не обезвредили. К нашему чувству возмущения изменой примешивалось недоумение, как и почему столь заслуженные, облеченные большим доверием люди могли так низко пасть и стать на позорный путь предательства?

¹ Краткая биография автора воспоминаний опубликована ранее (см.: Воен.-истор. журнал. 2005. № 4.) Полностью воспоминания А.Н. Гурковского см.: Воен.-истор. журнал. Интернет-приложение. 2006. № 1 (www.mil.ru).

не без основания, я полагал, что мои представления на снятие Шаврова стали рекомендацией для его выдвижения. Утром следующего дня меня вызвали на партсобрание для рассмотрения моего персонального дела.

Когда я вошел в кабинет, секретарь партбюро Осокин сидел на председательском месте, рылся в портфеле и как-то невнятно предложил мне садиться. Общий разговор умолк, каждый делал вид, что занят газетой или своими бумагами. Лишь инструктор по партучету Накожный, отличавшийся угодничеством, ерзал на стуле и вызывающе смотрел на меня.

Я сел, и председатель приступил к делу. Он зачитал два «разоблачивших» меня заявления. В одном из них Марков, работавший в 1932—1933 г. моим заместителем в Горьковском бронетанковом училище, в адрес политуправления сообщал о моих «связях и близких отношениях» с «врагами народа» Г.И. Векли-

рону улицы или так озабоченно и скупно здоровались, что становилась понятной нежелательность встречи. Мыслилось, что это не опасение навлечь на себя какую-либо тень, а естественное отношение советских людей к тем, кто шел по чуждой им дороге. Казалось, что ты объект всеобщего подозрения и осуждения. Так в эти дни удалось познать одиночество и отчужденность в своей родной среде.

25 сентября в середине дня я пришел домой с вокзала, где выяснял возможность отправки семьи с багажом в Горький. Усталая от волнений и сборов жена не успела пригласить обед, как дверь открылась и в квартиру вошли трое оперативных работников особого отдела. Один из них предъявил мне ордер на арест, а затем начался личный обыск и обыск квартиры.

Ареста я ждал. Но само это событие, процедура обыска и состояние семьи произвели на меня неизгладимое впечатление. Жена Рита безмолвно стояла у стола и застывшими глазами смотрела в окно. Побелевшее лицо окаменело, слегка подергивались высохшие губы, глаза заволокли набежавшие слезы. Двухлетний сын Владилен притих, прижавшись в испуге к бабушке. Никогда жена и сын не были мне так близки и дороги, как в этот момент. Их беспомощность и сиротливость вызывали беспокойство и жалость. Мелькнул укор: как мало я уделял внимания семье. Преодолевая сухость во рту, стараясь быть спокойным, я сказал жене: «Родная, сейчас совершается ошибка. Никогда не сомневайся в том, что я преступления не совершал, и моя совесть перед Родиной и партией чиста. Пройдет время, все выяснится, и мы вновь будем вместе. Езжай к матери и жди меня».

Лежащими на столе ножницами я срезал петлицы и звезды с рукавов и сказал уполномоченным: «Не вы давали мне знаки различия, не вам их и снимать. Настанет время, и они вновь займут свое место». Я не представлял тех испытаний, что ждут меня, но и не сомневался в благополучном исходе дела.

Взяв сына на руки, убитая горем жена сквозь слезы сказала ему: «Поцелуй папу, может быть, долго не увидишь его». Точно понимая беду, сын обнял меня ручонками и горько зарыдал. Меня поторапливали. Последнее объятие обессиленной жены, поцелуй посиневших губ, и я с заранее приготовленным чемоданчиком, накинув на плечо шинель, быстро зашагал под конвоем. По длинному коридору Дома офицеров меня провожали колючие, недоуменные, а то и встревоженные глаза. У самого выхода на улицу я услышал возмущенный голос Накожного: «Подумать только, сколько маскировался враг народа!»

Представление о следственной процедуре у меня всегда было неопределенное. Однако то, с чем я столкнулся с первых минут появления в кабинете следователя Вырлана, превзошло все самые худшие опасения. Наскоро заполнив анкету, один из арестовывавших так ввел меня в курс следствия: «Вы заклятый враг народа. Ваша подрывная деятельность пресечена блестящей работой НКВД. Вам есть, что рассказать о себе и своих соучастниках по преступлению, это бесспорно. Следствие поручено вести самому начальнику особого отдела. Не думайте делать глупости и запираться. Бессмысленное занятие. Вырлан не таких раскалывал, и еще не было случая, чтобы он не добивался признания. Но лучше всего по-хорошему. И для вас же лучше. Так еще есть надежда сохранить жизнь». Пронзительным голосом он подал команду: «Встать, смирно!» А затем ра-

жающихся врагов народа расстреливают, и это право предоставлено органам НКВД. Только признание может облегчить мою участь и спасти жизнь. Ошеломленный, я ничего не отвечал.

Взбешенный Вырлан нажал на кнопку, и в кабинет вошли несколько его подчиненных. Ткнув в меня пальцем, он обратился к ним: «Полюбуйтесь этим прожженным троцкистом. Он утверждает, что арестован по ошибке. НКВД, видите ли, ошибается, а он — сплошная невинность, и его не завербовали. Как вам это нравится?» В ответ посыпались восклицания: «Он обнаглел! Рассчитывает, что здесь дураки», «Да ну? Опытный враг!», «Все ли у него дома?», «Да это же курам на смех!», «Кто же поверит врагу?», «Плохо представляет, где находится!», и все в таком роде. Реплики перешли в коллективный нажим, дикую свистопляску, в настоящую психическую бомбежку. Каждый из них требовал

АРЕСТА я ждал. Но само это событие, процедура обыска и состояние семьи произвели на меня неизгладимое впечатление

портовал своему начальству, что враг народа бывший бригадный комиссар арестован и доставлен для допроса.

Вырлан презрительно оглядел меня, сверлящим взглядом уставился в мое лицо и произнес: «Вы, конечно, знаете, за что вас арестовали?» «Нет, не знаю. Я преступлений не совершал», — ответил я. «Знаковая песня всех врагов народа. Зарубите себе на носу: НКВД не ошибается, и нечего здесь разыгрывать наивность». — «Но в данном случае имеет место ошибка». — «Ошибка небольшая действительно имеется, но состоит она в том, что с опозданием арестовали такого троцкистского зубра, как вы. А сейчас придется отвечать за свои преступления».

С этими словами Вырлан сел за стол, тряхнул своей пышной шевелюрой, и его красивое смуглое лицо выразило желание внимать моим показаниям. Я недоуменно смотрел на него и не находил слов.

Тогда Вырлан придвинул к себе лист бумаги, взял ручку и продолжил: «Нас интересует, когда и кем вы завербованы в организацию военного заговора». Меня точно обухом оглушили, я молчал. Вырлан нервничал: «Жду ответа. Запирайтесь бесполезно. Все равно расколем». «Такая организация мне неизвестна, и никто никогда меня не вербовал», — ответил я. Вырлан вскричал с перекошенным лицом и закричал: «Признавайся, вражий выродок! Все равно заговоришь!» А затем, сбавив тон, угрожающе сказал, что не разору-

признания, разоружения, советовал на коленях просить пощады. Эти требования сопровождались различными угрозами. Вырлан подошел ко мне сзади, постучал пальцем по голове и под общее одобрение произнес: «Будет запираться — просверлим здесь дырку!»

После «психической атаки» подчиненные вышли, а их начальник посадил меня за столик, дал бумагу, ручку и предложил собственноручно писать признательные показания. Сам же, точно по делу, вышел в другую комнату. Голову заволокло туман, во рту все пересохло. Возмущение, чувство отвращения ко всему происходящему переключалось с одной мыслью: неужели это конец всему, и положение безвыходное? Я осмотрелся и невольно обратил внимание на схему, лежащую на письменном столе Вырлана. Она хорошо в деталях просматривалась. В верхней части схемы имелся залитый коричневой тушью кружок с пояснением: центр руководства, Гамарник. От него шли ответвления к черным кружкам, а на третьей ступени, у желтого кружка — моя фамилия. В правом углу схемы почерком чертежника излагались цели и задачи «политического ответвления военного заговора». При всей своей подавленности я сразу же сообразил, что имею дело с подсказкой, конспектом для собственноручных признательных показаний.

Вернувшись в кабинет, Вырлан будто не обратил внимания на то, что я не дотронулся до бумаги. Небрежно бросил мне небольшую

брошюру — показания В.М. Примакова³, легендарного командира червонных казаков, моего бывшего комкора. Перелистывая и читая их купюрами, я поражаюсь страшным преступлениям и планам заговорщиков, к которым с такой настойчивостью причислял меня Вырлан. Но я хорошо знал мужественного Примакова, кое-что уже успел наблюдать на следствии, и у меня возникло сомнение в правдивости его «показаний», которые, как и схема, играли в допросе Вырлана служебную роль.

На четвертые сутки без сна и еды возникла полная апатия ко всему, кроме одного, казалось, неодолимого желания: прилечь, вытянуться и заснуть. Но сознание подсказывало, что все это лишь прелюдия, и требуется мобилизовать усилия и волю.

Так оно и случилось. Заполночь является чисто выбритый Вырлан. Я уже едва держусь на слабых, одеревенелых ногах. С шумом и угрозами Вырлан подталкивает меня к столу, дает ручку и требует подписи под небольшим заранее заго-

овладели полное отупение и апатия, смысл происходящего не вызывает тревоги и остроты чувств. Мелькает мысль: «Лучше такой конец, чем путь лжи и терзания». Я отклоняю ручку и отказываюсь от подписи. «В подвал, расстрелять!» — командует Вырлан.

С трудом передвигая ноги, следую за сопровождающими. Небольшая лестница приводит в слабоосвещенный подвал. На ходу последнее предупреждение и еще один отказ от подписи. Меня с силой вталкивают в сплошную темноту, гремит засов. Голова упирается в потолок. Сыро и мерзко. Воздух — спертый, тяжелый. Соображаю, что нахожусь в карцере. Я тут же заснул.

Спустя какое-то время я вновь был доставлен в кабинет Вырлана. Без крика и нервозности он задавал простые, обыденные вопросы. Вроде того, с кем я работал и поддерживал связь, знал ли я таких-то или такого-то, и какие у меня были с ними взаимоотношения. На все эти вопросы я безотказно отвечал, подчеркивая, что связи и взаимоотношения у меня были сугубо служебные и деловые. Впоследствии, при ознакомлении с делом, я установил, что при помощи ножниц, клея, подписей и приписок в протокол были внесены вопросы и ответы о моих преступных связях с теми, кто оказался репрессированным.

Закончив допрос, Вырлан по телефону вызвал конвоира и еще раз потребовал, чтобы я реально взвесил обстановку и поразмыслил над повинной. С таким напутствием я под конвоем был отправлен в камеру для подсудимых. Надзиратель молча обыскал меня, срезал брючные крючки и пряжки.

ЛУЧШЕ такой конец, чем путь лжи и терзания

Ознакомление со следственными документами послужило новым поводом для давления и нажима. Вырлан настойчиво внушал, что преступная деятельность изменников Родины мне известна не хуже чем Примакову, и что, если он, один из лидеров, признался, то что же говорить обо мне, тем более что против меня собраны неотразимые доказательства. На мое замечание, что, кроме положительного материала о моей деятельности, ничего быть не может, Вырлан заметил, что положительная работа — всего лишь маскировка, к которой прибегают враги.

С наступлением темноты меня перевели в другую комнату. Посадили на край табурета, руки обвязали держать на коленях и включили следственный конвейер. Время шло, менялись следователи, а я обязан был внимать словам: признавайся, гад! Пиши, троцкистская паскуда! и т.д.

товленным протоколом, в котором сказано, что я прекращаю записываться и признаю свою преступную деятельность против партии и государства. Это результатов не дает, он вызывает оперуполномоченного и диктует, с ссылкой на какой-то указ, постановление о немедленном расстреле. Подписав постановление, он отправляет его на утверждение своему руководству, а пока что, измеряя кабинет шагами, в разных вариантах выражает свой гнев и мысли: «Понянулись, и хватит! Моя совесть чиста — угваривал, убеждал, но все бесполезно. Для троцкистского выродка, лишённого чести и совести, пригодно одно средство — смертная казнь. Не признается — черт с ним. В подвал, расстрелять! Туда ему и дорога».

Вновь появляется постановление, уже оформленное какими-то подписями, печатью. От меня требуется окончательный ответ. Мной

ХРОНОГРАФ

4 октября 1916 года был основан город и порт Романов-на-Мурмане, с 1917 года стал называться Мурманск.

7 октября 1911 года родился Сергей Степанович Маряхин (дер. Тоторшево, ныне Ардатовского р-на Нижегородской обл.), генерал армии (1968). Великую Отечественную войну начал командиром танкового батальона, закончил командиром 68-й гвардейской танковой бригады 1-го Украинского фронта. В 1963—1967 гг. командовал Северной группой войск и войсками Белорусского военного округа. В 1968—1972 гг. — начальник Тыла Вооруженных Сил СССР (заместитель министра обороны). Умер 15 июня 1972 года.

9 октября 1941 года ЦК ВКП(б) принял постановление о создании на местах комитетов по обслуживанию больных и раненых бойцов и командиров Красной армии. Комитеты создавались в республиках, краях, областях и районах из представителей партийных, советских, военных органов и общественных организаций.

9 октября 1901 года родился Михаил Ильич Казаков (дер. Великуша, ныне Кичменгско-Городецкого р-на Вологодской обл.), генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1978). В Красной армии — с 1920 года,

участник Гражданской войны. С 1931 года — на штабной работе, затем командир полка. В 1936—1941 гг. — начальник штаба военного округа. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба 53-й Отдельной армии, Брянского и Воронежского фронтов. С 1943 года — командующий 69-й армией, а затем 10-й гвардейской армией. После войны — начальник штаба и командующий войсками ряда военных округов. С 1956 года — командующий Южной группой войск, а с 1960-го — войсками ЛВО. В 1965—1968 гг. — начальник штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского договора. Умер 25 декабря 1979 года.

12 октября 1771 года в Санкт-Петербурге родился Михаил Андреевич Милорадович, российский государственный и военный деятель, генерал от инфантерии (1809). На военной службе — с 1787 года. Образование получил за границей. С 1780 года обучался в Кёнигсбергском университете, затем изучал военные науки в Страсбурге и Меце. После возвращения в Россию в 1787 году произведен в прапорщики. С 1788 года служил в лейб-гвардии Измайловском полку, с 1798 года — командир Апшеронского мушкетерского полка. Участвовал в войнах со Швецией, Турцией, Францией. С декабря 1810 года — киевский военный губернатор. В начале Отечественной войны 1812 года в районе Калуга, Волоколамск, Москва руководил формированием резервных войск, с которыми присоединился к

Все даты приводятся по новому стилю

В камере полумрак, воздух спертый, душно. С моим появлением с нар приподнялись встревоженные обросшие лица. Потеснились, и я, не раздеваясь, как и остальные, лег на соломенный матрац. Организм требовал отдыха, но беспокойство и тоскливое чувство гнали сон. А тут еще приглушенные вопросы: кто я, давно ли арестован, что слышно на свободе? — Кто они? Враги? Или так же, как и я? Стук и приглушенный голос: «Прекратить разговоры» — водворил тишину. Я впал в тяжелое забытие. Через какое-то время открылась дверь, и голос надзирателя возвестил: «Давай на opravку». Быстро поднялись, задвигались, заходили в полумраке измятые, подавленные заключенные. По три-четыре человека они направлялись к уборной и умывальнику и быстро возвращались. Движение регулировал и ускорял надзиратель.

С завершением утреннего туалета на деревянном подносе принесли хлебные пайки с сахаром и большой медный чайник с кипятком. С трудом, под нажимом соседей, я проглотил кусочек хлеба и сделал несколько глотков кипятка. Так началась камерная жизнь с длинными, томительными днями, неотступными мыслями, неумной тоской по свободе и семье. Несколькими успокаивало то, что я не один, среди людей, сходных по своей участи.

В те времена главную часть подследственных в Рязанской тюрьме составляли обвиняемые в антисоветской пропаганде и агитации. Сюда относились те, кто неодобрительно отзывался об отдельных мероприятиях государства, о Сталине, а также любители анекдотов.

Многие попали в тюрьму по доносу клеветников. Всю эту группу называли «болтунами», к ним примыкали заключенные, чем-либо скомпрометированные в прошлом (пребыванием в других партиях, службой у белых и пр.).

С «болтунами» все обстояло просто. Дела их оформлялись быстро, они знали, что сопротивляться бессмысленно и торопились ускорить следственную процедуру. На пять-десять лет их отправляли на работу в лагеря, там они дожидались лучших времен.

Партийные, советские, профсоюзные работники, хозяйственники и военные находились в более сложных условиях. Они обвинялись в измене Родине, вредительстве, террористических намерениях и чаще всего проходили по групповым делам. Здесь мало было сказать: да, виновен. Надлежало назвать соучастников, вербовщиков и тех, кого сам вербовал, а также какое преступление совершил лично и каждый из участников группы. Подобные дела тягучи, путанны и громоздки, а вовлеченные в самооговор и оговор других, видя, в какой трясине они оказались, пытаются из нее выбраться путем отказа от вынужденных показаний. Но новый нажим часто возвращает их в исходное положение, а дальше подчас следует новый отказ.

Следственный аппарат, пренебрегающий советскими законами, действовал от имени государства. Преступные методы ведения следствия не только подрывали физическое состояние подследственного, но и уродовали его психику. Немало имело случаев полной потери рассудка.

Подвергавшиеся следственным репрессиям часто уступали, надеясь, что рано или поздно применяемые к ним зверские методы следствия будут осуждены, правда восторжествует и их оправдают.

Положение обвиняемых осложнялось отсутствием возможности обжаловать действия следователя. Прокуратура полностью отстранилась от контроля за следственной деятельностью НКВД. Письма и жалобы в любой адрес, в том числе на имя Сталина, дальше портфеля следователя не доходили и оценивались как увертки и клевета на органы.

После моего ареста, как я впоследствии узнал, в квартире стало, как после похорон. С утра следующего дня явился начхоз Дома офицеров и велел срочно освободить квартиру — негоже семье «врага народа» проживать на площади военного учреждения.

Чтобы раздобыть денег на переезд, жена пошла на рынок продавать велосипед. У выхода из здания встретила «бдительного» Накожного, который предупредил, что за продажу вещей «врага народа» она может понести уголовное наказание, так как такие вещи подлежат конфискации.

Сборам к отъезду сопутствовала еще одна неприятность. Жена работала техником у главного архитектора города и как комсомолка состояла на учете в комсомольской организации горсовета, которая за близорукость и неспособность разоблачить «врага народа» исключила жену из комсомола. Собрание полагало, что совместная жизнь на протяжении ряда лет давала возможность бдительной комсомолке распознать подлинное лицо своего мужа.

главным силам в районе Гжатска (Гагарин). В Бородинском сражении командовал правым крылом 1-й армии. После сражения, командуя арьергардом, прикрывал движение войск при отступлении из Москвы, затем обеспечивал Тарутинский маневр русской армии. Во время отступления французской армии командовал авангардом, действия которого отличались большой активностью в боях под Вязьмой, Дорогобужем и Красным. В Заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. отличился в боях под Лютценом, Бауценом и Кульмом; под Лейпцигом командовал гвардией. С 1814 года — командир гвардейского корпуса, с 1818-го — военный губернатор Петербурга. Во время восстания декабристов 14 декабря 1825 года смертельно ранен на Сенатской площади декабристом П.Г. Каховским.

13 октября 1941 года ГКО принял постановление об эвакуации Большого государственного академического театра в г. Куйбышев, МХАТ имени М. Горького — в г. Саратов, Малого академического театра — в г. Челябинск, театра имени Е. Вахтангова — в г. Омск. ГКО обязал НКПС выделить для эвакуации указанных театров и актеров с членами их семей 43 классных и 35 товарных вагонов.

16 октября 1881 года родился Алексей Михайлович Щастный, капитан 1 ранга (1917). В апреле—мае 1918 года — начальник Морских сил Балтийского моря, организатор «Ледового похода» кораблей БФ из Таллина

(Ревель) в Хельсинки (Гельсингфорс) и далее в Кронштадт. В июне 1918 года обвинен в государственной измене и расстрелян. Реабилитирован в 1995 году.

17 октября 1856 года родился Юлий Михайлович Шокальский, океанограф, географ и картограф, профессор, почетный член АН СССР (1939), Герой Труда (1923), генерал-лейтенант флота (1912). В 1877 году окончил Морской корпус, а в 1880-м — Гидрографическое отделение Николаевской Морской академии. Участвовал в плаваниях на броненосце «Петр Великий» и крейсере «Кречет». В 1881—1882 гг. заведовал отделом морской метрологии при Главной геофизической обсерватории. В 1883—1908 гг. — преподаватель Морского корпуса, участвовал в экспедициях на Ладожское озеро и Каспийское море, исследовал речные бассейны. С 1882 года — член Географического общества, а в 1917—1931 гг. — его президент. В 1890—1907 гг. — заведующий библиотекой Морского министерства, с 1907 года — заведующий гидрометеорологической службой Гидрографического управления. В 1907—1930 гг. — преподаватель, профессор и начальник гидрографического факультета Военно-морской академии. С 1925 года — директор Ленинградского картографического института, с 1927-го читал лекции в Ленинградском университете. Составитель и редактор многих географических карт и атласов.

(Продолжение на с. 58)

В Горьком жене отказали в прописке и предложили немедленно покинуть город.

Единственное место, где жена могла устроиться на местожительство, был Дзержинск. Город строился, рос, строители были крайне нужны. Семья рабочего предоставила угол, а исполком — работу по специальности, такую же, как и в Рязани. Правда, необходимо было развестись с «врагом народа». Жена вновь стала Усовой, но это не помогло. Кто-то где-то сказал, что у главного архитектора города работает жена «врага народа». Всполошился архитектор, и, преодолевая неловкость и смущение, попросил жену уволиться «по собственному желанию». На защиту стал прокурор города Малиновский. И позже супруги Малиновские не раз выучили техника Усову. В середине 1960-х годов они, будучи пенсионерами, проживали в Горьком.

Малышка-сын рос у бабушки. Разлука тяготила мать, но взять сына к себе в Дзержинск не позволяли условия.

Мои усилия довести до семьи весть о себе не пропали даром. Дважды жена получала необычные, измятые и трудные для чтения треугольники. В письмах шел разговор об одном: я делаю все, чтобы доказать свою невиновность, и в это верю. Этому верила и жена. Верила и ждала.

После освобождения в Рязани я задержался ненадолго, а затем выехал в Москву, где по поводу восстановления в рядах армии посетил Главное политуправление Красной Армии. Здесь я смог оказать помощь некоторым моим товарищам по прежней работе, подобно мне только что освобожденным из-под стражи. Им требовалось подтвердить кое-какие обстоятельства, что я мог сделать, как их бывший начальник.

События 1937 года в условиях культа личности И.В. Сталина еще долго давали о себе знать, начиная с того, что назначение реабилитированных на те должности, исполнение которых было связано с подписанием и выдачей партбилетов, не допускалось. Иными словами, должности в политорганах были для них закрыты. Мне пришлось уйти с политработы. Но главное, что я уцелел и получил возможность вернуться к жизни и к службе в армии. Ведь очень многим из моих товарищей не посчастливилось остаться в живых. Полагаю, что мне повезло. Следователям не удалось включить меня в групповое дело. Известную роль сыграло и мое упорство.

Зная по собственному опыту и наблюдению, как создаются дела, естественно, я стал сомневаться в правильности осуждения ряда крупных деятелей партии и государства, в том числе военных. Однако только сомневаться,

ибо в голове не уместилось представление о масштабах трагедии, о том, что трагическая эпопея 1937 года с начала до конца — продукт невиданного преступления. Встречи со случайно уцелевшими товарищами ясности не вносили и не устраняли, а скорее укрепляли сомнение.

Как-то во время войны, когда наша армия отступала с Северного Кавказа, я встретил одного из виднейших политработников армии Герасима Ястребова, члена партии большевиков с 1905 года, участника Февральской и Октябрьской революций. В Гражданскую войну он был комиссаром дивизии, а затем комиссаром у легендарного Г.И. Котовского⁴ и членом военного совета ряда округов. Он работал с такими видными военными деятелями, как Якир⁵, Дыбенко⁶, Каширин⁷. С возникновением дела Тухачевского⁸, Якира и других его понизили до должности комиссара штаба округа, а затем арестовали. Содержался он под стражей в Бутырской тюрьме, где сидел в 1905 году. Ему предъявили обвинение как соучастнику руководства военного заговора. Пережив все формы и виды давления, Ястребов устоял и был судом Военной коллегией тогда, когда основная горячка и спешка прошли. Коллегия с формулировкой: «За недоказанностью состава преступления...» Ястребова оправдала. Такой подход не освободил его от подозрений и ограничений в работе. В момент нашей встречи он заводвал пошивочными мастерскими Армавирского военорга. Во время войны он, желая отдать свой опыт и знания Родине, обратился к заместителю наркома обороны Хрулеву⁹, который с давних времен его хорошо знал, с просьбой использовать его хотя бы в окружном звене военорга, но не удостоился ответа.

Я поинтересовался у Ястребова, можно ли по данным следствия, которые были ему известны, полагать, что командующие, с которыми он работал, стали на вражеский путь. Он ответил, что Якир, Блюхер¹⁰, Дыбенко и Каширин, с которыми он в течение многих лет возглавлял различные военные округа и был в самых близких отношениях, — жертвы роковых ошибок.

Годом позже в Баку я встретил Марка Березина, также одного из виднейших политработников. Его я знал по Гражданской войне и многолетней работе в Украинском военном округе. До ареста он недолго командовал военно-воздушными силами Северо-Кавказского военного округа, а до того длительное время занимал должность помощника начальника управления по авиации у Гамарника и одновременно замполита командующего ВВС Красной Армии Алксниса¹¹.

Ему также посчастливилось быть оправданным. В беседе со мной Березин выразил абсолютную уверенность в невиновности Гамарника и Алксниса. Только с ликвидацией культа личности, с этой величайшей, действительно стратегической победой стало возможным реабилитировать множество партийных, государственных и военных деятелей, ставших жертвами наговора и произвола.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хрушев Никита Сергеевич (1894—1971) — политический и государственный деятель. В 1939—1944 гг. — член Политбюро ЦК ВКП (б). В 1953—1964 гг. — первый секретарь ЦК КПСС, в 1958—1964 гг. — председатель Совета Министров СССР.

² Гамарник Ян Борисович (1894—1937) — политический и военный деятель, армейский комиссар 1 ранга (1935). С 1929 г. — начальник Политуправления РККА, с 1930-го — первый заместитель наркома обороны СССР.

³ Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — советский военачальник, комкор (1935). С 1935 г. — заместитель командующего Ленинградским военным округом.

⁴ Котовский Григорий Иванович (1881—1925) — участник Гражданской войны. В 1921 г. командовал частями при ликвидации махновцев, антоновцев и петлюровцев. С сентября 1921 г. — начальник 9-й кавказской дивизии, с октября 1922 г. — командир 2-го кавказского корпуса.

⁵ Якир Иона Эммануилович (1896—1937) — командарм 1 ранга (1935). В 1925—1937 гг. — командующий войсками ряда военных округов.

⁶ Дыбенко Павел Ефимович (1889—1938) — командарм 2 ранга (1935). С 1928 г. — командующий войсками ряда военных округов.

⁷ Каширин Николай Дмитриевич (1888—1938) — командарм 2 ранга (1935). В 1925—1931 гг. — помощник командующего ряда военных округов, в 1931—1937 гг. — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа.

⁸ Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — Маршал Советского Союза (1935). В 1925—1928 гг. — начальник Штаба РККА. С 1931 г. — заместитель наркомвоенмора и председателя Реввоенсовета СССР. С 1936 г. — первый заместитель наркома обороны СССР.

⁹ Хрулев Андрей Васильевич (1892—1962) — генерал армии (1943). С 1940 г. — Главный интендант Красной армии. В Великую Отечественную войну — начальник Тыла Красной армии, в 1942—1943 гг. — одновременно нарком путей сообщения СССР. В 1946—1951 гг. — начальник Тыла Вооруженных Сил СССР.

¹⁰ Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — Маршал Советского Союза (1935). В 1929—1938 гг. командующий Особой Дальневосточной армией.

¹¹ Алкснис (Астров) Яков Иванович (1879—1938) — командарм 2 ранга (1935). В 1926—1931 гг. — заместитель начальника ВВС РККА. С 1931 г. — командующий ВВС РККА. С января 1937 г. — также заместитель наркома обороны по авиации.

*Публикация полковника
в отставке
В.А. ГУРКОВСКОГО*

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

Записки о революционных событиях и Гражданской войне в России в 1917–1922 гг.

В. В. САВИНКОВ

ПОСЛЕ ТОГО как пришло сообщение о низложении Временного правительства, я отправился к Соллогубу¹ за подписью на мои отпускные документы, но получил отказ. Попросил объяснить мне мотивы отказа, изложив собственные: начальник штаба Вальтер объявил, что всем желающим будут выданы документы и деньги, а генерал Малявин просто сказал мне принести бумаги на подпись, когда я к нему обратился с соответствующей просьбой. Соллогуб ответил, что Вальтер покинул свой пост, а Малявин более не генерал-квартирмейстер. Поэтому их приказы не могут быть обязательны. Он же, Соллогуб, со своей стороны полагает, что покидать товарищей в такую минуту нельзя, что все должны разделить общую участь и держаться вместе, дабы сохранить России армию в тяжелые дни испытаний. На мои возражения Соллогуб мягко уверял меня, что я, во-первых, заблуждаюсь и что он, во-вторых, не может сделать исключение и отпустить меня одного. Я ответил, что кроме меня есть еще офицеры, не согласные служить. Соллогуб заявил, что пока положение не выяснится, он никому документов не даст.

По дороге к К., с которым я хотел сговориться, как атаковать Соллогуба, чтобы добиться бумаг, я встретился с поручиком Ж. Последний мне сообщил, что ему предлагали быть начальником политического отделения, но он отказался, что он уже видел отпечатанный приказ, в котором и он и я предназначались к направлению в пехоту рядовыми. Он тоже решил уехать. Таким образом, резиновая совесть щегловитовского² чиновника оказалась менее растяжимой, чем совесть офицеров Генерального штаба. По словам того же Ж., начальником политического отделения в конце концов оказался тот самый писарь, эсер-оборотец, который так ярко выступал против большевиков на собрании по поводу передачи власти Советам.

Собрание офицеров штаба, на котором предлагалось подписать

соответствующую резолюцию, было прервано как раз во время чтения последней приходом генерала Довбор-Мусницкого³. Когда ему объяснили, в чем дело, генерал начал говорить. То, что он говорил, не было речью, а скорее отеческим поучением старшего и заслуженного товарища. Поучение это сделало бы честь любому иезуиту... средней руки. Довбор говорил, что мы, офицеры, подчиняемся российской власти. Не наше дело, что произошел переворот, нас это не должно касаться. Мы обязаны подчиняться начальству и исполнять свой долг, не входя в обсуждение, кем и как начальство поставлено и каково оно само. Комитеты разложили армию. А что делаем мы? Да еще наполовину окончившие ту же, что и он, академию? Разве мы не поступаем, как солдаты, не митингуем? Не выносим резолюций, как комитеты? Ай-ай-ай, как стыдно, как нехорошо... а еще учились в университетах и академиях... Я задал генералу вопрос: как быть, если я, например, не признаю новую власть законной, смещение [Верховного] главнокомандующего⁴ и назначение нового⁵ считаю неправомерным? Генерал отвечал, что офицер и мыслей подобных не должен иметь в голове. Как можно? Разве мы, офицеры, не должны подавать пример сознательно-го отношения к долгу, беспрекословного повиновения и исполнения приказаний? Мы ни в коем случае не можем входить в обсуждение правильности назначений и перемещений, а иначе офицерство превратится в такую же разложенную и своевольную массу, как и солдаты.

Хитрый поляк сознательно провоцировал штаб. Создавая часть польской армии⁶, он такими выступлениями способствовал ослаблению России, мешая организации противобольшевистских сил.

Как и множество определенного направления поляков, полагающих, что всякий минус для России тем самым есть плюс для Польши, он, вероятно, надеялся, что полное крушение России обеспечит возрождение его родины. К этому, возможно, примешивалось еще и следующее соображение: если штаб фронта, от которого Польский корпус⁷ находился еще в некоторой зависимости в смысле

снабжения и передвижений, останется в руках офицеров, польские части не будут встречать тех затруднений и препятствий, которые им непременно начал бы ставить штаб, находящийся в руках большевистской солдатни.

Речи генерала пришлось по сердцу господам офицерам штаба. Люди, большинство которых я знал как способных и умных, прикинулись несмышленишами и сделали вид, что Довбор их убедил: я не могу допустить, чтобы их можно было так плоско одурачить.

Что было дальше, я не знаю. Я забросил [принятую собранием] резолюцию на шкаф, около которого стоял, и вышел вместе с К. «Эти «моменты»* отлично понимают друг друга, — заметил он. — И не поймешь, кто же лучше: Довбор или наши?» Вместе мы пошли к Соллогубу. Сначала мы заявили, что уйдем и без документов и без денег и что он только создает нам лишние затруднения. В конце концов он согласился подписать наши документы, но просил никому об этом не говорить: он уже боится ответственности перед большевиками и уже, по-видимому, служил им и за страх, и за совесть.

Я зашел на телеграф. Дежурил офицер, у которого на рукаве было три или четыре пометки о ранениях. Он еще хромал и ходил с палкой. Этот оказался большевиком⁸. Я проговорил с ним около часу. И этот тоже не верил в творческие силы большевиков. И ему тоже казалось, что большевики дольше двух-трех недель у власти не продержатся. Примкнул же он к ним потому, что считал ненужным и вредным продолжение войны, во-первых, а во-вторых, потому что считал необходимым «смести гнусное по своему бессилию правительство». Большевики, по мнению офицера, должны были вызвать из низов и из глубин народных новые мощные творческие силы, которые и свалят [их самих,] большевиков. Большевистскую демагогию он считал нужным средством борьбы и находил, что большевики полезны тем, что уничтожают всю гниль, мешающую творческой работе. Он стал убеждать меня примкнуть к большевикам. Я сказал, что не разделяю их взглядов и теорий. «Это не важно, — отве-

* «Моментами» в армии называли офицеров Генерального штаба.

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2006. № 1–9.

чал он. — Большевики — единственная сила. Все остальное — рвань. Значение большевиков не в их теориях, а в их энергии, настойчивости и дерзости. А с кем

обычным порядком. Временно исполнявший должность дежурного генерала генерал, который меня немного знал, на мой вопрос, оспаривается ли он, отвечал:

езд тронулся, и я почувствовал себя легко: главное было выбраться из Минска.

Таким образом, из всего офицерского состава штаба фронта лишь следующие лица отказались остаться на службе и немедленно покинули фронт: генерал Балуев с адъютантами, генерал Вальтер с сыном, генерал Малявин, [капитан И.,] капитан К., поручик Ж. и я. Из всех нас только двое (капитан И. и я) ехали с определенным намерением бороться против большевиков. Генерал Балуев мечтал просто спокойно пожить — он устал, разнервничался и разболелся. Генерал Вальтер считал борьбу бесполезной и уже тогда видел, что Дон превратится в Вандею. Капитан К. ехал к жене с намерением устроиться на частную службу и навсегда снять мундир.

То, что армейские офицеры штаба остались служить, объясняется тем, что они, как и подавляющее большинство офицеров вообще, своего мнения в политических вопросах не имели. Они всецело находились под влиянием офицеров Генерального штаба, в большинстве своем принадлежа к привилегированным кругам. Впоследствии из всех своих знакомых по штабу Западного фронта в белых армиях я встретил лишь именно Малявина, приобретшего незавидное положение в армии Юденича, Г., служившего в Крыму, и Но... — на Кубани. Среди красных я встречал имена Балуева (член Реввоенсовета Республики), Соллогуба (командовавшего армией, кажется, XII), Липского и еще несколько других. Многие офицеры, как я слышал, впоследствии бежа-

БОЛЬШЕВИКИ, по мнению офицера, должны были вызвать из низов и из глубин народных новые мощные творческие силы, которые и свалят [их самих,] большевиков

вы? И с ними вы думаете бороться против большевиков? Заранее говорю: бросьте. Идите с нами, как иду я. Со временем будет видно, с кем идти дальше».

Я сердечно простился с телеграфистами. Один из них вышел со мной в коридор, и я сообщил ему, что надеяться на штаб нечего.

Проходя мимо квартиры главного командующего⁹, сквозь стекла дверей я увидел те же самые две рожи в папахах, что раньше охраняли Балуева. Что это значило? Ударников же наших я больше не видел: большевики окружили их помещение двумя полками и разоружили. Молодежь хотела было сопротивляться. Офицеры убедили солдат в бесполезности сопротивления: некого и нечего больше защищать. Большевики требовали выдачи офицеров. Ударники отказали. Насколько помню, офицерам удалось бежать.

На следующий день, получив свои бумаги не без некоторой, однако, [повторной] борьбы с Соллогубом, я отправился на дежурство за деньгами. Тут работа шла

— Что ж поделаешь? Жена, дети, батенька... Куда с ними денешься? Да и работу бросить как-то неприлично.

По крайней мере, просто и честно, без высоких фраз о долге и России.

В просимой сумме (мой денщик Князев уже два дня продавал на базаре некоторые из моих вещей) генерал мне, однако, отказал, думаю, просто в силу привычки сообразоваться с состоянием казначейства. Он не догадывался, что через два-три дня большевики отберут у него все суммы. Казначей, которого я знал за порядочного человека и которому поэтому сообщил, куда и зачем еду, пожелал мне счастья.

— А доедете? — усомнился он. — Бог вас храни. Скажите там, что все мы на Каледина¹⁰ одного и надеемся.

На следующее утро я не без тревоги с женой и с Князевым сел в вагон. Ехал с шашкой и револьвером у пояса, в погонах, несмотря на расклеенный повсюду приказ о снятии последних, несмотря на случаи расправ с офицерами. По-

ХРОНОГРАФ

(Продолжение. Начало на с. 54)

Автор фундаментального труда «Океанография» (1917, 1959). Награжден орденами Св. Владимира 4-й, 3-й и 2-й степени, Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени. Его именем названы 12 географических пунктов, в частности пролив в архипелаге Северная Земля и научно-исследовательское судно Гидрометслужбы, построенное в 1959 году. Умер Ю.М. Шокальский в 1940 году.

17 октября 1911 года родился Петр Александрович Кривоногов (г. Сарапул, Удмуртия), живописец-баталист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1955), лауреат Государственной премии (1949). Участник Советско-финляндской войны. Окончил Ленинградскую академию художеств (1938). С 1939 года — в Красной армии. С 1940 года — в Студии военных художников им. М.Б. Грекова. Первым награжден золотой медалью им. М.Б. Грекова (1967). Известен полотнами «Корсунь-Шевченковское побоище», «Победа на Курской дуге», «Защитники Брестской крепости», «Комиссар Брестской крепости». Умер 22 августа 1967 года.

17 октября 1936 года во Владивостоке закончился начатый 1 августа первый переход военных кораблей с Балтики на Дальний Восток по Северному мор-

скому пути (СМП). Совершив переход из Кронштадта по Беломорско-Балтийскому каналу в Архангельск, эсминцы «Сталин» и «Войков» (командиры капитан-лейтенант В.Н. Обухов и капитан 3 ранга М.Г. Сухорук), в сопровождении ледореза «Ф. Литке» прибыли на Новую Землю. Отсюда вместе с пароходом «Анадыр» и танкерами «Локбатан» и «Майкоп» они начали движение по трассе СМП. На время плавания на эсминцы были назначены опытные полярные капитаны П.Г. Милловзоров и Н.М. Николаев.

17 октября (по другим данным, 19 октября) 1941 года решением Ставки ВГК создан Калининский фронт из войск правого крыла Западного фронта. Командующим фронтом назначен генерал-полковник И.С. Конев; членом военного совета — корпусной комиссар Д.С. Леонов; начальником штаба — генерал-майор И.И. Иванов; штаб фронта был развернут в районе Бежецка.

18 октября 1941 года началась Крымская оборонительная операция (закончилась 16 ноября) войск 51-й армии (генерал-полковник Ф.И. Кузнецов) и Приморской армии (генерал-майор И.Е. Петров) во взаимодействии с Черноморским флотом (вице-адмирал Ф.С. Октябрьский). Противник для наступления на Крым сосредоточил 7 пехотных дивизий 11-й армии, 2 бригады румынского горного корпуса и значительные воздушные силы. 51-я армия и прибывшая в Крым из Одессы Приморская армия насчитывали 4 кавалерий-

КОНДУКТОРЫ были настроены против большевиков, и Октябрьский переворот считали насильственным захватом власти, преступным в особенности потому, что он был произведен чуть ли не накануне Учредительного собрания

ли из штаба фронта, но за исключением Г. остальным всем, насколько я знаю, было все равно, где бы ни служить, лишь бы иметь положение, хорошее содержание и возможность делать карьеру. В белых армиях служило сравнительно ничтожное меньшинство офицеров Генерального штаба. Многие из них лишь укрепили меня в моем нелицеприятном взгляде на русский Генеральный штаб.

Не знаю, случайно ли, или участник был такой, но от Минска до Орши мы ехали в почти пустом вагоне. Солдаты на станциях почти отсутствовали.

Несколько раз со мной беседовали кондукторы. Они были настроены против большевиков, и Октябрьский переворот считали насильственным захватом власти, преступным в особенности потому, что он был произведен чуть ли не накануне Учредительного собрания. Ко мне кондукторы относились необыкновенно благожелательно: они советовали снять погоны, шашку и револьвер, говоря, что офицеров, путешествующих в таком виде, арестовывает в Орше контроль от совдепа. Еще опаснее Орши — Смоленск. Там на вокзале творятся безобразия. Сами кондукторы были свидетелями многих

арестов, нескольких избиений и убийств офицеров. Я все-таки не снял ни погон, ни шашки, ни револьвера. Снять погоны в то время мне казалось позорным: это была бы уступка толпе, выражение покорности ей. Ну а шашка и револьвер... Я знаю, что [при их наличии] не много найдется охотников нападать: револьвер будет стрелять, а шашка — рубить.

«ОНИ — наши. Теперь благодаря им и свобода и власть — тоже наши... А вашей власти, барин, — повернулся он ко мне, — конец пришел. Поэтому и я, и вся наша волость, а может быть, и уезд, будем голосовать за пятый список — за большевиков»

В Орше наш вагон заполнился солдатами, которые никаких враждебных намерений по отношению к моей амуниции не проявляли, занимаясь самыми обыденными разговорами.

На какой-то станции подсел к нам еще один — гигант лет сорока. Плечи его поражали невообразимой шириной, длинные руки оканчивались волосатыми мощными кистями. Очертания

лица скрывались за густой черной бородой, под выстриженными усами пламенел резкий и крупный рот. Громко и возбужденно он начал толковать о том, как недавно громили одного помещика и как вскоре будут громить другого. Как выяснилось затем, солдат-громилла стоит за большевиков, видя в них действительно народных печальников и борцов за нужды «меньшей братии». Верзила громыхал: «Они — наши. Теперь благодаря им и свобода и власть — тоже наши... А вашей власти, барин, — повернулся он ко мне, — конец пришел. Поэтому и я, и вся наша волость, а может быть, и уезд, будем голосовать за пятый список — за большевиков».

Я попытался напомнить ему о социалистах-революционерах. Но он и слушать не стал. «Что эсеры? — сразу же возразил он, с издевкой разделяя название партии на неприличные слоги. — Вот был Керенский — эсер. Почему же он свободы не давал? Почему мир не заключил? Почему помещиков не гнал? Что ж с него толку? А большевики — не то! Эти не подведут. Мы уж это видим».

ских и 12 стрелковых дивизий, из них на наиболее опасном северном направлении занимали оборону 5 дивизий — 4 на Ишуньских позициях и 1 на Чонгарском перешейке. Используя численное превосходство, противник к 20 октября прорвал Ишуньские позиции, советские войска оказались в тяжелом положении. Ставка ВГК объединила действовавшие в Крыму сухопутные и морские силы под командованием вице-адмирала Г.И. Левченко. Ведя тяжелые бои, Приморская армия отошла к Севастополю, а 51-я — к Керчи, откуда была эвакуирована на Таманский полуостров. Попытки врага с ходу захватить Севастополь были сорваны. Началась героическая оборона города.

19 октября 1786 года родился Алексей Федорович Орлов (Москва), генерал от кавалерии (1833), дипломат. Участник походов русской армии против Наполеона, возглавлял русскую делегацию при заключении Адрианопольского мирного договора с Турцией. В 1844—1856 гг. — шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения, в 1856 году был главой русской делегации на Парижском конгрессе, завершившем Крымскую войну. С 1856 года занимал должности председателя Госсовета и комитета министров. Выступал против отмены крепостного права. Умер 21 мая 1861 года.

20 октября 1906 года родился Федор Петрович Полюнин (с. Сухой Отрог, ныне Балаковского р-на Са-

ратовской обл.), генерал-полковник авиации (1946), Герой Советского Союза (1938). В Красной армии — с 1928 года. Окончил школу летчиков и летнабов (1931), Курсы усовершенствования начсостава при Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского (1935), Военную академию Генштаба (1955). За отличие в боях против японских захватчиков в Китае (1937—1938) удостоен звания Героя Советского Союза. В Советско-финляндскую войну 1939—1940 гг. командовал ВВС 13-й армии. С августа 1940 года — командир 13-й бомбардировочной авиадивизии. В июне 1941 года — генерал-майор авиации. В ходе войны — командир 13-й бомбардировочной авиадивизии, командующий ВВС Брянского фронта (с августа 1941 г.), заместитель командующего 2-й (с мая 1942 г.) и 6-й (с сентября 1942 г.) ВА, командующий 6 ВА (с января 1943 г.). С ноября 1944 до 1947 года командовал ВВС Войска Польского. С 1947 года — на командных должностях в ВВС Вооруженных Сил СССР, в 1959—1971 гг. — начальник тыла ВВС. Умер 21 ноября 1981 года.

20 октября 1916 года на рейде Севастополя взорвался и погиб линкор «Императрица Мария». Трагедия унесла жизни 228 моряков. Существует несколько версий причин гибели корабля, но до сих пор тайна катастрофы не раскрыта.

(Окончание на с. 74)

И все же разговор с ним завязался. Я выяснил, что солдат из Смоленской губернии, Юхновского уезда. Того самого, где я еще в конце 90-х годов видел курные избы. Призван он незадолго перед революцией, служил кузнецом в запасной части и при первой возможности дезертировал. Сейчас возвращался из поездки по своим делам.

ван в офицерскую школу только тогда, когда пробыл несколько месяцев рядовым в боях. После школы он снова вернулся в то же положение и, пройдя все унтер-офицерские должности, был произведен [в офицеры]. Таким образом, говорил он, в бельгийской армии отбирается способный и надежный командный состав. Никто не производится в офицеры без боевого стажа.

НАКОНЕЦ поезд остановился на границе Войска Донского. Я выглянул в окно [и пришел в восторг]. Какая изумительная разница [по сравнению с виденным раньше]: чисто, офицеры и казаки — в погонах, два-три казака спокойно, без усилий распоряжаются притихшей и спокойной толпой

В Смоленске, где нам предстояла пересадка, на перроне грудились толпы народа, так что стоило большого труда, да и то с помощью знакомого кондуктора, добыть место в переполненном вагоне. Когда поезд тронулся, он провел меня и жену в другую половину, где было два купе. В одном из них расположились рослый артиллерийский полковник, который любезно пригласил нас войти, пехотный подпоручик и буржуй-еврей, почему-то облаченный в колоссальнейшие болотные сапоги.

Полковник был бравым и смелый. Ехал он во Владивосток поступать на службу в американскую армию (в то время ходили слухи, что американцы охотно принимают русских офицеров-специалистов). Пехотный подпоручик оказался студентом Льежского политехникума и лейтенантом бельгийской армии, вернувшимся из эмиграции. Буржуйчик все время буквально дрожал от страха, и его обтянутые кожей колени ходили ходуном. При каждом усилении шума, доносившегося из салона, он вздрагивал и принимался причитать, уверяя, что сейчас придут солдаты и всех перережут. У него одного был билет первого класса, поэтому он неоднократно выражал неудовольствие тем, что мы, офицеры, находимся в «его» купе: дескать, если начнут убивать нас, то и его попутно прихватят, а если бы нас не было, то у него остались бы все шансы выйти живым из этого «ужаса».

В конце концов надоедливый буржуйчик улегся, а бельгиец стал рассказывать о боях в Бельгии, о том, как он стал офицером. Оказывается, он был командиро-

ван в Богоявленске, где снова нужно было пересаживаться, я расстался с моим денщиком Князевым, отправлявшимся на время к себе домой (впоследствии я получал от него письма, но пробраться ко мне через фронт он не мог). Поезда там пришлось ждать около суток. Вся платформа станции была завалена мешками с зерном (в столицах уже не хватало хлеба, и народились первые мешочники), серые солдатские шинели захлестнули и платформы, и станционные помещения. Жена ушла в дамскую комнату, куда солдаты еще не решались проникать, а я дремал на стуле в зале второго класса. Проснувшись, увидел неподалеку нескольких офицеров. Хотя они и были без погон, признать, кто они, не составляло труда. Инстинктивно или сознательно офицеры старались держаться кучкой.

Рано утром пришел поезд. Не без труда пробились мы с женой в вагон, в пути замечая, что чем ближе к югу, тем меньше солдат. Наконец поезд остановился на границе Войска Донского¹¹. Я выглянул в окно [и пришел в восторг]. Какая изумительная разница [по сравнению с виденным раньше]: чисто, офицеры и казаки — в погонах, два-три казака спокойно, без усилий распоряжаются притихшей и спокойной толпой. Почему же такая перемена? Ведь солдат — все тот же русский мужик, одетый в военное, все та же «крупа», «кислая шерсть» и т.п. Нет, он не изменился, конечно, но, почуяв порядок и власть, примолк и подчинился. А все-таки почему? Разве от того, что сюда еще не докатилась волна революции?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Соллогуб Сергей Иванович** — генераль-ного штаба подполковник, второй генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта.

² **Щегловитов Иван Григорьевич** (1861—1918) — министр юстиции (1906—1915). Известен организацией скандальных политических процессов, введением военно-полевых судов и установлением телесных наказаний для политических заключенных. Отсюда и горькая ирония автора «Записок» по поводу «резиновой совести щегловитовского чиновника».

³ Командир 1-го Польского корпуса легионеров.

⁴ Генерал-лейтенант Н.Н. Духонин должность Верховного главнокомандующего занимал с 3 по 9 ноября (по старому стилю) 1917 г.

⁵ Имеется в виду прапорщик Н.В. Крыленко, назначенный Верховным главнокомандующим 8 ноября (по старому стилю) 1917 г.

⁶ В июне 1917 г. Временное правительство приняло решение о формировании отдельных национальных частей и соединений. Так, по воспоминаниям бывшего начальника штаба Верховного главнокомандующего (июнь—сентябрь 1917 г.) генерал-лейтенанта А.С. Лукомского, «было разрешено только постепенно украинизировать несколько корпусов на Юго-Западном и Румынском фронтах, отнюдь не перемещая офицеров» (см.: Архив русской революции: В 22 т. М.: «Тerra»; Политиздат, 1991. Т. 2. С. 39).

⁷ Польский корпус был создан из польских национальных формирований, дислоцировавшихся в Белоруссии (Рогачев, Жлобин, Бобруйск) под командованием генерала Н.Р. Довбор-Мусницкого. Последний, пребывая в той же должности, возглавил антисоветский мятеж (январь—февраль 1918 г.).

⁸ Во многих политических оценках и формулировках В.В. Савинков зачастую неточен и противоречив, как и в данном случае, о чем свидетельствуют его дальнейшие рассуждения.

⁹ Имеется в виду генерал от инфантерии **Балуев Петр Семенович** (1857—1923), главнокомандующий армиями Западного фронта (август—ноябрь 1917 г.)

¹⁰ **Каледин Алексей Максимович** (1861—1918) — генерал от кавалерии (1917). Командующий 8-й армией Юго-Западного фронта и (май 1916 г. — май 1917 г.) — атаман Донского казачьего войска и глава Донского правительства, руководитель антисоветского выступления на Дону, после подавления которого застрелился.

¹¹ Донское казачье войско ведет отчет своей истории со второй половины XVI в. Стихийно образовалось из так называемых окраинных вольных людей, а в действительности — из российских беглых крестьян и горожан. Чтобы управлять специфическим воинствующим сословием, правительство предоставляло ему различные привилегии, используя «донцов» для обороны южных границ России, а начиная с XVII в. и как вооруженную силу в войнах. В Первую мировую войну, к примеру, на Дону были сформированы 60 кавалерийских и других частей общей численностью свыше 100 тыс. человек. Имелись и значительные людские резервы, поскольку территорию, находящуюся в зоне влияния Донского казачьего войска, населяли около 3 млн. 530 тыс. человек.

Публикация В.А. АВДЕЕВА

(Окончание следует)